



"Влюбленный опекун"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Лаура Кинсейл

Влюбленный опекун

Пролог

Стоя посреди чумазных полуголых индейцев, леди Тесс Коллир понимала, что выглядит далеко не как леди. Однако ей не хотелось испытывать на себе укоризненные взгляды благовоспитанных европейцев в Паре, свидетельствующие, что после шести месяцев странствий по реке Амазонке она представляет собой весьма печальное зрелище. Ее юбка была порвана и отяжелела от воды при высадке из причалившей к берегу пироги, волосы растрепались и свисали спутанными прядями, ногти поломались при разгрузке драгоценной коллекции растений и животных. В общем, ее вид никак не соответствовал облику, подобающему единственной дочери графа Морроу.

Откинув назад прядь черных волос, Тесс великодушно сообщила индейцам, что прячущиеся в джунглях чудовища с ужасными мордами больше не будут преследовать их и теперь, когда лодки разгружены, люди могут вернуться домой, не подвергаясь опасности. Облегчение, отразившееся на лицах слушателей, выглядело довольно комичным и в то же время вызывало у Тесс чувство сострадания. Они решились сопровождать белую женщину в ее путешествии из города Барра-ду-Риу-Негру, чтобы спастись от сверхъестественных тварей, которые, по ее словам, обязательно нападут на них, если они откажутся, и всю дорогу вниз по реке то и дело опасно озирались.

Когда Тесс сказала, что больше не нуждается в их услугах, индейцы побрели прочь с потерянными видами, пытаясь сориентироваться в незнакомой городской обстановке.

Тесс тоже чувствовала себя неловко. За шесть месяцев она преодолела тысячу миль по реке, но даже за это время не смогла до конца смириться со смертью отца, который стал жертвой желтой лихорадки в первый день нового года в маленькой деревушке, расположенной вверх по течению реки. Первого января 1863 года исполнилось десять лет с того дня, как граф Морроу собрался в путешествие с одиннадцатилетней Тесс; он покинул богатое поместье в графстве Восточный Суссекс, чтобы, скитаясь по свету, стать естествоиспытателем; и когда он, лежа в горячке в индейской хижине, совсем ослабевший, велел Тесс уезжать, она не заплакала, заверив его, что у нее все будет в порядке.

Тесс похоронила отца в мягкой земле, под высокими деревьями, которые он любил. Рядом с ней находились только священник-португалец и полуголый негритенок, оплакивающий смерть хозяина. В тот момент под молчаливыми деревьями, казалось, беззвучный голос отца продолжал шептать, чтобы Тесс уезжала домой.

Она стояла в задумчивости на пыльной улице, не в силах отогнать воспоминания, как вдруг над ее ухом раздался гортанный крик. Тесс слегка повернула голову к маленькому попугаю с ярким оперением, устроившемуся на ее плече. Попугай подозрительно посмотрел на нее, затем схватил клювом прядь ее волос, и Тесс с улыбкой отклонила голову.

- Ты еще не передумала ехать со мной домой, Исидора?

Исидора молчала. Тесс хотела освободить дружелюбную птицу, перед тем как покинуть Барру, но, когда дверца плетеной клетки открылась, Исидора перелетела ей на плечо и удобно устроилась там. Без каких-либо принуждений, требуя только орехи, птица сопровождала Тесс в путешествии по реке и, кажется, намеревалась последовать за ней до Англии, чему Тесс втайне была рада. Мысль о возвращении в свой старый дом вызывала у нее смятение и трепет в

большей степени, чем путешествие по Амазонке. Разумеется, туземцы, москиты и быстрое течение реки представляли собой известные трудности, но жизнь богатой английской наследницы тоже была полна таинственности.

Домой. Как просто и в то же время как пугающе это звучит. Казалось, отец на смертном одре внезапно понял, какой одинокой и незащищенной будет его единственная дочь, когда он умрет. Во время путешествий он не беспокоился о будущем Тесс, и она тоже не думала об этом, полагая, что кочевая жизнь будет продолжаться бесконечно долго и отец всегда будет рядом с ней. Однако теперь уже нет смысла медлить. До загородного дома Абрахама Тейлора, британского консула в бразильском штате Пара, ей придется преодолеть почти две мили. По замыслу отца его старый друг мистер Тейлор станет доверительным собственником ее поместья. Это была единственная утешительная мысль среди множества беспокойных.

К концу дня Тесс уже брела, спотыкаясь, по пыльной дороге, с трудом приподнимая грязную юбку и потея от жары и влажного воздуха.

Выйдя за черту города, она оказалась среди густой растительности. Блестящие ящерицы с зелеными и голубыми полосками приподнимались на коротких лапках и удирали с ее пути, задрав хвосты, похожие на острые шипы. Тесс шла по тропинке, сопровождаемая щебетом птиц и порхающей яркой бабочкой с серовато-голубыми крыльями, которую она машинально отнесла к классу *Morphos*.

Наконец, миновав поблекшие ворота усадьбы Тейлоров, Тесс с трудом поднялась на широкую, увитую зеленью веранду. Дверь ей открыла чернокожая служанка и тут же провела Тесс в холл, где вечерний воздух был наполнен желанной прохладой и запахом цветов. Большие комнаты с оштукатуренными стенами были ярко освещены оранжевыми и золотистыми лучами заходящего солнца, которые проникали через высокие окна.

Служанка проводила гостью через пустынный холл в скудно обставленную гостиную, где стройная седовласая женщина вслух читала мужу толстую книгу.

Увидев Тесс, миссис Тейлор отложила Библию и поднялась, а мистер Тейлор подался вперед с доброй улыбкой на мужественном лице.

- Леди Тесс! Ну слава Богу! - воскликнула миссис Тейлор. - Мы так долго ничего не слышали о вас и поэтому беспокоились. Что случилось? И где ваш отец?

Тяжело вздохнув, Тесс подошла к миссис Тейлор и взяла ее за руки.

- Папа умер, - тихо сказала она. - Всему виной лихорадка.

Лицо миссис Тейлор исказилось, и Тесс почувствовала, что ее руки задрожали.

- Пожалуйста, присядьте, мэм, - попросила она. - С моей стороны жестоко сообщать вам об этом без подготовки, но я не имела возможности послать письмо с предварительным извещением.

Миссис Тейлор тяжело села в кресло, и Тесс опустилась на колени рядом с ней. Сообщая печальную новость старейшим и преданнейшим друзьям отца, она неожиданно с новой силой ощутила горечь потери. Никогда больше ей не увидит отца, не услышать рассказ о новом ботаническом чуде, которое ему удалось обнаружить. Трудности путешествия на какое-то время затмили для Тесс значительность потери, хотя, преодолевая напасти, она всегда чувствовала рядом присутствие отца. Теперь, когда напряжение спало, Тесс труднее было

сдерживаться, и ее губы предательски задрожали.

- Когда это случилось? - тихо спросил мистер Тейлор.

Тесс постаралась придать своему голосу твердость:

- В первый день нового года.

- В самом начале года... - произнесла миссис Тейлор упавшим голосом. - Сколько времени прошло...

- Значит, с тех пор вы находились там одна? - прервал жену мистер Тейлор, в его голосе Тесс почувствовала боль. Наверняка Тейлор считал дни их отсутствия, отмечал по письмам пройденные мили и заочно переживал опасности, подстерегавшие друга и его дочь на реке. Девушка медленно кивнула.

- Вернуться оказалось не так просто.

Мистер Тейлор проворчал что-то и отвернулся.

- О, моя бедная детка! - прошептала миссис Тейлор.

- Я в полном порядке. - Тесс почувствовала, как к ее горлу подступает ком, и рассеянно согнала Исидору, которая вознамерилась окончательно разрушить то малое, что осталось от ее прически.

- Вы... Я считаю вас храбрейшей женщиной, какую мне когда-либо приходилось встречать, леди Тесс... - Мистер Тейлор замолчал.

- О нет, - возразила Тесс слабым голосом. - Я вовсе не храбрая.

Миссис Тейлор погладила Тесс по голове.

- Ничего. Теперь вы с нами и в безопасности.

- Увы, я не смогу долго оставаться здесь. - Тесс подняла голову. - Я обещала отцу сразу отправиться в Англию.

Миссис Тейлор коснулась щеки Тесс.

- И вы действительно хотите немедленно вернуться домой?

- Нет. - Тесс закусил губу. - Не хочу.

- Тогда почему, дорогая?

- Потому что... - Тесс попыталась взять себя в руки, однако напряжение последних месяцев вылилось во внезапное бурное рыдание. - Потому что все эти англичане предполагают увидеть меня истинной леди! Они будут смеяться надо мной и подумают, что папа плохо воспитал меня, а я... Это, конечно, глупо, но я ужасная трусиха... - Тесс встала и сердито вытерла слезы.

- О, черт... Я больше не буду плакать! Короче, папа заставил меня дать обещание немедленно выйти замуж! - Ее голос прервался, руки нервно теребили порванную юбку. - Вы только взгляните на меня, мистер Тейлор. Какой джентльмен захочет взять в жены такое пугало?

Глава 1

Капля теплого дождя упала на аристократичный нос Грифона Меридона, и он смахнул ее жестом, который свидетельствовал скорее о его недостаточном воспитании, чем об аристократизме. Правда, он не позволил себе с грохотом захлопнуть дверь таможни в порту Санта-Мария-ди-Белен-ду-Гран-Пара, но лишь из страха, что это чертово препятствие слетит с петель, а отнюдь не руководствуясь правилами хорошего тона.

Сняв с себя намокшую шляпу, Грифон тряхнул головой, отчего с густых локонов в стороны полетели искрящиеся брызги.

С помощью значительной порции мексиканского серебра бравый капитан в конце концов покончил с регистрацией в порту своего корабля под названием «Арканум», который прибыл из Ливерпуля. Владельцем и командиром корабля являлся капитан Фрост, и хотя эти сведения были наглой ложью, главное – они соответствовали документам. В данный момент он был для всех капитаном Фростом, и это имя слетело с языка Грифона так естественно, как будто действительно принадлежало ему.

Перешагнув через лужу у подножия крыльца, Грифон вышел на раскисшую немощеную улицу. Его корабль стоял в конце пристани прямо перед ним, и ему оставалось только надеяться, что старший помощник сумеет справиться с новой командой без него. Имея властный характер, Грейди сможет заставить работать незнакомых людей, хотя на этот раз под его началом собралась чертовски скверная компания.

Ни Гриф, ни кто-либо другой не могли назвать работы, производимые сейчас на корабле, нормальными, поскольку ситуация на «Аркануме», безусловно, была далека от стандартной. Многие сочли бы, что ничего особенного не происходит, однако Гриф был другого мнения. Соблазн восполнить недостаток рабочих рук привел к такому положению, что лучше бы никакого пополнения не было. На этот раз ему придется управлять командой из двадцати трех человек вместо обычных десяти.

И все из-за ее высочества леди Терезы Коллир. По прошествии двух месяцев Гриф обнаружил, что его клипер превратился из наемного быстроходного корабля, способного преодолевать американскую блокаду, в судно, скорее похожее на элегантные плавучие детские ясли.

Вплоть до этой донкихотской миссии Гриф был вполне счастлив, работая на эксцентричного графа Морроу; чартерные перевозки по заказу графа были приятной переменной в деятельности. Морроу вполне мог зафрахтовать вместо парусного «Арканума» один из пароходов, построенных специально для того, чтобы ускользать от американских кораблей, но графа не интересовала существенная выгода от таких перевозок. Он просто осуществлял пожертвования и хотел убедиться, что его мятежные друзья-южане не голодают за линией фронта.

Теперь, когда эта деятельность закончилась, Грифу было предписано прибыть в порт Нассау для получения дальнейших указаний. Он жаждал взяться за новую работу, несмотря на то что блокада опасно сжималась. В глубине души капитан надеялся, что граф продолжит пользоваться его услугами и после войны: это было бы ответом Господа на его молитвы в течение половины жизни – найти заказчика на постоянные чартерные перевозки. Может быть, произойдет чудо и он приобретет стабильный заработок.

В свои двадцать пять лет Гриф забыл, что значит чувствовать себя в безопасности, и даже убедил себя, что такое состояние вообще невозможно.

Агент в Нассау предложил Грифу работу, которую он сейчас готовился выполнить. Впрочем, «предложил» – слишком мягко сказано. Он настоял на ней. Из Бразилии пришло письмо, в котором сообщалось, что граф умер, а его дочь пожелала отправиться домой. Агент осмотрел «Арканум» и решил, что корабль вполне годится для предстоящего рейса, правда, с некоторыми дополнительными усовершенствованиями. Гриф был на все согласен, но только пока не услышал, какие расходы предполагаются на «усовершенствования» и кто будет оплачивать счета. Только тогда он понял, что дело идет о наглом шантаже. Сделать это было достаточно легко: стоило лишь сообщить янки о некоем корабле, совершающем рейсы в нарушение блокады, и его судно превратится в плавающие обломки. Лорд Морроу платил честно и никогда не угрожал: он был истинным джентльменом; вот его агенты оказались людьми другого склада. Вероятно, такой же была и его дочь.

Гриф плотнее запахнул штормовку. Он чувствовал себя неловко в новой для него ситуации, с нелепо большой и бесполезной командой на корабле. Леди Коллир отвели капитанскую каюту, и от этой мысли Гриф испытывал тяжесть на душе, хотя, конечно, глупо и бессмысленно было страдать по этому поводу.

«Арканум» – быстроходное судно; оно ходило под своим настоящим названием несколько лет назад, пока пираты не заманили его в ловушку и не оставили от него только остов с погибшими людьми. В то роковое путешествие капитанская каюта находилась в распоряжении матери и отца Грифа, а также двух его хорошеньких сестер, и после она так и оставалась предназначенной для них. Точно так же его корабль всегда будет для него «Арктуром», хотя в разное время назывался то «Аврора», то «Антиоп», то «Арканум».

Гриф топнул ногой по луже, испытывая отвращение к себе. Все это сентиментальная чепуха. Его слабость и проклятая мягкость проистекали из потребности что-то любить, а сейчас такими объектами оставались только Грейди и корабль. Что бы он делал без своего старого друга и «Арктура»?.. Впрочем, ему не хотелось даже думать об этом.

Размышляя о намокшем багаже, о сокращении дохода и о том, чем придется заняться в дальнейшем, после того как предстоящий рейс завершится, Гриф ускорил шаг. Никто не доверит ему законные перевозки на устаревшем клипере с неукomплектованной командой и сомнительной регистрацией. Остается только покупать и перевозить собственные грузы или искать случайную работу по доставке контрабанды, вертяться в бесконечном круговороте добывания денег на ремонт, чтобы судно по крайней мере было пригодным для плавания.

Гриф уже стал надеяться, что работа, связанная с преодолением блокады, закончилась, однако агент приказал отремонтировать корабль и набрать дополнительную команду, а это означало, что все сбережения скоро исчезнут, как утренний туман. Хуже того – ему снова придется менять имя. Впрочем, кому какое дело до мелкой сошки, незначительной и незаметной. Слишком много времени, фальшивых имен и документов, а также неоплаченных долгов отделяли его от того далекого дня в Индийском океане, когда испуганный плачущий мальчик стоял и наблюдал за умирающим дядей – последним из родственников, который каракулями подписал документ, сделавший двенадцатилетнего Грифона Меридона капитаном и владельцем «Арктура».

С тех пор ему приходилось совершать рейсы с законными и незаконными грузами – какие только удавалось найти для перевозки; утаивать доходы, чтобы не платить налоги, и при этом с трудом сводить концы с концами. Гриф не был по натуре преступником и вообще не очень годился для такой деятельности, однако потребностям для содержания корабля не было конца, и он не знал, как можно было существовать иначе.

Внезапно перед Грифом возник Грейди: его рыжую бороду можно было безошибочно узнать даже в густом тумане.

- Капитан! – Голос помощника отчего-то звучал более глухо, чем обычно. – Капитан, то, на что мы согласились, доставит нам массу хлопот!

В груди Грифа возникло знакомое ощущение тяжести и постоянной укоренившейся тревоги, которая сопровождала его всю сознательную жизнь.

- Ну, что еще стряслось? Не тяни, выкладывай.

Грейди махнул рукой в сторону полубака, который был едва виден в тумане.

- Черт бы ее побрал. Я оказался в безвыходном положении...

Гриф взглянул на палубу, но не увидел там ничего, кроме сплетенной зелени, которая занимала несколько квадратных ярдов и возвышалась подобно невесте откуда взявшимся джунглям, а также матроса в ветровке, тщетно пытавшегося передвинуть одно из огромных растений.

Не видя пока какой-либо угрозы, Гриф немного расслабился.

- Нас заранее предупредили об этом. – Он был слегка озадачен необычайным волнением старшего помощника. – Это образцы растений, собранных графом, и их надо как можно осторожней поместить в трюм в средней части судна.

Грейди застыл на месте, потом повернулся к Грифу и упрямо произнес:

- Распорядись об этом сам, ради Бога, а я займусь другими делами. – Он решительно кивнул, подчеркивая свой протест. – Это же явная глупость. Ты только посмотри на растения.

Гриф пожал плечами и снова взглянул на корабль, где матросы упорно продолжали перетаскивать растения, а затем, так и не найдя подходящего объяснения необычному поведению Грейди, решительно зашагал по дощатому настилу.

- Эй! – окликнул он матроса, взойдя на палубу. – Оставь это и отправляйся на пристань, принеси багаж.

Однако матрос даже не оглянулся. Гриф тихо выругался, проклиная себя за врожденную неспособность подчинять людей.

Да, он был капитаном, но капитаном команды из десяти человек, и при этом на его корабле царили весьма демократичные порядки; теперь же многочисленная команда пугала Грифа. Однажды у него случайно вырвалось слово «пожалуйста» при отдаче приказа, и в ответ он увидел такой подозрительный взгляд, что смущенно добавил «сэр», после чего осознал всю смехотворность своего поступка: капитаны не обращаются к стюарду, называя его «сэр».

Гриф почувствовал невольную злость при воспоминании об этом унижении и снова резко крикнул матросу:

- Эй, ты!

Не услышав ответа, он быстро пересек палубу и, грубо схватив матроса за плечо, повернул его лицом к себе.

В тот же момент ему пришлось пожалеть о содеянном.

Матрос оказался женщиной.

Казалось, время остановилось и мгновение, в которое Гриф сделал это открытие, растянулось до бесконечности, давая ему возможность мысленно отмстить сразу тысячу мельчайших деталей. Она была довольно высокой, но не выше, чем он, с темными волосами и кожей цвета слоновой кости. Цвет ее глаз был слишком сложным, чтобы его можно было точно определить.

Гриф почувствовал, что краснеет. Он опустил руку, и отдельные отмеченные им детали соединились в одно целое. Женщина оказалась необычайно красивой даже в мешковатой намокшей одежде.

Сердце Грифа сжалось, спасительное красноречие оставило его, и он сумел только промычать:

- М-м...

Темные брови изогнулись, выражая одновременно обиду и изумление. У Грифа внезапно возникло подозрение относительно ужасных перспектив, которое вскоре переросло в твердую уверенность.

- Леди Коллир?

Она кивнула с улыбкой, которая проникла в его душу подобно тому, как солнечный луч проникает в чистую воду. Гриф тоже улыбнулся и тут же почувствовал невольное замешательство.

- А вы кто?

На какое-то мгновение Гриф забыл имя, которым пользовался в данное время, однако его выручила выработанная годами привычка: он сосредоточился на точке вблизи ее правого уха, которая в меньшей степени завораживала его, в отличие от глаз цвета морской волны, и заставил себя медленно произнести:

- Грифон Фрост.

Ему следовало бы поклониться или поцеловать ей руку, поскольку объявление только имени выглядело недостаточно вежливым, но он так и остался стоять, вытянув руки по швам.

- Ну конечно, - спокойно сказала она. - Вы капитан.

Ее голос звучал плавно и мелодично.

Гриф обратил внимание на влажный темный локон, выглядывающий из-за ее уха, и подумал, представится ли когда-нибудь в его жизни еще случай лицезреть подобную красоту. Лицо его расплылось в идиотской улыбке при воспоминании о том, как он грубо схватил ее за плечо, а потом ему захотелось, чтобы его немедленно погребли под восьмидесятитонным балластом корабля.

- Простите, - невнятно пробормотал он. - Я ошибочно принял вас за одного из моих матросов.

Девушка засмеялась, обнажив ряд белых зубов, и коснулась рукой свисающего края шляпы.

- Не трудно представить почему!

Гриф вспомнил о своей шляпе и быстро снял ее, продолжая стоять под дождем, заливавшим его лицо.

- Леди Коллир...

- Немедленно наденьте шляпу! - воскликнула она. - Иначе схватите простуду!

Гриф тотчас подчинился. Наличие у нее здравого смысла ободрило его. Он понял, что девушка наделена добротой, несмотря на то что является наследницей огромного состояния.

- Леди Коллир, вам не стоит беспокоиться о растениях, особенно в такой день. Мы сами перенесем их вниз.

Это было не совсем правдой - в списке первоочередных дел забота о растениях стояла на последнем месте, прежде необходимо было заняться провизией и грузом каучука. Кроме того, Джером Гоулд, агент графа в Нассау, очень довольный тем, что уговорил Грифа снова переправить груз, загрузил корабль контрабандным хлопком с южных островов. Правда, в процессе загрузки и окраски корабля Гриф распорядился провести ватерлинии на пять дюймов ниже первоначальной отметки; вследствие этого оставалось место еще для двадцати тонн груза, который не будет представлять опасности для корабля.

Тесс было безразлично, как загружается корабль, однако она не имела намерения отступить от своих требований. Ей и раньше приходилось сталкиваться с упрямыми корабельными офицерами, и она была готова бороться за свои образцы флоры любыми средствами, включая задабривания, требования или неподобающие для леди вспышки гнева.

Капитан Фрост был, очевидно, все еще в замешательстве после вполне естественной ошибки, приняв ее за члена команды; он смотрел куда угодно, но только не на нее. Его застенчивость предоставила Тесс прекрасную возможность оценить стоящего перед ней мужчину. Его внешность вполне соответствовала ее представлению о капитане, чей корабль постоянно преодолевает блокаду: в твердых правильных чертах загорелого лица не было и следа мягкости, за исключением взгляда серых дымчатых глаз. Его неожиданная доброжелательность заметно контрастировала с суровыми линиями рта. Хотя Тесс сразу прониклась симпатией к нему, она была готова в любой момент воспользоваться своим преимуществом.

Приподняв подбородок, Тесс улыбнулась:

- Однако, капитан, мои образцы все еще остаются на палубе.

- Это не надолго. Обещаю, мэ, через час мы все исправим.

- Но я хочу, чтобы эти горшки находились в безопасности в кормовой части полубака. Ваш помощник отказался переносить их туда, поэтому я пытаюсь сделать это сама, но мне трудно управиться с большими растениями.

Гриф удивленно взглянул на странную пассажирку. Только теперь он понял, что внезапное проявление непокорности со стороны Грейди было вполне оправданно.

- Вы пытаетесь сами перенести их?

- Да, поскольку ваши матросы не склонны помогать мне. Предположение, что растения подвергаются опасности на палубе, - чистейший вздор. Если мы поместим их на корме между

якорем и брашпилем, они никуда не денутся.

Мысль о том, что леди Коллир способна отличить левый борт от правого, а также знает, что такое брашпиль, заставила Грифа удивленно приподнять брови.

Он рассеянно вытер дождевые капли со щеки.

- Я уверен, что в трюме...

- ... растениям будет слишком темно, - закончила она. - Капитан, некоторые из этих образцов уже пересекли полсвета, находясь на палубе, и они прекрасно перенесут предстоящее путешествие.

Гриф вздохнул:

- «Арканум» - парусник, мэм... то есть ваша светлость. Его будет заливать водой в штормовую погоду.

- Если погода станет угрожающей, мы, конечно, перенесем растения вниз. Однако я и мой отец перевозили образцы от Новой Гвинеи до Сан-Франциско на американском клипере, и даже в плохую погоду у нас не было проблем, поскольку соленая вода не достигала места, где они находились. Поэтому мне и хотелось бы поместить растения здесь.

Прищурившись, Гриф смерил взглядом высоту надводной части борта и верхней палубы, прикинув разницу между абердинской и американской конструкциями корабля. Во время шторма бак будет захлестывать водой, кото - рая способна смыть человека, не то что поломать растения. Впрочем, решение напрашивалось само. Пусть растения остаются там, где находятся сейчас. Когда же «Арканум» будет в пути, он прикажет убрать их.

- Как пожелаете. - Гриф наконец кивнул. - Думаю, с вашими растениями все будет в порядке.

За свою уступчивость он был вознагражден такой лучезарной улыбкой, что невольно улыбнулся сам.

- Благодарю. Вы очень разумный человек, капитан Фрост. Я больше не буду беспокоить вас, поскольку уверена, что вы не обманете меня. Кстати, вы получили мою записку? Тейлоры приглашают вас пообедать сегодня с нами.

Гриф неловко кивнул в ответ. Он испытывал страстное желание, которое хотел скрыть, но опасался, что не сможет сделать это. Все же он последовал за ней к трапу и предложил проводить ее домой, но ответом ему был лишь смех. Тесс безжалостно покинула его, и он остался стоять на палубе подобно щенку, которому приказали не сходить с места.

Вероятно, на лице его застыло выражение обожания, потому что Грейди, поднявшись на борт, окинул его хмурым, неодобрительным взглядом, но даже это не подействовало. Не в силах отвести от нее глаз, Гриф наблюдал, как она не спеша удалялась в своей плохо сидящей штормовке, и его охватило такое щемящее чувство, какого он никогда прежде не испытывал.

Глава 2

Членов небольшой компании, собравшейся к обеду на веранде Тейлоров, вряд ли можно было отнести к сливкам английского общества, однако Тесс очень волновалась. Ее смущали не Тейлоры и не Камбеллы - супружеская пара миссионеров с суровыми шотландскими лицами и

необычным складом ума, которые вызвались сопровождать путешественницу в Англию. Тесс с досадой осознала, что всему виной оказался капитан Фрост.

И все же она готовилась к обеду с особой тщательностью. На ней было белое льняное платье со светло-серым шарфом, указывающим на второй период траура. С волнующим предвкушением она намеревалась вызвать у всех такое же ошеломляющее восхищение, которое увидела на лице капитана Фроста сегодня утром. Это было новое для нее, пьянящее чувство; ведь она заставила джентльмена смущаться одним своим видом.

Правда, капитана Фроста нельзя было считать джентльменом, но выбора у Тесс все равно не было. Вместе со служанкой она три часа трудилась над прической, стараясь придать иссиня-черным волосам гладкость и блеск, как в старом иллюстрированном журнале «Лондонские новости моды», который ей случайно попался на глаза в кабинете мистера Тейлора.

Входя в гостиную, чтобы приветствовать гостей, Тесс была абсолютно уверена, что произведет на всех ошеломляющее впечатление... но сама оказалась сражена, увидев капитана Фроста. Сейчас он выглядел совсем не так, как при первой встрече на борту корабля. Высокий незнакомец с золотистыми волосами поцеловал ее руку таким элегантно и сдержанно поцелуем, что она едва почувствовала прикосновение его губ. Место полинявшей одежды занял безукоризненный голубой сюртук с прекрасным белым галстуком и золотой заколкой. Его окружала аура строгой элегантности, которая отчего-то показалась Тесс неожиданной и пугающей.

Когда он отпустил ее руку, Тесс украдкой взглянула на него, надеясь увидеть то же обожание, которое заметила в его глазах утром, но он отвернулся, даже не ответив на ее робкую улыбку.

Сидя за столом напротив него, Тесс прилежно глотала тыквенный суп и старалась не поднимать глаза слишком часто. В мерцающем свете свечей лицо капитана Фроста выглядело красивым, холодным и мрачным, как на картине, изображающей Люцифера после падения. Тесс с досадой поморщилась. Ну почему она не может быть такой же, как хорошенькая, грациозная и беззаботная дочь нового директора банка, недавно прибывшая в Пару? Эта девица всегда знала все новости из Англии, скандальные и политические, и могла рассказывать их с забавной легкостью, так, что все кругом смеялись. Может быть, умеет Тесс все это, капитан Фрост не сидел бы сейчас в молчаливом уединении...

Тесс вздохнула над своим супом. Впрочем, ей должно быть безразлично, что капитан Фрост думает о ней. Он определенно ужасно скучен и всем своим видом показывает, что занят едой. Ничего удивительного – он всего лишь отчаянный морской бродяга, а не принц Уэльский.

Внезапно Тесс подумала, что вполне может встретиться с принцем Уэльским до наступления нового года; отец что-то говорил ей об этом, а еще о балах, торжественных встречах и возможности быть представленной в одной из королевских гостиных.

Впрочем, для Тесс эта мысль была весьма пугающей. Если она не имеет успеха даже у простого моряка, то что говорить о члене королевской семьи? Очевидно, она ошиблась утром, когда подумала, что капитан Фрост восхищался ею. Просто он был удивлен – вот и все. Удивлен и, вероятно, раздражен появлением на корабле дурно воспитанной пассажирки, которая позволяет себе бродить по палубе в мужской штормовке.

В конце концов Тесс охватило негодование. Какое право он имел раздражаться? Учитывая род его занятий, капитан Фрост едва ли сам принадлежал к уважаемому обществу. Если бы она не пришла на пристань, услышав, что корабль прибыл, команда непременно запихнула бы

ее растения в трюм! Завтра она обязательно снова пойдет туда и проследит, чтобы матросы надлежащим образом позаботились о ее грузе животных, поскольку этот элегантный капитан Фрост, несомненно, проигнорирует нужды бедных созданий и может поместить детеныша ленивца в одну клетку с удавом.

Оживленная беседа между Тейлорами и Камбеллами немного затихла, когда тарелки с супом опустели и принесли большое блюдо с рыбой. Тесс устала в стол перед собой, беспокойно теребя угол своей салфетки. В следующий момент она украдкой взглянула на капитана Фроста, и сердце ее тревожно сжалось, когда она обнаружила, что он не отрываясь смотрит на нее. Правда, это был какой-то рассеянный взгляд, и возможно даже, что он наблюдал за чернокожим лакеем, который подавал рыбу миссис Камбелл...

Однако вскоре стало ясно, что Фрост зачарован вырезом платья Тесс, поскольку он не отрывал глаз от ее корсажа, не сознавая, что она тоже смотрит на него.

Тесс почувствовала, как тепло прилило к ее щекам. Что, если он обнаружил какой-нибудь изъян в ее наряде? Когда взгляд Фроста медленно переместился вверх, она решила, что он заметил что-то неподобающее в кружевном вороте и прическе, и тут же с ужасом подумала, что, вероятно, ее наряд давно вышел из моды. Журнал, которым она воспользовалась для примера, был старым... и, несомненно, взятая ею в качестве примера дочь банкира не носит такую прическу.

Тесс стало стыдно, и она опустила голову. Однако ее заинтересовало, что еще он осуждает, и она незаметно приподняла ресницы. Взгляд пепельно-серых глаз встретился с ее взглядом; на мгновение между ними установилась странная связь, и Тесс была потрясена той напряженностью, которая сковала ее в этот момент. Потом все вдруг рассыпалось, померкло, сменилось разочарованием, сдержанностью, и капитан, моргнув золотистыми ресницами, отвернулся.

Тесс чувствовала себя так, будто ей только что удалось избежать когтей тигра, который вдруг на ее глазах превратился в домашнюю кошку, свернувшуюся у камина. Смутная тревога, охватившая ее, казалось, приобрела конкретное выражение: ее горло сжалось и она ощутила мягкое давление сорочки на возбужденные груди. Впервые в жизни она по-настоящему почувствовала себя женщиной.

Разумеется, Тесс была вполне информирована о сексе и деторождении; она наблюдала и изучала вещи, которые считались неприличными и от которых многие юные леди могли бы упасть в обморок. Знакомство с тем, что существует в природе, требовало свободного, разумного и беспристрастного подхода, которому обучил ее отец.

Однако в скрытом взгляде сидевшего напротив молчаливого мужчины скрывалась какая-то таинственность; в нем было что-то неясное и опасное, подобное стремительному потоку, в котором легко можно утонуть. Тесс почувствовала, что ее бессмертная душа рвется назад, подальше от пропасти; она посмотрела на стоявшую перед ней тарелку с вареной рыбой, словно это были ворота, ведущие прямоком в ад.

В следующее мгновение опасное чувство пропало. Рыба снова стала просто рыбой, и смотреть на нее было даже безопаснее, чем на лицо человека, удобно расположившегося на противоположной стороне стола. Трудно сказать, о чем подумал капитан Фрост в тот момент, когда их взгляды встретились, однако Тесс не рисковала снова взглянуть на него.

Миссис Камбелл что-то говорила капитану, но Тесс ничего не могла слышать. Тем не менее

она спрятала свои чувства под покров, который, правда, казался ей весьма прозрачным. Appetit у нее отчего-то совсем пропал. Ее взгляд остановился на руке капитана, державшей бокал с вином, и ей захотелось прикоснуться к нему; потом она посмотрела на его взъерошенные золотистые волосы, и у нее возникло желание погладить их. Она жаждала ощутить его объятия, прижаться щекой к его сюртуку и почувствовать живительное тепло под ним.

Боже, что с ней происходит? Тесс не узнавала себя. Казалось, она стала совершенно другой под прежней оболочкой.

Когда миссис Тейлор встала из-за стола, Тесс почувствовала облегчение и некоторое разочарование, оттого что мужчины остались на веранде со своим портвейном, а дамы пошли внутрь дома. Тесс злилась на себя за это разочарование. Она решительно напомнила себе, что у нее есть другие дела, о которых следует подумать. Прежде всего по прибытии в Англию надо внести в каталог все образцы растений, собранные отцом; а мистер Дарвин, возможно, захочет взглянуть на некоторые орхидеи. Есть также несколько монографий отца, которые после небольшого редактирования можно представить на заседании Линнеевского общества, если Тесс удастся найти кого-нибудь, кто согласится прочесть их. Надо также сосредоточиться на множестве предстоящих дел, которые гораздо интереснее, чем этот капитан, занимающийся морскими перевозками.

Сидя в гостиной, Тесс пыталась думать о своих делах, но каждый раз, когда сквозь открытые окна до нее долетал смех мужчин, она ловила себя на том, что смотрит на дверь. Миссис Тейлор и миссис Камбелл погрузились в беседу о ценах на ирландское масло – тема, которая интересовала Тесс меньше всего.

Она угрюмо посмотрела на иголку и чулок, который взялась заштопать. «Вот что меня ждет, когда я выйду замуж, – подумалось ей. – Обслуживать мужчину и говорить о масле. А еще о моде, скандалах, деньгах, как дочь банкира».

В этот момент будущее представилось Тесс в довольно мрачном свете. Во время неудачной попытки завязать дружбу с вновь прибывшей молодой леди она обнаружила, что ее забавные истории о причудливых способах ловли обезьян становятся предметом осуждения, а рассказы о столкновениях с ускользящими змеями и ящерицами сопровождаются испуганными криками. Что до описания красоты бразильских лесов, то оно вообще не вызвало никаких эмоций, кроме вежливого скучающего взгляда. После первого же визита Тесс решила отказаться от дальнейших встреч с этой леди. К счастью, она так и не получила приглашения продолжить знакомство.

Опустив чулок на колени, Тесс сплела пальцы и крепко сжала их. Ей вдруг ужасно захотелось снова вернуться на Таити. Там у нее была настоящая подруга по имени Майна, с черными смеющимися глазами и отважной душой. Они вместе взбирались на покрытые зеленью, окутанные туманом горы, плавали в лагунах и заплывали на свой ос – трюк, где устраивали привал, резвились и смеялись весело. При этом они питались пойманной рыбой, а когда кончался запас пресной воды, возвращались в город Папеете.

В те далекие дни Тесс чувствовала себя беззаботной девчонкой, но с тех пор прошло пять лет. Это были годы, полные испытаний. Повзрослев, она переняла от отца способность восхищаться природой и выработала под его руководством привычку соблюдать порядок и мыслить логически. Постепенно Тесс взяла на себя бытовые заботы во время их путешествий – то, что отец делал с неохотой и не всегда хорошо. Благодаря Тесс они никогда не испытывали нехватки соли, сахара или стеклянных банок для коллекций.

На веранде слышались шаги. Тесс подняла голову, но тут же снова опустила ее и, пытаясь успокоить учащенное сердцебиение, начала втыкать иголку в чулок, пока не осознала, что в иголке нет нитки.

Никто из джентльменов так и не появился. Миссис Тейлор и миссис Камбелл продолжали болтать. Чувствуя разочарование, Тесс вертела чулок, размышляя, что бы сказать капитану Фросту, если он все-таки войдет. Мысли о капитане мучили ее, и она презирала себя за то, что не могла отделаться от них.

Наконец Тесс в отчаянии бросила чулок на колени; она была крайне недовольна собой.

Находившиеся рядом с ней женщины удивленно посмотрели на нее, и Тесс, покраснев, попыталась найти оправдание своему поступку. Она поспешно взяла со стола Библию и оживленно спросила:

- Хотите, я почитаю вам?

Миссис Тейлор смущенно улыбнулась:

- Извини, дорогая, кажется, мы совсем заболтались. Пожалуй, почитай. Миссис Камбелл, что вы посоветуете выбрать?

Тесс зажгла масляную лампу на столе и нашла в книге место, рекомендованное миссис Камбелл; затем глубоко вздохнула, собрала с мыслями и начала читать.

Стоя на веранде около открытого окна, Гриф с наслаждением слушал чистый голос леди Коллир, звучащий подобно сладостной музыке флейты. Он был слегка одурманен выпитым за обедом вином и нежным, пьянящим ароматом ее духов, который продолжал ощущать даже после того, как она ушла в гостиную.

Когда Гриф был ребенком, его мать тоже читала ему Библию по вечерам, а он сидел на веранде и слушал. Это чтение создавало у него ощущение безопасности, и тогда ему казалось, что его жизнь всегда будет спокойной и неизменной.

Отрезвление наступило внезапно: прежде горячо любимый ребенок, он вдруг остался одиноким и никому не нужным. Семья Грифа так и не добралась на великолепном корабле дяди Александра до своего дома в Англии. Встретившийся им по пути горящий корабль и мольбы о помощи оказались ложными и послужили хитрой приманкой, заманившей их в ловушку пиратов. В живых остались только Гриф и Грейди - второй помощник капитана, да еще дядя Грифа, который вскоре умер.

Гриф повертел в руках бокал с портвейном и, стараясь отвлечься от кошмарных воспоминаний, сосредоточился на мелодичном голосе, доносившемся из гостиной. Этот голос затронул в его душе долго молчавшие чувствительные струны и заставил страдать от несбыточных надежд. Он понимал, что ему лучше уйти и вернуться на корабль, однако не мог заставить себя оторваться от звуков, очаровавших его подобно пению сирены.

Так он стоял, замороженный, пока мистер Камбелл, извинившись, не отправился в гостиную, после чего хозяин дома произнес:

- Вы совсем притихли, капитан. Хотите еще портвейна?

Гриф в полумраке посмотрел на Тейлора, который сидел в плетеном кресле, так что виден был

только его силуэт.

- Спасибо, нет.

- Боюсь, мы утомили вас своими разговорами о политике.

- Вовсе нет.

Не желая показаться невежливым, Гриф с трудом заставил себя выйти из гипнотического состояния. Он и прежде испытывал симпатию к Тейлору. Занимаясь незаконченными делами графа, консул, к удивлению Грифа, не проявлял особого интереса к «Аркануму» и его сомнительной британской регистрации. Хорошо бы и с агентом графа в Нассау дела пошли так же легко.

Словно прочитав мысли Грифа, консул неожиданно спросил:

- Что вы думаете о Джероме Гоулде, капитан Фрост?

По интонации Тейлора Гриф попытался понять, является ли вопрос риторическим или действительно важен для него. Если Гоулд затеял рискованные игры со счетами графа, Гриф не желал бы оказаться замешанным в это.

- У нас не всегда были одинаковые точки зрения на некоторые вопросы, - дипломатично ответил он.

- И это все? - Тейлор хмыкнул. - Сейчас вы, кажется, нагружены хлопком?

Гриф слегка стиснул бокал. Этот вопрос не требовал ответа: Тейлор, безусловно, знал, чем нагружен «Арканум» и в каком количестве. Какого черта добивается этот человек?

- Да, сэр.

- Меня весьма впечатлила работа, которую вы выполнили для графа, капитан.

- Благодарю, сэр. Мне просто повезло.

На мгновение трубка Тейлора засветилась ярче.

- Возможно. Пожалуйста, подойдите сюда и сядьте; я хочу попросить вас оказать мне некоторую услугу.

Гриф мысленно чертыхнулся, но подчинился. Присев на край кресла, он замер в ожидании.

- В качестве опекуна леди Коллир я хотел бы поручить вам одно дело, но... Возьметесь ли вы за него?

Гриф заколебался. Он больше не хотел прорываться сквозь блокаду, и ему до смерти надоели поручения Джерома Гоулда; однако после предстоящего рейса он останется без работы в довольно критическом финансовом положении.

- Да, сэр, возьмусь.

- Даже не зная, что я хочу предложить вам?

- Полагаю, мне снова придется отправиться в рейс, нарушая блокаду, мистер Тейлор.

- Вы или очень храбрый, или очень безрассудный человек.

Не зная, что ответить, Гриф молчал.

- Успокойтесь, я не стану заставлять вас снова рисковать вашим кораблем, капитан. Граф оставил дочери поместье под мою ответственность, и я должен действовать исключительно в ее интересах, а она не проявляет желаний продолжать поставки, игнорируя блокаду.

Гриф прищурился. «Дешево досталось – легко потерялось», – с мрачной иронией подумал он.

- Мне хотелось бы, чтобы вы остались в Англии на некоторое время, – продолжал Тейлор. – У вас есть там родственники?

Гриф вздрогнул и поднял голову.

- Больше нет, – ответил он, стараясь сохранять спокойствие.

- Нет? Гм... Впрочем, вы можете не знать об этом.

- Боюсь, я вас не понимаю.

Консул тяжело вздохнул:

- Я знал Роберта Коллира еще с пребывания в Итоне. Он был... необычным человеком, и прежде всего отличался от остальных образом своих мыслей. Роберт очень любил свою дочь и по-своему заботился о ней; однако, полагаю, ему до самой кончины не приходило в голову, что он оказал ей плохую услугу, оторвав от дома, лишив возможности жить привычной для светской барышни жизнью.

Гриф терпеливо ждал продолжения. Он не представлял, какое отношение к нему имеет это повествование.

- Когда Морроу заболел, – Тейлор снова вздохнул, – он, по-видимому, понял свою ошибку и составил завещание, в соответствии с которым леди Тесс унаследовала его поместье в качестве личной собственности, а я был назначен опекуном. Кроме того, на смертном одре он заставил дочь пообещать, что она выйдет замуж в самое ближайшее время. – Тейлор резко встал и слегка постучал трубкой по перилам веранды. Маленькие искорки веером взлетели в воздух и затем упали вниз во тьму. – К сожалению, волеизъявление, сделанное при таких обстоятельствах и не подтвержденное свидетелями, не обеспечивает леди Тесс защиту. Ее будущий муж легко может найти основания оспорить управление имуществом доверительным собственником. Если мое опекунство окажется юридически недействительным, то поместье по-прежнему будет принадлежать ей, но по закону Англии управлять имуществом будет муж.

Грифу вдруг захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда, например, в прибрежных водах Чарлстона, где ему приходилось лавировать в темноте, чтобы избежать оружейного огня американских военных кораблей. Тейлор вряд ли стал бы обсуждать законность наследства леди Коллир с посторонним человеком, если бы не планировал втянуть его в какое-то опасное дело.

Не спеша повернувшись, Тейлор приблизился к Грифу.

- Из уважения к моему старому другу, - сказал консул, понизив голос, - и исполняя обязанности, которые он возложил на меня этим опекуном, а также учитывая мою личную привязанность к его дочери, я должен сделать все возможное, чтобы уберечь ее от союза с человеком, который попытается жениться на ней исключительно ради своей выгоды.

Гриф откашлялся.

- Было бы хорошо, если бы вы объяснили, при чем тут я.

- Мне необходима ваша помощь, капитан, - Тейлор сделал паузу, - я надеюсь на ваш опыт и здравомыслие. Несмотря на положение и наличие наследства, леди Тесс фактически окажется беззащитной, когда вернется в Англию. У нее нет никого, кроме сестры матери с мужем, людей весьма высокомерных, руководствующихся в большей степени условностями, чем здравым смыслом, а также нескольких юных безмозглых кузин. Леди Тесс будет чувствовать себя там, как рыба, выброшенная на берег, и станет лакомой добычей для охотников за наследством с восточного побережья страны. Она богата, красива, умна и чрезвычайно наивна, что особенно пагубно для молодых леди.

В душу Грифа закрался страх; кажется, он догадался, чего хотел от него Тейлор.

- Надеюсь, вы не намерены предложить мне, чтобы я...

- Именно на вас я и рассчитываю, капитан Фрост, и хочу, чтобы вы позаботились о леди Тесс. Мне необходима уверенность, что она не попадет в плохие руки. Я оплачу все ваши расходы и снабжу рекомендательными письмами, благодаря которым вы будете вхожи в высшие круги общества. Я также хотел бы, чтобы вы помогли ей разобраться в будущих поклонниках, пока она не выберет достойного.

- Не могу поверить, что вы говорите все это серьезно, - пробормотал Гриф.

- Вполне серьезно. Я бы сам поехал, но моя жена... - Тейлор понизил голос. - К сожалению, ее нельзя оставить из-за болезни. Я способен осуществлять опеку на расстоянии только в финансовом отношении, но не могу непосредственно проявить заботу о леди Тесс. Вот почему я готов платить вам ежемесячно вдвое больше, чем за перевозку грузов, и поставить ваш корабль в сухой док под надзор, пока вы будете исполнять предложенную вам миссию. Если вы не хотите ставить судно в док, я готов платить замещающему вас капитану.

Гриф сделал глубокий вдох, чтобы унять дрожь в пальцах.

- Мистер Тейлор, - тихо сказал он, - не знаю, почему вы предлагаете мне эту работу, но могу уверить вас, что вы обратились не по адресу.

- Ваши слова еще больше укрепляют меня в моем выборе.

- Но...

- Пожалуйста, капитан. Мне нужен человек, которому леди Тесс сможет доверять и кого она считает своим другом. Разумеется, она ничего не должна знать о нашем соглашении.

Гриф уцепился за эту соломинку.

- А я полагал, что вы обязаны действовать в соответствии с ее пожеланиями.

- Или пожеланиями ее отца. Граф лично рекомендовал мне вас. Леди Тесс привезла от него запечатанное письмо.

Мозг Грифа лихорадочно заработал, и он вспомнил о деньгах и о своих мрачных перспективах. Двойная плата позволит ему купить груз, передать управление кораблем Грейди и продолжать работу. Через пару месяцев он расквитается с долгами; через четыре – сможет обеспечить перевозки уже своих грузов; через шесть – купит право на перевозки китайского чая...

Он вспомнил, каким был «Арканум» три месяца назад: плохо управляемый, обветшавший, с облезлыми тиковыми палубами и протекающим днищем. В настоящее время корабль уже приведен в достаточно хорошее состояние и долго не будет нуждаться в серьезном ремонте. Предложение Тейлора начинало казаться Грифу весьма привлекательным.

- И все-таки почему вы выбрали меня? – наконец произнес он, опасаясь испортить все чересчур поспешным согласием.

Тейлор ответил не сразу. Он вернулся к ограждению веранды, где слабый свет убывающей луны посеребрил его плечи.

- Прежде всего у меня нет выбора. Мне нужен человек, который сможет вести себя надлежащим образом в обществе, сможет быть искренним другом леди Тесс и давать ей разумные советы... А самое главное – мне нужен тот, кто сможет быть объективным в оценке выбора леди Коллир. Граф симпатизировал вам... и мне вы тоже нравитесь. Я убежден, что вы справитесь с возложенной на вас задачей.

Гриф испытывал большое желание рассмеяться... или заплакать. Требуемыми качествами обладал кто угодно, только не он. О какой объективности могла идти речь, если он уже почти влюблен в леди Коллир... Его запас разумных советов для молодой леди был крайне скудным и основывался главным образом на твердом убеждении, что ей следует соблюдать осторожность в общении с другими людьми. В остальном его знание правил поведения в обществе было настолько нетвердым, что он едва осмеливался открывать рот, переступив порог дома Тейлоров, из страха поставить себя в глупое положение.

Однако Тейлор словно ничего не замечал.

- Вы моя последняя надежда, капитан. Когда леди Тесс отправится с вами в путешествие, она поневоле лишится моей поддержки. Я написал несколько писем друзьям в Англии с просьбой понаблюдать за ней, но они, конечно, не в состоянии давать ей советы или, скажем так, интересоваться ее знакомством с каким-нибудь молодым человеком, которым она серьезно заинтересуется.

- Но все же вы оказываете такое большое доверие человеку, которого едва знаете, – попытался уклониться Гриф.

- На самом деле я чувствую, что не ошибся в вас, капитан. Например, мне известно о том, что вы везете двадцать тонн каучука, который не включен в список грузов.

Это вывело Грифа из равновесия, и сердце его учащенно забилось. Опять шантаж? То, что он везет отсутствующий в списке груз, не является серьезным нарушением закона: самое худшее, что ему грозит за это, – штраф. Хотя штраф тоже неприятная вещь, учитывая, что в наличии у него осталось совсем немного денег.

- Да, сэр, – негромко сказал он. – Так и есть. Вы хотите, чтобы я убрал этот груз?

Но Тейлор словно не услышал его слов.

- Кроме того, просматривая некоторые предыдущие отчеты, я обнаружил любопытное несоответствие между прежней и нынешней вместимостью «Арканума».

Гриф молчал.

Ему было стыдно, оттого что он предстал в столь невыгодном свете перед порядочным человеком.

- Это ваш каучук или мистера Гоулда, капитан?

- Мой.

- И вы изменили отметку максимальной загрузки корабля?

- Да.

- Почему?

Гриф внезапно разозлился. Ему надоело быть наемным исполнителем и отвечать за каждый проступок.

- Мистер Гоулд перегружает меня каждый раз, - сказал он ровным голосом. - И я знал, что он поступит так снова. Я мог рисковать, совершая короткие рейсы, но не трансатлантические.

- Значит, вы предусмотрели возможность очередной перегрузки, когда ремонтировали корабль, и сделали соответствующие поправки в ватерлинии, полагая, что разумные переговоры с мистером Гоулдом не решат проблемы?

- Мистер Гоулд и я редко вступаем в разумные переговоры.

- Но он-то понимал, что перегружает ваш корабль?

Гриф язвительно улыбнулся:

- О да, прекрасно понимал.

- И в этом последнем рейсе, когда отметка была изменена, он тоже перегрузил ваш корабль выше уже поддельной ватерлинии?

- Отметка показывала, что корабль перегружен на четверть.

- А в действительности корабль сейчас перегружен, капитан?

- Нет.

- В таком случае, думаю, вы именно тот человек, которого я хотел бы приставить к леди Коллир.

Гриф удивленно поднял глаза.

- Неужели потому, что я обманул агента?

- Нет. Потому что вы прагматичный человек. Более честный сразу выложил бы все начистоту,

а бесчестный рискнул бы своим кораблем и поделил бы доходы. Рядом с леди Коллир должен находиться человек с реалистическими взглядами, который понимает, что люди не всегда таковы, какими кажутся на самом деле, и знает, как вести себя с ними. – Тейлор сделал паузу и пыхнул трубкой. – Может быть, вам будет легче принять решение, если вы вспомните, какую значительную сумму Коллир израсходовал на ремонт вашего корабля.

Гриф резко повернулся и пристально посмотрел на Тейлора.

– Простите?

– Капитан, я привык говорить без обиняков. Вы слишком расщедрились, заплатив за ремонт. Полагаю, вы хотели бы продолжить сотрудничество с нами, не так ли?

Гриф едва слышал Тейлора; опустившись в кресло, он тихо выругался, после чего послал Джерома Гоулда на самый глубокий, мрачный и горячий уровень ада. Какое мошенничество, какой дешевый трюк все то, что рассказывал Гоулд о янки! Боже, как глуп и доверчив он был, поверив в то, что Гоулд говорил ему о придирах властей в Нассау. Выходит, свою с трудом заработанную долю за перевозку груза Гриф пожертвовал в угоду этому грязному лживому жулику.

– Ну так что скажете, капитан? – Тейлор не отводил от него взгляда.

– Сэр... – Гриф поморщился. – За ремонт корабля заплатил я.

Наступило тягостное молчание. Тейлор снова пыхнул своей трубкой, затем хмыкнул и сказал:

– В таком случае один из нас был обманут.

– Вы могли бы сказать прямо, кто именно, – сухо заметил Гриф.

– Боюсь, что я.

– И поэтому вы разочарованы. – Гриф усмехнулся. – Да, я был невероятно глуп, позволив Гоулду удержать издержки из моего дохода. По-видимому, теперь вы разочаруетесь во мне.

– Ничуть, и я даже готов возместить ваши потери... после того как леди Тесс благополучно выйдет замуж.

– Благодарю, сэр. – Теперь Гриф не скрывал сарказма. – Вы очень великодушны.

– Считайте это вашей удачей, капитан. Я не буду больше задавать вопросов ни о вас, ни о вашем корабле, хотя мы вба знаем, что я мог бы сделать это, если бы пожелал. Вы выполняли чертовски трудную работу для графа, и я премного обязан вам, каким бы ни было ваше решение. Мне достаточно было этого вечера, чтобы понять, что у вас есть личные чувства к леди Тесс, однако, надеюсь, вы отнесетесь серьезно к порученному делу. Тесс нуждается в вашей помощи. Утром я буду в порту, и мы подпишем контракт, если, разумеется, вы принимаете мое предложение.

Глава 3

Тесс вслух дочитала длинный отрывок из «Нагорной проповеди» до последней строки и теперь чувствовала себя более раскованной, чем прежде. Выбранные миссис Камбелл строки внесли приятное умиротворение в ее смятенную душу. «Думать о полевых лилиях...» Какое напутствие

может быть лучше? Она слишком беспокоилась о своем будущем; так пусть же оно наконец наступит. Это позволит ей открыть душу новым радостям жизни.

Закрыв книгу, Тесс подняла голову и обнаружила, что, пока она читала, капитан Фрост и мистер Тейлор незаметно вернулись в комнату.

- Прелестно, дорогая, - услышала она. - Хочешь продолжить?

Внезапно застеснявшись, Тесс сдержанно отказалась, и мистер Тейлор, по-видимому, нисколько не разочаровавшись, тотчас предложил сыграть в вист, определив в качестве партнеров Камбеллов против Тейлоров. Никто, кроме Тесс, не заметил, что при этом она и капитан оказались предоставленными сами себе.

Тесс с мольбой посмотрела на миссис Тейлор, но жена консула, доставая колоду карт из выдвижного ящика стола, словно не заметила ее взгляда.

Когда четверо игроков уселись за карточный стол, мистер Тейлор как-бы между прочим произнес:

- Капитан, кажется, вас интересовала коллекция животных? Если вы хорошенько попросите, может быть, леди Тесс согласится показать вам свой небольшой зоопарк.

Тесс заметила удивление, на мгновение отразившееся на лице капитана, но он быстро пришел в себя и тут же выразил надежду, что она окажет ему такую любезность.

Тесс встревожилась. Отказать в просьбе хозяину дома едва ли было возможно.

- Конечно! - Она кивнула. - Надеюсь, капитан, вы подождете немного, пока я найду фонарь?

- Возьми это, дорогая, - миссис Тейлор указала на масляную лампу, - нам достаточно и газового освещения.

Взяв лампу, Тесс смущенно улыбнулась и повела капитана в прихожую.

Животные располагались в небольшом сарае в задней части сада. Впрочем, наименование «сад» было весьма условным, поскольку все вокруг покрыла буйная растительность и деревья, не подчиняясь никакому порядку, росли, как им вздумается. Однако Тесс это нравилось. Когда она и капитан вышли наружу, на них пахнуло пьянящим ароматом жасмина; в тихом ночном воздухе слышалось шуршание каких-то зверушек в траве и гудение насекомых.

Неожиданно из тьмы в свете масляной лампы возникли очертания сарая, и Тесс, еще не подняв щеколду, услышала низкое завывание, доносящееся изнутри. Нахмурившись, она открыла дверь и, посторонившись, пропустила капитана вперед, а потом последовала за ним.

От света лампы на стенах возникли причудливые тени, затем раздался испуганный крик обезьяны. В сарае поднялась суматоха.

Тесс коснулась руки капитана и возвысила голос, перекрывая шум:

- Они сейчас успокоятся. Вы хотели бы увидеть что-нибудь особенное?

Вопрос, казалось, привел ее спутника в замешательство. Лишь когда шум в сарае затих, Фрост огляделся и спросил:

- Что это?

На ближайшей стене поверх поставленных друг на друга клеток Тесс повесила гладкую доску, на которой закрепила змеиную кожу с яркой каймой.

- Это коралловая змея, - пояснила она. - Один из соседских мальчишек принес ее вчера. - Она вдруг осознала, каким странным может показаться ее объяснение, и смущенно пожала плечами. - Я знаю, что сдирать кожу со змеи не очень-то... подходящее занятие для леди, но, полагаю, у меня это получается довольно хорошо.

Фрост задумчиво посмотрел на нее.

- Да, конечно.

Тесс вдруг густо покраснела. Должно быть, он счел ее крайне жестокой. Она закусил губу и, быстро повернувшись, поставила лампу на ящик; потом наклонилась, открыла одну из клеток и, тихо приговаривая что-то, протянула руку и погладила шипящего детеныша пантеры. Маленький черный котенок испуганно прижался к задней стенке клетки, но Тесс не убирала руку, и он стал подозрительно ее обнюхивать, а затем радостно запищал и замурлыкал.

Тесс осторожно подняла маленький клубочек гладкой шерсти к свету, и крохотные коготки вцепились в ее пальцы.

- Это Виктория, - гордо сказала она. - Один из плантаторов застрелил мать Виктории за то, что та таскала его поросят. Я не хочу держать эту кроху в доме, а выпустить на волю нельзя, потому что она слишком маленькая.

Капитан с интересом посмотрел на питомца Тесс, и она непроизвольно испытала удовольствие при виде улыбки, тронувшей его губы. Протянув палец, он погладил котенка по шелковистой головке. Мальчишеская улыбка капитана была очень привлекательной и резко контрастировала с его прежней суровостью; Тесс почувствовала, что ее губы улыбнулись в ответ.

- Виктория, - задумчиво произнес Фрост. - Она очень красивая. У нее такие же черные волосы и зеленые глаза, как у...

Тесс с любопытством ждала окончания фразы, но капитан не стал продолжать и почесал котенка за ушками. В наступившем молчании Тесс снова услышала низкое печальное завывание, исходившее из дальнего угла сарая.

- Кто это там беспокоится? - удивилась она и, наклонившись, вернула детеныша пантеры в клетку, а потом обратилась к капитану: - Пожалуйста, позвольте мне взять лампу.

Фрост последовал за ней к источнику звука, и Тесс, опустившись на колени, заглянула в клетку, где детеныш ленивца с довольным видом жевал листья. Сначала Тесс не увидела ничего, но жалобное хныканье слышалось достаточно отчетливо, и наконец она разглядела в дальнем углу клетки съежившегося среди кучи свежей зелени малыша.

- Надеюсь, он не заболел, - озабоченно произнесла Тесс. - Вечером, когда я делала обход, ленивец выглядел вполне здоровым. - Стараясь разглядеть ленивца, она придвинула лампу поближе. Зверек медленно закрыл глаза и перестал завывать.

Тогда Тесс протянула руку, чтобы открыть клетку.

- Леди Коллир! - Раздавшийся рядом спокойный голос капитана заставил ее остановиться. Она повернулась.

Прямо на нее смотрело черное дуло «кольта».

Тесс замерла. В неестественной тишине раздался щелчок взведенного курка.

- Опустите лампу.

Тесс взглянула вниз; ее рука с лампой дрожала, отчего на стенах плясали жуткие тени. Рядом с ней шевелилось что-то тонкое, устремленное вверх, но не относящееся к знакомым обитателям сарая. Краем глаза она напряженно следила за движущимся призраком. В темноте блеснуло нечто холодное, похожее на металл...

Горло Тесс сжалось от ужаса, словно его сдавила чья-то рука.

- Джарарака, - прошептала она. Смертельно ядовитая змея медленно раскачивалась в нескольких дюймах от ее руки. Тесс оказалась в ловушке и теперь была не менее беспомощной, чем детеныш ленивца. Змея находилась слишком близко и могла ужалить в любой момент.

Тесс затаила дыхание.

- Опустите лампу, - настойчиво повторил Фрост.

Оцепенев от ужаса, Тесс не могла отвести взгляд от блестящих в свете лампы глаз змеи, мерцавших, как две жуткие звездочки. Казалось, сердце и дыхание ее остановились.

Все же каким-то образом обретя способность двигаться, Тесс стала медленно опускать лампу, пока та не уперлась в грязный пол. Пляска теней прекратилась, и теперь змея предстала перед посетителями зоопарка во всей своей зловещей реальности.

- Благодарю, - спокойно произнес капитан, и Тесс не смогла подавить истеричный смешок, вызванный его неуместной вежливостью. Затем раздался выстрел, отразившийся страшным грохотом в небольшом помещении, и она испуганно вскрикнула. В то же мгновение что-то упало в том месте, где находилась змея.

Тесс отпрянула назад и резким движением смахнула с руки безголовое тело рептилии; но и на земле остатки змеи продолжали извиваться.

Тесс продолжала стоять, не в силах оторвать глаз от корчащейся блестящей ленты; затем она смутно ощутила на своих плечах руки капитана, сулившие ей успокоение и безопасность. Уткнувшись в его плечо, Тесс ни о чем не думала и ничего не чувствовала, кроме тепла его мускулистого тела, пока перекрывающие шум животных голоса Тейлоров и Камбеллов не вернули ее к действительности.

Первым у сарая оказался мистер Тейлор. Дверь с грохотом распахнулась, и хриплый голос потребовал немедленно сообщить, что случилось. Глаза мистера Тейлора неподвижно уставились на свернувшееся тело змеи, потом его взгляд устремился на револьвер, который капитан Фрост все еще сжимал в руке.

Неожиданно бородатое лицо консула расплылось в улыбке, и возглас восхищения добавил к общему шуму.

Тейлор повернулся и слегка подтолкнул мистера Камбелла:

- Посмотри на это, приятель! Мой Бог, какой выстрел! – Он пнул мертвую змею ногой. – Прямо в голову, при таком скудном освещении. Точнее не могли бы попасть даже вы, леди Тесс!

Внезапно смутившись, Тесс отошла от капитана и посмотрела на мертвую рептилию.

В это время в сарае появились дамы и чернокожий садовник. Шум, производимый животными и людьми, стал просто оглушительным. Перед глазами Тесс снова возникли ужасные видения в момент напряженной тишины перед выстрелом: темные тени, пляшущие на стене, змея, готовая к броску, и револьвер, направленный в ее сторону. Тесс почувствовала, что окружающий шум то усиливается, то затихает, подобно набегаящим морским волнам; затем в сарае стало совершенно темно, и она ощутила странную невесомость. Змея перестала беспокоить ее, шум голосов стих. Тесс инстинктивно повернулась к капитану, словно ища спасительное убежище в его объятиях...

Казалось, прошло всего мгновение, но когда Тесс открыла глаза, обстановка вокруг изменилась. Она уже не находилась в полутемном сарае; холодный яркий свет газовой лампы освещал белые оштукатуренные стены, которые странным образом ритмично покачивались. Наконец она начала медленно осознавать, что ее несут, и, увидев плотно сжатые губы капитана Фроста, попыталась сопротивляться.

- Мы почти пришли, – спокойно сказал Фрост и вдруг подмигнул ей.

- Что вы делаете... Пустите! – Тесс снова попыталась вырваться из его рук, но капитан больше не обращал на нее внимания.

- Направо, капитан. Первая дверь, – подсказала шедшая за ними миссис Тейлор.

Тесс увидела над собой знакомый потолок и узнала свою комнату. Капитан осторожно положил ее в большой гамак, служивший ей постелью, и решительно удержал, когда она попыталась подняться.

Тесс энергично запротестовала, и Фрост, наклонившись к ее уху, тихо произнес:

- Вы разрушите мой героический образ, если встанете слишком скоро после обморока.

Увидев затаенную улыбку на его губах, Тесс смущенно опустила глаза.

- Вы шутите? Я никогда не падаю в обморок!

- Вот как? – Его улыбка стала чуть заметнее. – Значит, я ошибся.

Тесс попыталась сесть, но на этот раз ее удержала миссис Тейлор.

- Вам правда следует немного отдохнуть, дорогая. Вы испытали сильное потрясение.

- Ничего подобного! – Тесс густо покраснела. – Я не боюсь змей, и вы напрасно смеетесь надо мной, капитан Фрост!

- Но, леди Тесс... – запротестовала миссис Тейлор.

Испытывая невольное чувство стыда, Тесс резко сказала:

- Оставьте меня одну. Мне известно, что в Англии модно падать в обморок из-за всяких пустяков. Сожалею, что вы нашли это смешным в моем случае.

В комнате возникла неловкая тишина. Чувствуя, что из ее глаз текут слезы, Тесс перевернулась на бок и встала на ноги.

Миссис Тейлор выглядела крайне расстроенной, и Тесс стало не по себе. Она повернулась к капитану, готовясь обвинить его во всем, включая собственное упрямство.

- Я знаю, что выгляжу смешной, и вы, конечно, считаете меня невоспитанной глупой женщиной. Да, я не знаю, какие прически следует носить, не умею вести умные разговоры и уверена, что ужасно наскучила вам, но я не боюсь змей и не падаю в обморок!

- Но послушай, дорогая... - Тесс уловила укоризненные нотки в голосе миссис Тейлор. - Капитан Фрост только что спас твою жизнь!

- Ему не следовало так беспокоиться обо мне! Я уверена, что благородное английское общество может вполне обойтись без меня.

- Ну зачем вы так говорите! - Казалось, миссис Тейлор сама была готова расплакаться.

- Спросите капитана, что он думает о леди, которая способна сдирать кожу со змей! - Тесс закусила дрожащую губу. Внезапно ей захотелось снова броситься в его объятия и просить не презирать ее за глупую вспышку гнева, за неблагодарность, за бестактные манеры и неподобающее поведение.

- Я надеюсь, - медленно произнес Фрост, - что леди снимет кожу также и с убитой мной змеи. Я хотел бы повесить этот прекрасный экземпляр в своей каюте.

Спокойный тон капитана поразил Тесс, глаза ее удивленно раскрылись.

- Видите ли, до сих пор мне не доводилось стрелять в змей, - небрежно добавил он.

У Тесс возникло странное желание рассмеяться сквозь слезы.

- Полагаю, для вас это не является чем-то особенным. - Капитан словно оправдывался. - Говорят, вы за свою жизнь поймали около тысячи подобных экземпляров.

Тесс слегка улыбнулась и тут же заметила, что капитан старательно сдерживает ответную улыбку. Казалось, он насмеялся не над ней, а над собой.

- Ну уж и тысячи!.. - Она попыталась придать лицу независимое выражение.

- Значит, сотни? - с надеждой спросил он.

- Штук пятьдесят, не более.

Казалось, капитан был доволен тем, что к ней вернулось чувство юмора.

- Так вы обработаете мой экземпляр?

- Почему нет? Я неплохо умею делать это.

Улыбка Фроста согрела ее.

- Поверьте, - произнес он так тихо, что она едва расслышала его, - я ничуть в этом не сомневаюсь.

Когда гладкий темный корпус «Арканума-Арктура» закрыл от глаз Грифа ночное небо, он умело причалил шлюпку к кораблю и поднялся по приставной лестнице на борт, затем перебрал сюртук и шляпу через поручень и легко шагнул на палубу.

Ночь была спокойной; глухую тишину нарушали только редкие всплески волн. Отпустив новую команду на берег, Гриф полагал, что несколько самых плохих моряков не вернуться на корабль. На борту оставались только четверо членов его старого, проверенного экипажа, которые играли в карты на полубаке, где окна рубки светились манящим золотистым светом. Однако Гриф свернул к темной носовой части корабля - он не желал сейчас общаться с командой.

На полуяте, неподалеку от штурвала, сидел Грейди. Гриф, опустившись на скамью, вытянул ноги.

Его охватило уныние, на сердце ощущалась тяжесть. Такое же состояние возникло у него на веранде Тейлоров при звуке голоса Тесс. Он хотел сдвинуться с места, но не мог; хотел заговорить, но язык не поворачивался. Он просто сидел с закрытыми глазами и слушал легкое поскрипывание корабля.

- Прекрасный вечер, - наконец сказал Грейди.

Гриф глубоко вздохнул, открыл глаза и посмотрел на звезды.

- А может быть, и нет, - рискнул продолжить Грейди через некоторое время.

- Может быть, нет.

- Я говорил тебе, не стоит идти туда.

- Говорил.

Снова наступила тишина. Гриф слегка приподнялся и переместил взгляд с неба на мерцающие огни на берегу.

- Они хорошо обошлись с тобой, капитан?

В этом вопросе прозвучала скрытая угроза обидчикам друга, и если бы Гриф захотел обнажить перед Грейди свою душевную рану, он нашел бы средство смягчить боль. Грейди был верным товарищем и стремился вернуть Грифу бодрость духа, убеждая, что его место среди изгнанников общества, которые должны держаться вместе.

- Они были очень любезны со мной. - Гриф с досадой услышал усталость в своем голосе.

Грейди фыркнул:

- Тебя задел их образ жизни, не так ли?

Внезапно встав, Гриф подошел к поручню и провел руками по отполированному и заново покрашенному дереву. Теперь корабль стал очень красивым, подумал он, и тут же в его памяти возникло воспоминание о шелковистой гладкости женской щеки под темными как ночь волосами.

Гриф ухватился за грубые пеньковые ванты и ощутил пальцами их напряженную вибрацию, словно это был живой пульс корабля, передающийся от палубы до самого кончика бизань-мачты на высоту сотни футов. Корабль принадлежал ему, и в этот момент он подумал, что готов продать душу дьяволу, лишь бы сохранить его.

- Не стоит завидовать, - предупредил его Грейди с грубым добродушием, смягчающим остроту слов.

- Завидовать? - Гриф угрюмо усмехнулся. - Разве в этом дело?

- Еще хуже, если ты вообразил, что влюблен.

«Неужели я действительно вообразил это?» Ответом на этот вопрос было ощущение страдания, которое, казалось, заполнило его всего и легло тяжелым грузом на сердце. Гриф вспомнил зеленовато-голубые глаза Тесс, наполненные слезами. Его сердце замерло от страха, когда змея возникла из темноты поблизости от нее.

К счастью, его выстрел оказался удачным. Он использовал единственный шанс и выстрелил в темноте. Пуля пролетела в четырех дюймах от ее красивого испуганного лица и поразила змею. А потом она повернулась к нему и позволила обнять ее. Некоторое время он стоял, потрясенный, ощущая ее нежное тело и шелковистые волосы на своей щеке. Мысли покинули его; осталось только желание держать ее в своих объятиях бесконечно долго.

И тут Грейди не выдержал молчания.

- Кто она, капитан?

Гриф посмотрел на темную воду внизу, завороченный неугомонным движением серебристых волн.

- Леди Коллир, - тихо сказал он и понял, что признание похоже на смертный приговор.

Грейди тяжело вздохнул:

- Этого я и боялся. - Послышался щелчок огнива, и Грейди зажег свою трубку. - Ты прекрасно знаешь, что она не предназначена для таких, как ты.

Гриф стиснул челюсти.

- Это не так. - Пеньковый канат обжег его ладонь. - Ты же знаешь, что это неправда.

- Ты все еще продолжаешь мечтать, что принадлежишь к благородным джентльменам и тебе должно принадлежать богатство, но тебя никто, кроме меня, не слышит на этом корабле.

«И все же я действительно являюсь таковым, - в отчаянии подумал Гриф. - Его светлостью Грифоном Артуром Меридоном, шестым маркизом Ашлендом. На самом деле я имею более высокий титул, чем она».

Судьба сыграла с ним злую шутку много лет назад. Если бы его жизнь сложилась так, как было предначертано с рождения, он мог бы стать сейчас одним из перспективных женихов, вполне подходящих леди Коллир по богатству и происхождению, вместо того чтобы терзаться сомнениями при одной мысли о ней.

Мрачный юмор немного восстановил его самообладание и заставил осознать разницу между

реальностью и мечтой. Гриф повернулся к Грейди.

- Ты никогда не догадаешься, что мне предложили.

- Продать им корабль? - предположил Грейди. - Или продать первого родившегося сына?

Гриф мрачно улыбнулся и, отойдя от поручня, снова сел на скамью.

- Тейлор хочет, чтобы я остался в Англии охранять порог леди Коллир от воображаемого нашествия подонков, пока она не найдет подходящего мужа.

- Не понимаю я этого, - пробормотал Грейди. - Неужели кто-то думает, что ты согласишься на роль дворецкого?

- Тейлор боится, что она станет жертвой какого-нибудь охотника за приданым, и хочет, чтобы я защитил ее. - Гриф покачал головой и грустно рассмеялся. - Наверное, он думает, что я способен безошибочно угадывать, какие мрачные тайны хранят люди в своих душах.

- Похоже, этот Тейлор безумец!

Гриф пожал плечами:

- Зато он предлагает хорошую плату за свое безумство.

- И ты готов согласиться? - испуганно спросил Грейди.

- А ты заглядывал в наши счета за последнее время? Когда мы прибудем в Лондон и расплатимся с этим сборищем слабоумных бездельников, которых нам навязал Гоулд, мы окажемся почти без денег. Нам не поможет даже ничтожный груз каучука, о котором, между прочим, Тейлору все известно.

- Вот как? - прорычал Грейди. - Значит, ему все доложил этот подлый второй помощник. Он и Гоулд вели себя как закадычные друзья в Нассау.

Гриф тяжело вздохнул при упоминании о неприятном и мрачном типе.

- Сегодня у тебя были проблемы с ним в порту?

- Да. И я распорядился запереть его внизу.

- Он и сейчас там?

- Там. Жрет наши запасы и ничего не делает.

- Тогда какая необходимость запирает его?

Грейди издал звук, выражающий долготерпение.

- Будь уверен, необходимость была. С ним нельзя обращаться по-человечески. Такие типы понимают только жесткость.

Гриф молча воспринял это короткое сообщение. Грейди всегда лучше разбирался в таких вещах, как корабельная дисциплина и порядок подчиненности, - то, с чем Грифу не приходилось сталкиваться за все тринадцать лет управления кораблем. Его основная команда

была небольшой, преданной, относилась к нему с уважением и безоговорочно выполняла все приказы, которые, как правило, отдавал первый помощник.

- Черт тебя возьми, Грифон, - добродушно проговорил Грейди - он обычно называл Грифа полным именем, когда хотел подчеркнуть значимость своих слов. - Ты так же плохо разбираешься в мужчинах, как и в женщинах.

- Возможно, ты прав.

- Ладно, не стоит считать это серьезным недостатком. Главное, ты сумел проявить силу воли и встать на ноги после того, как потерял семью и дом, будучи еще мальчишкой. Вот почему твоя команда не покидает тебя. Продолжай оставаться таким, какой ты есть, и позволь старому Грейди держать взаперти тех, кого он считает необходимым изолировать.

Гриф не удержался от улыбки.

- Думаю, скоро этот тип станет более сговорчивым.

- Верно. Точно так же надо поступать и с женщинами.

- В самом деле? Едва ли мне доставит удовольствие, если ты будешь столь сурово обращаться с ними.

- А я считаю, тебе следовало послушаться меня сегодня вечером, вместо того чтобы есть изысканную еду серебряной ложкой. У нас были бы хорошенькие девочки, чистые и надежные, из числа гавайских танцовщиц. Я проверял их специально для тебя.

Гриф громко рассмеялся:

- Представляю, какая это тяжелая работа!

- Брось, Грифон, - серьезно сказал Грейди. - Ты смеешься, однако я уверен, что у тебя зудит в одном месте, отчего ты и запал на леди Коллир.

Шутливое настроение Грифа мгновенно исчезло.

- Предупреждаю, Грейди, - с угрозой сказал он, - не трогай эту тему.

Может быть, потому, что Гриф никогда прежде не одергивал своего старого друга, Грейди проигнорировал предупреждение.

- Одумайся, - упрямо сказал он. - Ты заключаешь контракт на слишком большой срок. Через пару дней ты будешь следовать за своей леди как похотливый козел и понапрасну терзать свое сердце.

Быстро встав, Гриф сделал два шага в направлении к Грейди, но тут же взял под контроль нарастающую волну гнева и застыл на месте.

- Ты не должен говорить так о ней, - с трудом произнес он.

Однако Грейди стоял на своем; единственным признаком его тревоги по-прежнему была настороженная неподвижность.

- Я говорю о тебе, сэр, - мягко сказал он.

Гриф сделал глубокий вдох. В нем нарастала с трудом сдерживаемая ярость. Он стиснул челюсти, и его кулаки были готовы нанести удар в темноту. Не доверяя своему голосу, Гриф больше ничего не сказал Грейди и, повернувшись, направился вниз, где он мог хоть какое-то время побыть наедине с собой.

Он двигался в темноте по памяти, споткнувшись лишь однажды на трапе, оттого что был зол и поглощен своими мыслями. Нащупав трутницу и лампу в обычном месте, он зажег огонь и, войдя в каюту, со злостью захлопнул за собой дверь, потом сел на койку и стянул ботинки.

Наполовину расстегнув рубашку, Гриф сообразил, что оставил сюртук и шляпу на палубе. Это напомнило ему о том, с каким трепетом он одевался, готовясь к сегодняшнему вечеру, и как глупо беспокоился, повязан ли его галстук надлежащим образом и хорошо ли сидит на нем сюртук. Это была полностью новая форменная одежда, на которой настоял Гоулд, потому что у Грифа не нашлось ничего подходящего.

Босой, без рубашки, Гриф налил себе порцию рома и вытянулся на койке, упершись плечами в переборку и держа стакан на коленях. Гнев постепенно стих, и теперь он испытывал только усталость, которая казалась безграничной и пронизывала все его тело до самых костей. Его простая одинокая жизнь текла своим чередом, ничего не обещая и не вселяя надежды на счастье. Он жил ото дня ко дню, от часа к часу, не задумываясь о будущем. У него был корабль, на котором он и Грейди совершали привычные рейсы, и до сих пор этого было достаточно, чтобы сохранялось желание увидеть очередной восход солнца.

Сейчас, когда он лежал в той же каюте, в которой находился тринадцать лет назад, перед его мысленным взором возникли образы, хранившиеся в памяти с тех далеких дней. В ночной тишине он, казалось, снова слышал голоса отца и дяди, тихо разговаривающих в баре, где они курили в поздний час и обсуждали здоровье деда, плохую весеннюю погоду в Ашленде и вопросы, которые должны были весьма волновать юного Грифа, если бы он понимал тогда их значение.

Но он не понимал. Болезнь деда, по причине которой дядя Алекс вызвал их из Калькутты, для Грифа была всего лишь еще одной заботой взрослых. Он никогда не видел деда, пятого маркиза Ашленда. Узнав о его неминуемой смерти, Гриф был огорчен только тем, что дядя Александр, виконт Линдли, став маркизом, больше не будет выходить в море. Он слышал серьезные голоса беседующих и понял, что его отец побуждал старшего брата жениться и осесть в своих владениях.

Тогда Гриф был возмущен тем, что его кумира, его лихого дядю Алекса хотят сделать обыкновенным скучным семьянином. Для мальчика брак казался наказанием, при котором мужчину опутывают женские юбки – те самые развевающиеся ткани, которые носили его мать и старшая сестра. Он считал возмутительным то, что дядя будет вынужден отказаться от «Арктура», от великолепной жизни на море ради каких-то унылых десяти тысяч акров земли в Гэмпшире и дохода в сотню тысяч фунтов в год.

Гриф мечтал предложить свои услуги в качестве капитана «Арктура», если его дядя не поддастся на дьявольский соблазн стать маркизом Ашлендом. С этой целью он приставал с различными вопросами и просьбами ко второму помощнику капитана. Другой на месте помощника, наверное, выкинул бы его за борт, однако Грейди и тогда был весьма терпелив. Он даже позволял Грифу, несмотря на протесты матери, забираться на самый верх фок-мачты. Во время одного из таких подъемов мальчик одним из первых заметил дым горящего корабля.

Это единственное, что хорошо запомнил Гриф в тот день. Стоя рядом с Грейди и стараясь

удержаться на ногах при сильной качке корабля, он чувствовал себя на седьмом небе. Дул свежий ветер, морс сверкало синевой. С северной стороны вслед за «Арктуром» шел военный корабль с двадцатью пушками под командованием капитана Натаниела Элиота.

Ненависть, которая охватила Грифа при мысли об Элиоте, была настолько давней, что ей следовало бы уже остыть, однако по прошествии многих лет она не ослабевала. Это Элиот погубил семью Грифа, позволив пиратам захватить их корабль. Элиот оставался в стороне со своими пушками, выжидая, пока пираты не перебьют всех, и именно Элиот владел сейчас Ашлендом.

Капитан Элиот породнился с Меридонами, женившись на племяннице старого маркиза, однако за неделю до того, как семья покинула Калькутту, родственники Грейс и Натаниел были для Грифа всего лишь безликими именами. Кузина Грейс умерла в Англии, когда Гриф был еще совсем ребенком, и ее овдовевший муж, находясь на службе в военно-морском флоте, исчез из поля его зрения. У Натаниела был сын Стивен – близкий Грифону по возрасту нарушитель спокойствия, который жил в Ашленде, в то время как его отец находился в море. Гриф знал об этом, потому что маркиза в своих письмах постоянно жаловалась на проделки внучатого племянника, а мать Грифа называла его «несчастливым ребенком» и считала примером того, что происходит с мальчиками, когда они лишены материнской заботы.

Незадолго до того, как они отправились в Англию, капитан Элиот прибыл в Калькутту на военном корабле и, конечно, нанес визит семье покойной жены. Гриф очень хотел познакомиться с ним, готовясь признать его в качестве еще одного героя, но Элиот оказался нисколько не похож на любимого Грифом дядю Алекса. Гриф сразу заметил разницу между ними: капитан Элиот был человеком чопорным, молчаливым, не склонным шутить и уделять внимание надоедливому двенадцатилетнему мальчишке, который задавал слишком много вопросов.

Мать Грифа сочла большой удачей то, что отплытие корабля капитана Элиота совпало с отплытием «Арктура», хотя отец и дядя Грифа посмеивались над слухами, будто бы пираты Китайского моря замечены у восточных берегов Цейлона. Гриф, конечно, тоже посмеивался, беря пример с дяди, и считал излишним эскорт в виде военного корабля королевского флота. По своей наивности он думал, что сражение с пиратами в одиночку будет выглядеть более героическим.

В то время «Арктур» был совсем новым кораблем – одним из первых среди британских чайных клиперов, – являясь красивой игрушкой аристократов, построенной с целью состязания с быстроходными американскими кораблями на пути из Шанхая в Ливерпуль. Самым забавным в судьбе «Арктура» было то, что за все время своего существования он ни разу не перевозил контейнеры с чаем. Этот рейс он также совершал пустым, поэтому шел легко и быстро, имея на борту только пассажиров.

Пираты ни за что не поймали бы их, если бы не устроили трюк с горящим кораблем. Для тех, кто находился на «Арктуре», искусно имитированный пожар выглядел весьма достоверным и ужасным. Когда первые «выжившие» оказались на борту, только Грейди и дядя Алекс догадались, что представляла собой эта смесь рас и языков в грязной ковбойской одежде; команда же и пассажиры «Арктура» приняли их, ничего не подозревая, и таким образом обрекли себя на смерть.

Воспоминание о последовавшей резне походило на беспорядочный калейдоскоп страшных видений, которые Гриф никогда не сможет забыть: пронзительный крик сестер, кровь отца, дико расширенные глаза человека, который нанес Грифу удар дубиной по голове. Мальчик

остался в живых только потому, что нападавшие в спешке бросили его умирать среди остальных. Он не мог помнить это, однако, очнувшись и почувствовав боль, понял, что произошло. Впоследствии эти ужасные сцены не раз являлись ему в ночных кошмарах.

Как удалось уцелеть Грейди, Гриф не знал и никогда не спрашивал его об этом; когда к Грифу вернулось сознание, помощник капитана держался за раненое плечо и стонал. Семья Грифа и вся команда уже были похоронены в море, палубы очищены от крови, а дядя Алекс находился при смерти. Однако он еще смог написать завещание, согласно которому все его имущество переходило к Грифону Артуру Меридону, последнему прямому наследнику Ашленда. Гриф до сих пор хранил этот трогательный, испещренный каракулями документ в сейфе, как и кольцо с печаткой дяди Алекса и подлинное название корабля, который также был передан ему. Однако все это хранилось лишь как напоминание о минувших страшных событиях. Ни для одного суда эти документы не имели законной силы, а если бы даже и имели, Гриф ничем не мог удостоверить свою личность. Корабль и золотое кольцо с изумрудным крестом Ашленда могли быть идентифицированы, но не мальчик, ставший мужчиной. Только Грейди и сам Гриф могли на словах подтвердить подлинность документов и личность Грифона Артура Мсридона, но их показания не имели никакой юридической силы.

«Probitas Fortis», – вспомнил Гриф надпись на кольце, что означало: «Честь превыше всего».

От того, что случилось сразу после нападения пиратов, у него мало что осталось в памяти. Они медленно двигались вперед на приспущенных парусах, и Гриф спешно учился управлять кораблем, со страхом стоя у штурвала, в то время как Грейди ухитрялся справляться со снастями одной рукой. Только позже Гриф осознал, что это был почти сверх человеческий подвиг. Шторм отнес их к югу, и они два месяца дрейфовали в Индийском океане, оставаясь в живых благодаря наличию провизии, заготовленной в расчете на тридцать человек.

Прошла неделя после удара по голове, прежде чем зрение Грифа восстановилось окончательно. В течение двух следующих недель его не покидали мысли о корабле капитана Элиота; еще несколько дней потребовалось на то, чтобы эти размышления привели его к мучительному вопросу, и тогда он спросил у Грейди, почему военный корабль не спас их.

В ответ тот только пожал плечами, и Гриф больше не стал спрашивать.

В тот день, когда дядя Алекс умер и они похоронили его, Грейди спросил Грифа, куда он хотел бы отправиться.

– Домой, – без промедления сказал мальчик, и этим ограничились его планы на будущее.

– Домой в Англию или в Индию?

Гриф подумал о пони, оставленном в Калькутте, и о любимом мангусте по имени Себастьян, а также о своей семье, об их бунгало и комнатах, которые теперь опустеют и где уже больше не будет звучать смех матери и сестер. В этот момент он начал понимать, какая жизнь ждет его впереди.

– В Ашленд, – ответил Гриф.

Туда они и направились.

Когда они подошли к юго-восточному побережью Африки, Грейди высадился на берег и вскоре вернулся с двумя мужчинами. Потом они опять отплыли и двинулись на юг. На пути в Кейптаун они останавливались еще четыре раза, но Гриф так ни разу и не ступил на берег. В

конце концов на корабле собралась пестрая команда, включающая самого Грифа, Грейди, трех американцев, одного датчанина, француза и африканца.

Таинственная скрытность Грейди смущала Грифа, и его первым побуждением было обратиться к властям и сдать на их милость. Теперь-то он понимал, что тогда представляли собой «Арктур» и его команда. Это был лакомый кусочек для тех, кто хотел бы завладеть кораблем. Гриф уже знал по собственному опыту, что на весах правосудия справедливость не могла противостоять силе: власти были бы рады взять «Арктур» под свою протекцию и отправить подальше его юного владельца на произвол судьбы.

Гриф сделал большой глоток рома и откинул голову на твердую переборку. Он никак не мог отделаться от страшных воспоминаний, и ему хотелось выпить, чтобы не думать о прошлом. Смерив взглядом то, что осталось в бутылке, он понял, что едва ли этого будет достаточно. Впрочем, через четыре часа все равно придется вставать: обязанности капитана не позволяли ему долго отдыхать.

Он осушил стакан и встал. Его взгляд скользнул по наполненным книгами ящикам у противоположной стены. Это были книги дяди Алекса, перенесенные из капитанской каюты для большего удобства леди Коллир, а также потому, что Гриф не хотел оставлять их там, где доступ к ним был затруднен. Благодаря этим книгам он повышал уровень своей образованности. Это было смешанное собрание, включающее Платона и Чосера, Джонатана Свифта, реестр британских торговых судов от 1849 года, поэзию Клафа и несколько томиков Джейн Остин. А также сочинения Вольтера и Виргилия, Данте и Дюма, Бентама, По и Ралфа Уолдо Эмерсона – все, что поражало воображение Грифа. Ящики пополнялись, пока не переполнились, и теперь Гриф уже не мог сразу найти то, что хотел.

Неожиданно Гриф вспомнил библиотеку в Ашленде, представлявшую собой большую, заставленную книжными полками комнату, которую он видел только раз в жизни и всего лишь в течение полминуты. В его памяти неизгладимо запечатлелось ошеломленное лицо Натаниела Элиота в тот первый момент, когда он узнал Грифа, появившегося в Ашленде через шестнадцать месяцев после нападения пиратов на «Арктур».

Какое-то мгновение они стояли, молча глядя друг на друга: обтрепанный подросток и капитан военно-морского флота – единственный человек в Ашленде, знавший, кем является этот мальчишка, затем глаза Элиота внезапно сузились и лицо приняло жесткое выражение. Он обозвал Грифа попрошайкой и вором и приказал посадить его в тюрьму, а когда Гриф попытался убежать, устроил погоню и в конце концов приказал поджечь старый сарай, где прятался мальчик.

Гриф отчетливо помнил это преследование, помнил запах дыма и дегтя, а также голоса мужчин, поджидавших снаружи, когда он выскочит из огня. Но он не выскочил. В этот момент Гриф наконец-то понял то, что Грейди никогда не произносил вслух: Натаниел Элиот – его смертельный враг.

Шум и огонь заставили крыс спасаться бегством, и только отчаяние надоумило Грифа последовать за ними. В результате он нашел заваленный вход в старый погреб, протиснулся в маленькое помещение, где невозможно было пошевелиться, и съехал там, задыхаясь и плача, в то время как над ним бушевало адское пламя. Он почти обезумел от страха, находясь в тесном пространстве вместе с крысами. В тот момент он чувствовал сходство с этими созданиями, которые отлично знали, что значит быть объектом охоты.

Таким образом, Гриф дважды подвергся смертельной опасности: один раз при нападении

пиратов в Индийском океане, а второй – в качестве безымянного вора и бродяги в горящем заброшенном сарае. После смерти старого маркиза никто не мог оспорить наследство, и Натаниел Элиот присвоил себе право управлять Ашлендом от имени своего сына Стивена.

А человек, которого звали Грифон Меридон, исчез.

Грифон налил себе еще спиртного и тяжело опустился на койку. Она показалась ему непривычно жесткой, поскольку он не спал на корабле свыше десяти лет. Глядя в потолок, Гриф какое-то время испытывал жалость к себе, но потом решил, что есть вещи, о которых лучше не вспоминать, и, допив остатки рома, погасил лампу. В течение многих лет корабельной жизни, когда ему часто приходилось сменяться на вахте и даже в часы отдыха нельзя было полностью расслабляться, Гриф выработал привычку ни на чем не сосредоточиваться, поэтому через некоторое время погрузился в тревожный сон.

Глава 4

Тесс с наслаждением вдохнула свежий апрельский воздух, проникавший сквозь открытое окно ее будуара, но тут же тихо взвизгнула, когда служанка ту же затянула шнурки корсета.

В это время снаружи раздался шум подъезжающей кареты, но Тесс не обратила на него внимания, так как была занята более важным делом.

- Ох! – воскликнула она, тяжело дыша. – Не слишком ли туго?

- Вовсе нет, мэм, – живо отозвалась служанка. – Иначе платье не будет сидеть надлежащим образом. Если вы задержите дыхание, у вас все получится.

- Но я и так... – Тесс снова вскрикнула, к ее глазам подступили слезы.

Наконец с корсетом было покончено, и она, жадно ловя воздух ртом, устремила затуманенный взор в расписанный золотом потолок.

- Интересно, как другие это выносят?

- Вы скоро привыкнете, мэм, – заверила служанка. – А сейчас поднимите руки.

Решив не возражать, Тесс закрыла глаза и подняла руки. Послышалось шуршание шелка. Она открыла глаза в тот момент, когда каскады изумрудно-зеленой ткани заскользили по ее лицу; и тут же платье образовало пышный купол вокруг талии, опираясь на широкий каркас кринолина и нижние юбки.

Служанка расправила складки платья и помогла Тесс продеть руки в узкие рукава. Корсаж с глубоким вырезом, открывавшим гладкие белые плечи, пришелся точно по форме, искусственно созданной корсетом, и в запасе не было ни дюйма.

У Тесс слегка закружилась голова, и она попыталась дышать реже, в то время как служанка продолжала хлопотать, поправляя платье, застегивая пуговицы и крючки. По ее указанию Тесс села, что оказалось непростым делом в жестком корсете, после чего на ее голову был водружен венок из белых цветов.

Тяжело вздохнув, Тесс в конце концов смирилась и с этим украшением. Она сидела, не шевелясь и стараясь не думать о предстоящем вечере, а служанка трудилась над ее внешностью, с предельной осторожностью используя многочисленные шпильки.

Перспектива появиться наконец в лондонском обществе снова вызвала у Тесс головокружение. Она сделала глубокий вдох, чтобы освежить голову, ругая себя за проявление нервозности, столь характерной для чувствительных лондонских девиц.

Все-таки ей ведь предстоит встретиться не с крокодилами, ягуарами или индейцами.

Но почему-то перечисленные опасности не вызывали у Тесс такого ужаса, который она испытывала перед встречей со светским обществом. Ей страстно хотелось вновь оказаться на борту корабля, стоять у поручня и наблюдать за взлетающими в воздух брызгами, сверкающими всеми цветами радуги, а еще за дельфинами, прыгающими в волнах перед носом «Арканума». При воспоминании о том, как капитан Фрост иногда присоединялся к ней и они разговаривали, делясь впечатлениями о местах, где когда-то бывали: об островах, городах и пустынных побережьях, – на ее губах появилась слабая улыбка. В эти моменты капитан становился совсем другим и уже не казался тем молчаливым джентльменом, каким выглядел за обеденным столом у Тейлоров; он смеялся вместе с Тесс, поддразнивал ее, когда она распускала волосы по ветру, и однажды даже протянул руку, чтобы убрать прядь с ее щеки. Воспоминание об этом прикосновении вызвало появление румянца на щеках Тесс. Наверное, ей тогда следовало остановить его и уйти, ведь этот человек был всего лишь морским перевозчиком, авантюристом, и отец едва ли назвал бы его «подходящим» для нее. Однако Тесс охватывало странное волнение всякий раз, когда капитан находился рядом с ней. Казалось, все светлело вокруг, ее чувства обострились, жизнь становилась много приятнее. Она смотрела на небо и море его глазами, не переставая поражаться царящему вокруг разнообразию. Фрост знал все причуды этой стихии и понимал ее так же, как Тесс понимала сложную жизнь тропических джунглей – инстинктивно и благодаря длительным наблюдениям.

Однако капитан Фрост сразу менялся, как только на палубе появлялись Камбеллы. Если кто-то из них оказывался рядом, его лицо принимало выражение осторожной сдержанности и он становился на удивление молчаливым. Сначала Тесс полагала, что допускает какую-то бестактность и тем самым обижает его, но он всегда возвращался к ней, и она научилась быть не менее терпеливой с ним, чем с пугливыми лесными созданиями. Тесс каждый день выходила на палубу и стояла у поручня. Ее терпение вознаграждалось, когда капитан неожиданно оказывался рядом. Он никогда не говорил, почему старается отыскать ее, но Тесс замечала, что при каждой встрече в его серых глазах появлялась тень улыбки, и делала свои выводы. Он был одинок, как и она, поэтому они оба нуждались в дружеском общении.

Вероятно, то, что в ее коротком списке друзей и знакомых этот «морской волк» стоял на первом месте, являлось признаком вульгарности и отсутствия у нее вкуса. Но по крайней мере с капитаном Фростом Тесс не нужно было взвешивать каждое слово. Он слушал ее рассказы о приключениях в джунглях с уважением и без критических замечаний, а когда она замолкала, улыбался, покачивал головой и однажды даже спросил, не желает ли она стать членом его команды, чтобы посрамить остальных стойкостью духа. Это была, конечно, шутка, однако выражение его глаз, когда он говорил об этом, вызвало у Тесс ответные теплые чувства.

Однако по прибытии в Лондон эта приятная интерлюдия закончилась, и теперь Тесс должна была посвятить себя поискам подходящего мужа, и в этом процессе значение имели только титул и состояние. Тетя Тесс уже составила список подходящих джентльменов, и вечером ее светлости Терезе Коллир, сказочно богатой наследнице Морроу, предстояло предстать на их обозрение.

Завершив хлопоты с туалетом, пожелав приятного вечера и заявив, что теперь Тесс окончательно готова к смотру, служанка удалилась. Грозная и придиричивая тетя Кэтрин – нет, дорогая и добродушная тетушка Кэтрин, как твердо решила называть ее Тесс, – ждала в своей

комнате, где уже собрались многочисленные зрители. Здесь были двоюродные родственники Тесс: высокий, длинноносый Чарльз и его сестра-близнец Энн, которая во всем походила на брата, за исключением одежды; мечтательный Фрэнсис, разочаровавший родителей своим пристрастием к поэзии, и дерзкая Джудит, которая была ровесницей Тесс, но уже успела побывать замужем и овдоветь около года назад. Джудит в ее положении следовало бы, согласно правилам приличия, присутствовать только на обеде, но не на предстоящем балу, однако Тесс заботило совсем не это.

Ее появление в комнате произвело большое впечатление на присутствующих. Фрэнсис – единственный, с кем она успела подружиться по прибытии в Англию, – признался, что поражен ее внешностью, и даже напыщенный Чарльз согласился с братом. Тетушка Кэтрин сдержанно кивнула в знак одобрения; она явно была удовлетворена тем, что дикарка столь быстро преобразилась в леди.

- Надеюсь, дорогая Тереза, – тут же предупредила Кэтрин, – что в обществе ты не станешь упоминать об этом ужасном одиночном путешествии по Амазонке.

- Я была не одна, тетя, – возразила Тесс, хотя понимала, что сейчас ей лучше не противоречить.

Кэтрин начала энергично обмахиваться веером.

- Тем более не стоит рассказывать, что ты путешествовала в сопровождении полуголых дикарей. Этот бал дается с единственной целью – представить тебя благородному обществу. Организация подобного мероприятия доставила нам немало хлопот, так что постарайся не разочаровать дядю и меня.

Тесс прекрасно понимала, что за бал, обед, наряды и даже за дом, где они находятся сейчас, уплачено из ее наследства, отчего на языке у нее вертелся колкий ответ, но она лишь вежливо улыбнулась:

- Я постараюсь, тетя Кэтрин, хотя...

Тесс едва не добавила, что вряд ли сможет солгать, если ей будет задан прямой вопрос по поводу ее пребывания в Бразилии. К счастью, в этот момент ее прервал чей-то скрипучий голос:

- Кузина Тесс, если ты осмелишься заговорить об этом ужасном приключении, я непременно упаду в обморок. Что подумает о нас сэр Уолтер? Мама, ты должна заставить ее пообещать не распространяться на эту тему! – Прибывшая с опозданием Лариса, помолвленная с сэром Уолтером Ситуэллом, смотрела на Тесс страдальческим взглядом близко посаженных голубых глаз; ее обезьянье личико покраснело от волнения при мысли о возможном скандале.

Увидев, что к тете Кэтрин прибыло подкрепление, Тесс искренне пообещала не упоминать ни об Амазонке, ни о Бразилии, ни о полуголых индейцах и всем, что как-то связано с ними. Вот только о чем ей тогда говорить? Впрочем, это никого не волновало, кроме нее самой.

Тетя Кэтрин снова взяла слово:

- Тереза, дорогая, кто этот мистер Эверетт, который опекает тебя и которого мне настоятельно рекомендовали пригласить? Я не могу понять, почему твой дядя не был назначен опекуном – он был бы куда более подходящей кандидатурой. Общество сочтет странным подобное решение твоего дорогого отца. Впрочем, Роберт всегда был непредсказуемым человеком. Боже, упокой

его душу...

Эта жалоба стала привычной для Тесс за последние три месяца, а поскольку дискутировать на эту тему было бесполезно, она постаралась вернуться к первому вопросу:

- Я не думаю, что когда-либо встречалась с мистером Эвереттом, тетя, но уверена, что, если мистер Тейлор рекомендовал его вам, это, должно быть, достойный человек.

- Что ж, - Кэтрин вздохнула, - его уже пригласили... Надеюсь только, что все-таки это вполне приличный господин. В письме говорится, что он был приближенным губернатора в Тринидаде... или что-то в этом роде. - Завершая разговор, тетя Кэтрин щелкнула веером и встала. - Пора спускаться вниз. Энн, дорогая, расправь свой шарф. Тесс, пожалуйста, передвигайся короткими шажками и постарайся придать своей внешности больше изящества.

Бальный зал в Морроу-Хаусе отличался высоким, в два этажа, сводчатым потолком с лепными украшениями, выполненными братьями Фрэнсис. Своды и стены зала украшали гирлянды белоснежных цветов и улыбающиеся обнаженные херувимы на темно-красном с золотом фоне. Лариса тут же выразила недовольство безвкусицей вычурного стиля рококо, заметив, что во всех фешенебельных домах давно перешли на готический стиль и даже к простым георгианским домам в поместьях пристраивают башни с бойницами.

Хотя Тесс имела свое мнение на этот счет, она решила воздержаться от советов, тем более что лепной потолок, сверкающие люстры и величественная лестница создавали достаточно роскошную обстановку для многочисленных благородных гостей. По собственному признанию леди Кэтрин Уинтроп, дочери графа и жены барона с безупречной репутацией, здесь собрался весь высший свет. Список гостей достиг пяти сотен, так что в конце концов его пришлось ограничить, а единственной причиной, по которой не были приглашены принц с принцессой, явилось то, что Тесс еще не представлена при дворе.

Ноги Тесс ужасно болели в тесных туфлях, но она продолжала улыбаться, встречая гостей, которых одного за другим подводили к ней для знакомства, и постепенно ей стало казаться, что весь мир состоит только из виконтов, герцогов и их дам. Она не запомнила ни их имен, ни их лиц. Когда же начались танцы, ее тотчас пригласил на кадрили какой-то молодой человек, который, кажется, был ее отдаленным родственником, и сразу увлек ее в центр зала, где выстроились шестнадцать пар. Станцевав несколько па, Тесс отказалась от продолжения танца и попала в круг сочувствующих, элегантных, сдержанных матрон, которым было лет по восемьдесят; они старались ободрить ее и рассказывали о том, как сами мучились на своем первом балу, со вздохом отмечая, как давно это было. Тесс кивала и улыбалась, кивала и улыбалась, радуясь тому, что ей не надо опасаться за свои высказывания, поскольку у нее вообще не было возможности что-либо вставить в их разговор. В этот момент Тесс показалось, что на ее глаза опустилась вуаль, превратив окружающую обстановку в яркую смесь звуков и красок.

Лорд Тэкстон, лорд Уэлборн, лорд такой-то... Тесс постоянно была окружена толпой церемонных джентльменов, большинство из которых были молоды, хотя попадались и старики со скрипучими корсетами. Ее карточка была до конца заполнена наспех нацарапанными именами партнеров на предстоящие танцы, и Тесс часто заглядывала в нее, стараясь запомнить правильное произношение имен. До начала бала тетя Кэтрин просила Тесс не танцевать более одного раза с одним и тем же партнером, и это условие вроде бы нетрудно было соблюдать, но сейчас, когда перед ней мелькало множество лиц, Тесс с трудом различала их и вполне могла нарушить данную установку. Поэтому она время от времени посматривала на тетюшку Кэтрин при каждом приглашении на танец и быстро научилась определять по

степени наклона ее седой головы, насколько желателен тот или иной партнер.

В результате Тесс определила, что стройный темноволосый мужчина, представившийся мистером Элиотом, является наилучшим кандидатом. Это имя, насколько она помнила, стояло на первом месте в списке Кэтрин, хотя Стивен Элиот отличался от остальных претендентов разве что высоко поднятым подбородком. Когда он пригласил Тесс на очередной танец, она вдруг почувствовала необычайную слабость в ногах, однако, взглянув на Кэтрин, приняла приглашение с таким благосклонным видом, на какой только была способна.

К счастью, мистер Элиот оказался чутким партнером. Когда Тесс пропустила па, он спокойно подстроился под нее, добродушно кивая в ответ на ее извинения.

- Не обращайтесь внимания, - просто сказал он. - Эти танцы ничего не значат. Вы обладаете естественной грацией и затмеваете всех, мадемуазель.

Тесс удивленно взглянула на него, впервые сосредоточившись на лице своего партнера. Он улыбнулся и приподнял брови в ответ, продолжая неподвижно смотреть на нее холодным взглядом голубых глаз. В этих глазах было что-то такое, чего Тесс не могла объяснить. Она невольно опустила ресницы; при этом щеки ее зарделись.

- Моя естественная грация сегодня сродни грации буйвола.

- О нет, - тихо сказал он. - Вы явно напрашиваетесь на комплимент, и я охотно буду отрицать это.

- Неправда! - быстро возразила Тесс, а потом, не отдавая себе отчета в том, как это может быть воспринято, добавила: —Просто у меня ужасно болят ноги...

Ее партнер мгновенно прервал танец.

- Так вот чем все объясняется! А я-то думал, почему блистательная леди Коллир ничему не радуется на своем первом балу... В таком случае давайте присядем.

Благодарно кивнув, Тесс послушно последовала за ним, полагая, что мистер Элиот достаточно хорошо знает правила этикета, и, опустившись в кресло, не стала возражать, когда он предложил выпить шампанского. Она усвоила, что бокал в руке дамы останавливает желающих пригласить ее на танец.

Несколько молодых мужчин сразу подошли к ней, едва мистер Элиот отлучился, чтобы принести вино, и Тесс с трудом удерживала их на расстоянии; однако, вернувшись, он ловко отшил их.

Когда Элиот снова повернулся к ней, Тесс сказала:

- Как бы я хотела научиться действовать так же.

- То есть отправлять не в меру назойливых поклонников подальше?

Тесс засмеялась:

- Едва ли их можно назвать поклонниками.

- Вы так считаете? Но это правда, миледи.

Тесс вопросительно посмотрела на Элиота, и в ее душу закралось сомнение в его искренности. В выражении его лица чувствовалась какая-то напряженность; он улыбался, но глаза по-прежнему оставались холодными. Тем не менее Тесс не испытывала беспокойства в его обществе. Молодой человек был красив, даже очарователен и вел себя на удивление непринужденно, а его весьма экстравагантные комплименты произносились с таким цинизмом и с такой напыщенностью, что она относилась к ним совершенно спокойно. Вероятно, для него они тоже не имели никакого значения.

Тесс допила шампанское и приняла другой бокал, который Элиот взял с подноса у проходящего мимо лакея.

- Боюсь, я должен покинуть вас, - неожиданно сказал он.

- Так скоро? - Тесс поняла, что ее короткая передышка заканчивается.

- Не будем давать повод сплетням. - Он улыбнулся ей своей загадочной улыбкой. - Думаю, очень скоро у нас будет возможность продолжить общение.

Тесс удивленно посмотрела на него, но Элиот уже протягивал руку пожилой баронессе, предлагая ей присоединиться к ним, а когда знакомство состоялось, мгновенно исчез.

Тесс неохотно поддерживала разговор с баронессой и умудрилась почти сразу обидеть ее, упомянув о присоединении Морроу к партии виггов. От дальнейших ошибок ее спасло лишь вмешательство Ларисы.

- Кузина Тесс, - радостно заговорила пухлая розовощекая красавица, - могу я представить тебе свою подругу, мисс Луизу Грант-Гастингс? А это мой жених, сэр Уолтер Ситуэлл. К тому же здесь кузен мисс Грант-Гастингс... э-э... мистер Эверетт, если не ошибаюсь?

Тесс встала и в очередной раз изобразила на лице сияющую улыбку. Посмотрев на сэра Уолтера, она была поражена румянцем его лица и голубыми глазами, очень похожими на глаза Ларисы. И тут же, шурша пурпурными юбками, вперед выступила мисс Грант-Гастингс, пожелавшая пожать руку Тесс.

Тесс начала машинально произносить обычные слова приветствия, но они застыли у нее на губах, когда ее взгляд сосредоточился на высокой фигуре позади мисс Грант-Гастингс.

- Каким образом он... - начала она и внезапно замолчала. Перед ней стоял капитан Фрост; выражение его лица ничем не выдавало то, что он знал ее.

Тесс мгновенно охватило приятное чувство, и она даже не закончила начатую фразу приветствия. Как Лариса представила его? Кажется, мистер Эверетт...

Внезапно ее озарило. Капитан Фрост! Так вот он, таинственный мистер Эверетт, о котором мистер Тейлор отзывался в высшей степени положительно и рекомендовал в качестве ее опекуна! Для Тесс сразу же стала понятна причина изменения имени мистера Эверетта - молодые английские джентльмены часто уходили в море ради приключений и выгоды, но при этом тщательно скрывали свои настоящие имена. Разумеется, Фрост - это вымышленное имя мистера Эверетта.

Тесс тут же приняла равнодушный вид и была вознаграждена за это едва заметным движением его губ.

Мисс Грант-Гастингс, все еще дожидавшаяся ответа, холодно приподняла тонкие брови. Она была на несколько дюймов ниже Тесс, но искусно выполненная высокая прическа делала ее словно равной Тесс по росту.

Лариса еще до этой встречи рассказала о своей подруге, и Тесс знала, что мисс Грант-Гастингс была признана первой красавицей сезона. Она не слишком богата, но из хорошей семьи, к тому же достаточно умна, чтобы покорить любого молодого человека, который придется ей по душе. От Фрэнсиса Тесс узнала, что мисс Грант-Гастингс искусная кокетка и сейчас она нацелилась на лорда Фолкена, наследника герцогства Олдерли. Фолкен, как многозначительно заметил Фрэнсис, был неглуп, однако клевал на любую молоденькую девчонку.

Глядя в красивые холодные глаза мисс Грант-Гастингс, Тесс подумала, что, возможно, лорд Фолкен нашел подходящую пару. Она наконец ответила что-то на заданный вопрос и затем с благодарностью предоставила Ларисе возможность вести дальнейший разговор. Неожиданное появление капитана Фроста – то есть мистера Эверетта – поразило Тесс настолько, что у нее в голове все смешалось. Она была рада видеть его, высокого, сильного, загорелого. Появившись в зале, он словно вернул ей радость, которую она испытывала в те солнечные дни, когда они находились в тропиках.

Тесс вдруг представила, как он берет ее руку и что-то тихо говорит, а она при этом снова ощущает соленый запах моря, и с нетерпением ждала, когда Лариса и сэр Уолтер удалятся. Она была рада, увидев, что мисс Грант-Гастингс пригласил танцевать элегантный, анемичного вида блондин, который, как подозревала Тесс, как раз и являлся лордом Фолкеном. Ларису повел к центру зала сэр Уолтер, и, таким образом, Тесс наконец осталась наедине с капитаном Фростом.

Повернувшись к нему, она язвительно произнесла:

- Вы, мистер Эверетт, мошенник и лжец. Хотя не могу не отдать вам должное: вы прекрасно выглядите сегодня.

С момента прибытия на бал Гриф всеми силами старался не слишком часто смотреть на Тесс, и теперь он ответил сдержанной улыбкой, пытаясь скрыть волнение. Такого комплимента от Тесс он не ожидал, поэтому заранее приготовился к оправданиям и разумным объяснениям, а также к изложению некоей выдуманной истории, чтобы она восприняла его в новой роли с полным спокойствием. Тот момент, когда Тесс приветствовала его при встрече, был одним из худших в его полной тревог жизни. Увидев изумленное выражение ее лица, он был уверен, что она возмутится и, возможно, бесцеремонно выставит его из дома, но Тесс, судя по ее лукавой улыбке, была вполне готова стать соучастницей обмана.

- Благодарю, – тихо произнес он. – И... вы очень милы.

Тесс густо покраснела, и Грифу это показалось странным; он-то думал, что многочисленные сердцееды, которые крутились вокруг нее весь вечер, приучили ее не реагировать на такой избитый комплимент.

Тесс опустила голову и из-под ресниц посмотрела на него. Изумрудное платье придавало ее глазам особый зеленоватый оттенок. Не зная, что делать дальше, Гриф сдержанно молчал, и они стояли рядом, словно застенчивые дети.

Наконец, испытывая странную неловкость, Гриф спросил:

- Как вам нравится ваш первый бал?

Внезапно Тесс улыбнулась той чудесной улыбкой, от которой его кровь закипала в жилах.

- Поверьте, я бы с большим удовольствием предпочла отмахиваться от moskitov в Барре, чем от назойливых щеголей в этом зале. А вы? Полагаю, вы отказались от своей профессии на какое-то время?

- Какой именно профессии?

- Перевоз... - Она замолчала с видом ребенка, застигнутого в тот момент, когда он сунул руку в банку с вареньем. - Простите. Я уверена, что вы не испытываете желания обсуждать это здесь, мистер Эверетт.

- Даже не понимаю, о чем вы говорите. - Он чуть приподнял бровь. - По-моему, вы видите перед собой безупречного праздного джентльмена, разве нет?

Тесс невольно хмыкнула:

- Вам следует поменьше бывать на солнце, если вы хотите выглядеть как настоящий бездельник. А что с вашим кораблем?

- Полагаю, вы имеете в виду яхту, - поправил он с серьезным видом.

- О да, конечно, - снова усмехнулась Тесс, и он заметил лукавый блеск в ее глазах. - Разумеется, с вашей яхтой.

- Думаю, теперь она будет служить кому-то другому, так как мне не рекомендовано слишком часто бывать на солнце.

Тесс недоверчиво покачала головой:

- Вы действительно намерены отказаться от прежней жизни по собственному выбору?

Гриф проследил за движением ее руки, которой она обвела блестящую толпу.

- Не совсем так, - осторожно сказал он. - Просто для этого возникла насущная необходимость. Речь идет о проблемах семьи.

- Надеюсь, никто не болен?

Не желая усложнять свою легенду так, что в дальнейшем ее трудно будет поддерживать, Гриф покачал головой, он решил не слишком отдаляться от правды.

- Видите ли, я нахожусь под определенным... давлением и поэтому вынужден остаться в Англии на некоторое время.

- О!.. - Тесс быстро подняла ресницы и тут же опустила.

Итак, он предоставил ей возможность самой домысливать сюжет его истории. Что ж, если капитан скрывается от преследований янки, то это вполне правдоподобно.

- Похоже, мы оба находимся в затруднительном положении, - сочувственно сказала она.

- В затруднительном положении? - В голосе Фроста прозвучало сомнение, и он снова улыбнулся. - Разве к вам это относится?

- Кажется, да. Я не представляю, как мне выбирать мужа, поскольку едва ли смогу переговорить со всеми этими джентльменами в отдельности. Желаю, чтобы вам больше повезло с дамами. - Тесс замолчала и с явным огорчением посмотрела на капитана.

Гриф сочувственно покачал головой. Для него существовала только одна женщина, но она была вне его досягаемости, как луна, хотя и стояла совсем рядом. Если Тесс считает, что он остался в Англии лишь для того, чтобы найти здесь невесту, пусть будет так. Может быть, сосредоточив внимание на других женщинах, он сумеет не утонуть в пучине ее зеленых глаз. Может быть.

- Я уверен, вы сможете распознать того, кто в самом деле достоин вашей руки.

Эти слова заставили Тесс засмеяться, чему Гриф откровенно обрадовался.

- Надеюсь, смогу, однако... Однако здесь моя тетя, и, боюсь, она прогонит вас, потому что я обменялась с вами более чем тремя словами.

Гриф бросил взгляд на хмурую матрону, все это время не спускавшую с них глаз, и понял, что опасение Тесс было не напрасным: он задержался возле леди Коллир гораздо дольше, чем того требовали правила приличия. Тем не менее он не мог не оценить ловкость Тейлора, связавшего его с этим заслуживающим особого уважения семейством Грант-Гастингсов. Из писем, которые Гриф получал из Бразилии, следовало, что Гастингсы испытывали финансовые затруднения, и Тейлор взял на себя заботу освободить их от обременительных обязательств по выплате долгов. К тому же существенные поступления на их счет повышали шансы Луизы успешно выйти замуж.

После таких вливаний семья Грант-Гастингсов приняла новоявленного кузена с распростертыми объятиями, и Грифу не составило труда найти с ними общий язык. Они жили на пределе своих средств, и им приходилось прикладывать немало усилий, чтобы оставаться на должном уровне в обществе.

Получив деньги, они с готовностью начали сотрудничать. Особенно усердствовала Луиза. Гриф и раньше встречал женщин, подобных Луизе Грант-Гастингс. Эти особы отирались в борделях, барах, игорных домах и смотрели на мужчин только с точки зрения ценности, которую они могли представлять для них.

Леди Уинтроп сообщили, что мистера Эверетта следует пригласить в Морроу-Хаус, после чего Гриф доверил Луизе вместо него определять степень приемлемости претендентов на брак с леди Коллир; однако необходимость поддерживать близкие отношения с членами семьи Грант-Гастингсов заставляла его страдать и подвергать сомнению возможность выполнения этой миссии. В тысячный раз Гриф спрашивал себя, что, черт возьми, он здесь делает. Мотивы принять предложение Тейлора были очень шаткими. Разумеется, это был неожиданный случай заработать деньги, но он и раньше обходился без них. Полноценная команда, хороший корабль, коттедж с экономкой для Грейди и шанс совершать рейсы в Китай - все это были мечты, без осуществления которых он жил так долго, что едва ли теперь они имели для него существенное значение.

Глубоко в душе Гриф сознавал, что находится здесь по какой-то иной причине, и это вызывало у него наибольшие опасения. Взглянув на леди Коллир, на ее глаза, на волосы, которые были темнее ночи, он почувствовал, как в его душу закрадывается холодное отчаяние.

В этот момент к гостям присоединился еще один джентльмен с благородными манерами; всем своим видом он показывал, что имеет титул и очень богат. Впечатление было такое, будто

деньги проступают сквозь все его поры.

Гриф поклонился и поспешил уйти, всей душой желая поскорее оказаться на свободе и вдохнуть свежий воздух, однако по дороге его перехватила Луиза Грант-Гастингс и тут же увлекла назад явно с каким-то намерением, которое прояснилось, когда она привела его к двум молодым мужчинам, сидевшим в креслах в комнате для игры в карты. Одного из них Гриф узнал сразу – это был Фолкен, ухажер Луизы. По-видимому, ему надлежало составить компанию другому мужчине и увести его, с тем чтобы Луиза и Фолкен могли остаться наедине.

Гриф решил не возражать, сочтя, что пусть лучше Луиза будет в долгу перед ним, чем наоборот, поэтому улыбнулся, когда она начала представление.

Однако уже в следующее мгновение его улыбка растаяла. Его разум едва не помутился, и рука, протянутая для приветствия, опустилась, так что ему потребовалась вся сила воли, чтобы снова поднять ее. Стивен Элиот. Остальное Гриф едва расслышал сквозь шум в ушах. Стивен Элиот из Ашленд-Корта.

Тонкая рука, пожимавшая его руку, была гладкой и белой, что особенно бросалось в глаза рядом с его загорелыми натруженными пальцами.

Гриф был настолько потрясен, что не мог испытывать ни гнева, ни ненависти; его сердце бешено колотилось, грудь словно сжали удушливые тиски.

Стивен Элиот, сын Натаниела Элиота.

Гриф бросил осторожный взгляд на молодого человека. Стивен был не слишком высок; бакенбарды и усы аккуратно подстрижены, голубые пронизательные глаза обрамляли темные брови. Гриф почувствовал, как его кровь начинает закипать при воспоминании о старой неприязни. Конечно, не Стивен погубил его семью, но сейчас именно он пользовался всеми благами, которые по праву должны были принадлежать другому.

Грифа охватило непреодолимое желание вlepить пощечину этому холеному самоуверенному типу, однако он высвободил свою руку с намеренной мягкостью.

- Мой кузен, - заученно пробубнила Луиза. - Только что прибыл из Вест-Индии.

- Вот как? - Элиот бросил оценивающий взгляд на Грифа. - И как вы оцениваете поведение докучливых рабов на плантациях? Они все такие же беспокойные?

- Кузен Грифон был приближенным губернатора Тринидада, - объяснила Луиза.

Взгляд голубых глаз внезапно сделался острее.

- Какое необычное имя. Как оно пишется по буквам?

- Как у мифического животного, - не задумываясь солгал Гриф. - С двумя «ф» и с двумя «и».

- А-а... У меня тоже был кузен с похожим именем, мисс Грант-Гастингс, но оно отличается по написанию.

Луиза невозмутимо улыбнулась:

- Да, необычное имя. А я не могла быть знакома с вашим кузенком?

- Маловероятно. Уверен, что вы знаете о случившемся тогда. Боюсь, этот парень погиб.

Лицо Луизы приняло скорбное выражение.

- Прошу прощения, я совсем забыла. Должно быть, вам неприятно говорить об этом, мистер Элиот. Какая ужасная трагедия.

Элиот откинулся на спинку кресла и улыбнулся:

- Не стоит так переживать, моя девочка. Как известно, для меня эта трагедия обернулась большой удачей. Меня никогда не трогала участь Меридонов. Учитывая, как сложились обстоятельства после их гибели, я не могу сказать, что слишком горевал по ним.

«Я тоже не стану горевать по тебе, ублюдок, когда представится возможность прикончить тебя!» Гриф крепко стиснул зубы.

- Ну хватит, Элиот, - тихо сказал Фолкен. - Ты расстраиваешь Луизу.

Вместо ответа Стивен Элиот громко рассмеялся.

- Ах вот как? Кажется, дела зашли гораздо дальше, чем я предполагал. Простите, я не думал, что вы так чувствительны, мисс Грант-Гастингс. Что ж, пойдете, Эверетт, похоже, мы здесь лишние.

Грифу ничего не оставалось, как только последовать за Элиотом. Стараясь подавить подступившую к горлу неприязнь, он кивнул Луизе и Фолкену, рассчитывая как можно скорее расстаться со своим спутником; однако за порогом карточной комнаты Элиот не проявил намерения отправиться по своим делам.

- Что вы думаете обо всем этом? - спросил он, небрежно кивнув в сторону оставленной пары.

- Ничего! - отрывисто сказал Гриф. - Это не мое дело.

- Кажется, вас беспокоит возможность возникновения родственной связи с Олдерли?

Гриф остановился, надеясь, что Элиот пойдет дальше без него, но тот тоже остановился, оперся на колонну и в ожидании ответа посмотрел на Грифа холодным пристальным взглядом.

- Ваша кузина ни за что не сможет окрутить Фолкена, особенно теперь, когда среди нас появилась прелестная и невероятно богатая леди Коллир.

После этих слов Гриф решительно отказался воспользоваться заготовленным предложением покинуть Элиота и искоса посмотрел на него.

- По-вашему, Фолкен решил приволокнуться за леди Коллир?

- Безусловно. В настоящее время он испытывает финансовые трудности, однако все достаточно богатые девушки на выданье в этом сезоне оказались весьма невзрачными, поэтому пока Фолкен развлекается с мисс Грант-Гастингс. Но теперь, когда появилась весьма привлекательная перспектива... Кстати, вы знакомы с ней?

- С леди Коллир? Да.

- Полагаю, через эту корову Ларису. Видите ли, привлекательность леди Коллир заключается

не только в том, что она богата, но и в том, что эта юная дама вполне созрела для замужества и не имеет прямых родственников. Хищные акулы так и кружат вокруг нее, но я могу предсказать, что на этот раз лакомый кусочек им не достанется.

Гриф постарался придать своему лицу равнодушное выражение.

- Вы думаете?

- Уверен. - Элиот выпрямился и смахнул мнимую пылинку со своего сюртука. - Я сам намерен завладеть ею, приятель.

Отчего-то Грифа не удивило это признание. Сцепив руки за спиной, он мягко произнес:

- Желаю удачи.

Элиот улыбнулся:

- Благодарю. Скажите, вы не слишком устали на этом балу, Эверетт? Не хотите ли прогуляться по городу?

Гриф без труда догадался о маршруте предполагаемой прогулки. Ночной визит в Хеймаркет едва ли был способен повредить репутации неженатого мужчины, но крепкие напитки и, как следствие, раскованность могли весьма поспособствовать укреплению доверия к нему этого человека, которое иначе будет трудно завоевать. Он любезно улыбнулся:

- Я давно искал спутника именно для такой прогулки.

Глава 5

В тишине апрельской ночи бледный свет газовых ламп слабо освещал длинный ряд ожидающих карет, стоявших вдоль подъездной дорожки Морроу-Хауса. Элиот сделал знак выступившему вперед лакею и, спустившись с крыльца, зашагал к воротам; Гриф молча последовал за ним. При этом Элиот тихо насвистывал песенку, мелодию которой Гриф не раз слышал на пристанях.

В воздухе чувствовался запах распускающейся листвы, смешанный с запахом лошадей, сзади до них доносились то усиливающиеся, то затихающие звуки музыки. Если бы Гриф гулял сейчас с кем-то другим, то, очевидно, наслаждался бы прелестью весенней ночи. Теперь же он изо всех сил старался избавиться от жутких воспоминаний, которые назойливо лезли ему в голову.

- Полагаю, вы недавно прибыли в город? - небрежно поинтересовался Элиот.

- Несколько недель назад. - Гриф немного поколебался, затем добавил: - Прежде я никогда не был в Лондоне. - Он рассчитывал, что его наивность и заурядность будут сейчас очень кстати, и решил придерживаться роли простоватого человека, стараясь только не показаться слишком глупым, чтобы не надоест Элиоту.

- В самом деле? Где же вы были, черт возьми? Неужели всю жизнь провели в этом вонючем Тринидаде, несчастный парень?

- Я жил в Индии.

- Ваш отец служил в армии?

- Нет, на дипломатической службе. - Гриф в очередной раз уклонился от истины, надеясь, что Элиот имеет мало знакомых среди британских подданных в Индии.

- Ваша семья все еще там?

- Нет. - Гриф искал ответ, который мог бы потрясти его спутника, и наконец нашел его: - Они находились в Канпуре.

Это действительно произвело нужный эффект. Элиот остановился и повернулся к Грифу.

- Черт возьми, не во время ли мятежа?

Гриф ответил молчанием. Его ложь обрисовывала ситуацию достаточно близко к реальности. Массовая резня мужчин, женщин и детей в Канпуре семь лет назад не очень отличалась от резни на корабле, во время которой погибла его семья. «Пусть Элиот поверит в это, - свирепо подумал Гриф. - Пусть представит, на что похож «несчастный случай», который дал ему то, что он имеет сейчас».

- Простите... - Элиот коснулся руки Грифа. - Разумеется, это ужасно.

Некоторое время они шли молча. Элиот слегка прижимался к плечу Грифа, что заставило последнего подумать, не слишком ли много выпил его кузен. Однако Элиот, казалось, без труда опознал карету с гербом Ашленда в виде скрещенных шпаг - зеленой и серебристой. Он заметил ее быстрее Грифа и решительно направился к ней.

Увидев их приближение, кучер соскочил на землю и открыл дверцу кареты, но Элиот отрицательно покачал головой.

- Достань мой кошелек, Баррон, и поймай для нас кеб, а сам можешь отправляться домой.

Когда кеб был подан, Гриф забрался в него вслед за своим спутником и удобно устроился на обитом кожей сиденье. Элиот сказал кучеру, куда ехать, и опустил штору, затем вытянул руку вдоль спинки сиденья позади Грифа.

- Опустите и свою штору, мой друг. Мы будем путешествовать инкогнито.

Гриф опустил штору, но пространство над дверцей впереди них оставалось открытым, пропуская свет. И тут Элиот бросил на колени Грифа мешочек.

- Вот. Это для вас.

Открыв мешочек, Гриф вытащил нечто шелковое черного цвета. Он поднял вещицу повыше и удивленно посмотрел на Элиота.

- Это маска?

Тот холодно улыбнулся:

- Я же сказал, мы будем проводить время инкогнито, дорогой. Считайте меня Пигмалионом, а вы будете представлять собой статую, которую следует оживить. Пусть в моих руках будет живая глина. Я покажу вам все, что следует увидеть в Лондоне.

Гриф недоуменно посмотрел на кузена, затем пожал плечами:

- Что ж, этот вечер ваш.

- Тогда позвольте мне завязать вашу маску. - Не дожидаясь разрешения, Элиот взял черный шелк и, обмотав им голову Грифа, долго возился, завязывая концы. Когда наконец с этим делом было покончено, Элиот протянул руку к мешочку, который все еще лежал на коленях Грифа.

- Хорошо, что вас здесь никто не знает. Любог увидевший эти густые золотистые локоны более одного раза моментально понял бы, кому они принадлежат, будь вы в маске или нет. Вы не завяжете мою?

Гриф взял вторую маску и закрепил ее на голове Элиота без особых церемоний. В нем нарастало беспокойство от слишком быстрого сближения с кузеном. Что, если Элиот догадывается, кем является Гриф на самом деле?

Когда маска была завязана, Элиот улыбнулся и, покровительственно погладив Грифа по волосам, намотал один из локонов на палец.

- Какая прелесть! - восхищенно произнес он. - Удивительно, как вам удалось добиться такого цвета.

- Я родился таким, - ответил Гриф, с трудом скрывая раздражение.

Элиот засмеялся отрывистым холодным смехом.

- Ну конечно! Уверен, что вы никогда не прибегали к отбеливанию волос. Ни один отбеливатель не может дать такого золотистого цвета.

- Итак, куда мы едем? - спросил Гриф, чтобы сменить тему.

- Навестить настоятельницу монастыря, мой невинный провинциальный друг.

Гриф, которого едва ли можно было назвать невинным, как и любого мальчишку из тех, что выросли на пристанях от Шанхая до Сан-Франциско, надеялся только, что «настоятельница» содержит девиц, не зараженных сифилисом.

Улицы, по которым с грохотом следовал кеб, становились все более узкими, и запах распускающейся листвы в весеннем воздухе сменился вонью сточных вод.

Впереди сквозь открытое пространство кеба Гриф мог видеть женщин, стоящих под фонарями; они призывно окликали проносящийся мимо экипаж. Но Элиот, казалось, не обращал внимания на непристойные приглашения; он откинулся на спинку сиденья, и его белеющие скулы резко контрастировали с черной маской. Казалось, он внимательно наблюдает за своим спутником, и Гриф невольно отвернулся, а затем приподнял штору окошка, что вызвало новые призывы уличных нимф.

Картина опять стала меняться, когда кеб продолжил движение по более приличному кварталу, и наконец экипаж остановился около подъезда простого чистенького дома. Тревоги Грифа относительно вкусов Элиота немного улеглись.

Двое мужчин, молодых, крепкого телосложения, выступили вперед, и один из них молча заглянул внутрь кеба.

- Мы приехали навестить мадам Берчини, - объявил Элиот. - Надеюсь, она дома?

Эти слова, казалось, удовлетворили привратников, они отступили назад, и один из них кивнул:

- Дома. Добро пожаловать, господа.

Гриф вылез из кеба, чувствуя себя немного глуповато в черной маске. Однако он достаточно много выпил на балу, готовясь предстать перед леди Коллир, и это притупило его застенчивость. К тому же оба встречающих никак не отреагировали на его внешность; они просто провели гостей в дом.

Внутри их встретила женщина в пурпурном шелковом одеянии, совсем не похожая на настоятельную; она сразу провела приехавших в хорошо обставленную гостиную и оставила их одних.

Гриф полагал, что сейчас появятся девицы, и ему очень хотелось снять маску, которая по-прежнему мешала. Но Элиот оставался в маске, и Гриф последовал его примеру, потягивая херес из бокала, которого он почти не видел.

- Вы часто бываете здесь? - спросил он, нарушая тягостную тишину.

- Иногда. - Элиот допил херес и налил себе еще.

«Если кузен продолжит пить такими темпами, - подумал Гриф, - то через час можно будет узнать всю историю его жизни».

Элиот любезно пополнил бокал собеседника.

- Пейте, приятель, - подбодрил он. - Вы слишком трезвы для ночного приключения.

Гриф сделал глоток и почувствовал, как спиртное согрело внутренности; он повернул голову и посмотрел на дверь.

- Мы ждем кого-то?

- Естественно, - откликнулся Элиот. - Но думаю, сначала нам надо немного расслабиться и поближе познакомиться друг с другом. Вы бывали в подобных домах прежде?

Гриф подумал, что не стоит заходить слишком далеко, изображая из себя наивного провинциала.

- Иногда, - коротко ответил он.

Элиот усмехнулся:

- Какой вы колючий парень. - Он встал и пересел на кушетку, поближе к Грифу. - Я надеялся, что мы станем друзьями, но, похоже, у вас нет такого желания.

Гриф повернулся и удивленно посмотрел на кузена. Ему казалось, что он вел себя достаточно дружелюбно.

- Я полагаю, мы уже друзья, - сказал он, старательно подбирая слова. - Может быть, вы ошибочно принимаете мои грубоватые провинциальные манеры за колючесть...

Элиот рассмеялся, потом потянулся за графином и наполнил оба бокала вином. При этом он не пытался избегать соприкосновений с Грифом и, напротив, задержал руку на его бедре. Хотя Гриф не привык к такому постоянному, но как бы случайному контакту, он решил, что должен научиться подобным изысканным манерам, если хочет вращаться в кругу джентльменов.

До сих пор он почти ничего не узнал об Элиоте, за исключением того, что тот питает слабость к хересу. Графин практически опустел, однако заметных изменений в поведении Элиота не произошло. Гриф старался пить медленнее, но Элиот, рассмеявшись, сделал ему замечание по этому поводу, так что капитану пришлось вернуться к прежнему темпу и надеяться только на крепость собственного организма.

- А где же девицы? - спросил он через некоторое время и, услышав хрипоту в своем голосе, покачал головой и откашлялся.

Элиот продолжал улыбаться.

- Терпение, мой друг. Пейте и ни о чем не спрашивайте.

С трудом вспомнив о цели своего общения с кузеном, Гриф попытался придумать вопрос, который мог бы обнаружить слабости Элиота, но от обилия поглощенного хереса голова работала плохо и мысли путались. Наморщив лоб, он попытался выразить словами единственный вопрос, пришедший ему в голову:

- Вы уже пьяны?

Элиот засмеялся каким-то легкомысленным смехом и сжал плечо Грифа.

- Уверен, что пьян, да и вы тоже, мой провинциальный друг. Давайте выпьем еще. Не дайте себе засохнуть.

Гриф с тревогой наблюдал, как Элиот наполняет бокал. Он не заметил, кто и когда заменил пустой графин на полный, но и этот уже наполовину опустел. Когда они осушили его во второй, а может быть, и в третий раз, Гриф краем глаза уловил смутное движение и, повернувшись, увидел, как встречающая их женщина наполняет графин. За тем она бесшумно исчезла.

По мере убывания хереса в графине Гриф становился все молчаливее и отвечал на вопросы Элиота с особой осторожностью. Он понял, что забывает, о чем следует или не следует говорить, и потому решил молчать. Глядя на свои колени, Гриф вспоминал гладкие матовые плечи леди Коллир, выступающие над изумрудным платьем, и его все больше охватывал странный жар. В его мечтах она подошла к нему, склонилась и что-то прошептала...

В следующее мгновение перед ним внезапно возникла предполагаемая хозяйка заведения: она стояла подбоченившись и широко улыбалась. Образ леди Коллир растаял как дым. Гриф некоторое время смотрел на женщину, потом, вспомнив об Элиоте, повернулся, но тот куда-то исчез.

По-прежнему улыбаясь, дама произнесла:

- Идемте, он хочет видеть вас.

- Кто? - Гриф удивленно поднял глаза, но женщина не ответила и, взяв его за руку, помогла подняться. С трудом удерживая равновесие, Гриф огляделся, ища Элиота, затем потер глаза сквозь маску, которая все больше мешала ему, и в конце концов раздраженно сорвал ее.

- О, - женщина слегка поморщилась, - я вижу, вы милый мальчик, но держу пари, ваш друг хочет видеть вас в маске. - Взяв маску, она быстро водрузила ее на место. Гриф не протестовал, сосредоточившись на том, чтобы устоять на ногах. Потом он смутно осознал, что они двигаются по тускло освещенному коридору со множеством дверей; одна из дверей была открыта, позволяя заглянуть в помещение, где царил такой же полумрак.

Женщина легонько подтолкнула Грифа, и он, войдя внутрь, стал усиленно крутить головой, пытаясь осмотреть комнату. Сначала его взгляд остановился на девушке, одетой в китель волонтера; в руке она держала розгу, а когда сделала движение, китель упал, обнажив белоснежные груди и живот. В комнате находились еще одна женщина, полностью обнаженная, если не считать ботинок и чулок, а также светловолосый мальчик лет пяти-шести, в белой фланелевой рубашке.

Гриф закрыл глаза, потом снова открыл их и сделал шаг назад, но его провожатая быстро преградила ему дорогу к отступлению. В ее руке появилась розга, которой она указала на что-то, на что он, видимо, должен был обратить особое внимание.

- Это ваш непослушный мальчик, - сообщила она, подталкивая его и вкладывая что-то ему в руку.

Пальцы Грифа машинально сжались вокруг розги, затем он бросил ее и его глаза сосредоточились на молчаливом силуэте стоящего в тени у изножья большой кровати человека. Человек держал более толстый прут, лицо его было полностью спрятано под страшной белой маской, и только глаза блестели в жутких черных прорезях.

С ужасающей ясностью, преодолевающей туман в голове, Гриф понял, кто выступал в роли этого привидения. Он издал бессвязный протестующий звук - единственное, на что был способен его онемевший язык.

- А вот и еще один хороший джентльмен, - прошептало «привидение». - Что ж, входите...

Женщина снова подтолкнула Грифа, но он уперся ногами в пол.

- Нет.

- Входите, - снова послышался шепот. - Здесь есть еще один непослушный мальчик. - Рука в перчатке указала на ребенка, и Грифа подтолкнули вперед.

У мальчика вырвался звук, выражающий то ли возбуждение, то ли страдание. Гриф бросил опасливый взгляд на прут, которым помахивала голая девица; она явно грозила ему, и он быстро забрался на постель.

Женщина, сопровождавшая Грифа, выступила вперед и длинным шнуром начала привязывать руки мальчика к стойке кровати.

Внезапно Гриф почувствовал подступающую к горлу тошноту. Он закрыл глаза, не в силах смотреть на эту сцену, затем кое-как сполз с постели и, шатаясь, направился к двери. Оказавшись в коридоре, он сорвал маску и двинулся в холл, путаясь в лабиринте лестниц и дверей, которые не решался открыть, опасаясь увидеть там сцену, похожую на ту, участником которой чуть только что не оказался.

Когда он наконец добрался до гостиной, где Элиот оставил его, ему пришлось столкнуться лицом к лицу с двумя крепкими мужчинами - теми самыми, которые встретили их у дверей и

проводили в дом.

Они с угрожающим видом заступили ему дорогу. Гриф посмотрел на них, взвесил соотношение сил и, со стоном опустившись на кушетку, обхватил лицо руками, едва сдерживая тошноту.

Прошло довольно много времени, прежде чем неприятные позывы в животе постепенно стихли; осталось только ощущение сухости во рту. Голова Грифа постепенно начала проясняться. Когда у двери послышались шаги и Элиот окликнул его, он уже был способен встать и не колеблясь посмотрел в холодные глаза кузена.

- Не будьте ослом, Эверетт.

Теперь Гриф смотрел мимо него. Охранники ушли. Элиот стоял один у двери, тщательно поправляя свою манжету.

- Кажется, вы ужасно шокированы, мой провинциальный друг?

Гриф не ответил и лишь крепче стиснул челюсти. Элиот вздохнул:

- Простите меня за мою ошибку, дорогой. Я надеялся, что вам понравятся более... изысканные удовольствия. - Он вскинул голову и посмотрел на Грифа каким-то странным, хищным взглядом, а затем сузил глаза. - Видимо, мои пристрастия ввели меня в заблуждение. Я питаю слабость к золотистым волосам. - Он скривил губы. - Мой незабвенный кузен Александр имел волосы такого же цвета, как ваши. В детстве я обожал его - бог знает почему, - но он оказался глупцом и оставил меня. - Элиот усмехнулся. —

Надо же было погибнуть так бездарно.

Руки Грифа сжались в кулаки.

- Полагаю, мне нет необходимости напоминать, что вы не должны распространяться относительно сегодняшнего небольшого приключения? - Элиот освободил проход и указал на дверь. - Вам лучше отправиться домой и хорошенько проспать.

Гриф ответил на скрытую насмешку холодным молчанием и, пройдя мимо кузена, решительно направился к выходу.

Снаружи тронного зала Букингемского дворца выстроилась длинная очередь из утомленных молодых леди, придерживающих одной рукой шлейфы своих изысканных нарядов и о чем-то возбужденно переговаривающихся. Тесс тоже была рада поболтать; два месяца спустя после своего первого бала она по-прежнему чувствовала себя неловко в лондонском обществе, но новые подруги уверяли ее, что здесь каждая девушка испытывает смущение. Возможно, юные леди не были бы так взволнованы, если бы по рядам не прокатился слух, что на презентации будет присутствовать сама королева Виктория. В течение двух лет после смерти супруга Альберта королева оставалась в уединении и не посещала официальные приемы при дворе, которые устраивались ежегодно для девушек из высшего общества и где их представляли принцу Эдварду, который стоял сейчас рядом со своей красивой невестой Александрой.

Никто не мог объяснить, почему королева решила появиться здесь именно сегодня, и это вызывало еще большее любопытство присутствующих. Сердце Тесс забило сильнее, когда она, продвигаясь вместе с очередью, вошла в тронный зал - огромное помещение, делавшее пигмеем каждого присутствующего в нем. Даже в разгар июня стены замка создавали

прохладу.

Взгляд Тесс устремился вверх, на высокий сводчатый потолок, увешанный стягами, и только по прошествии нескольких мгновений она сосредоточилась на тех, к кому тянулась очередь.

Принца Эдварда нетрудно было узнать по плотной фигуре и редким волосам; его красное одеяние украшала золотистая лента поперек груди. Принцесса, стоя рядом с ним; казалась парящей птицей над огромной бледно-кремовой юбкой с кринолином, украшенной сверкающими драгоценными камнями и изящными кружевами. Она улыбалась каждой дебютантке застенчивой дружелюбной улыбкой, чем сразу покорила сердце Тесс.

Зато королева Виктория выделялась строгостью своего наряда. Подойдя поближе, Тесс отомстила, что на черном шелковом платье ее величества не было никаких украшений, а голову обрамляла траурная вдовья повязка. Королева была невысокой пухлой женщиной с круглым лицом и выступающей нижней губой; ее вряд ли можно было назвать привлекательной, особенно в сравнении с рядом стоящей прелестной невестой.

Тесс улыбнулась, вспомнив, что назвала маленького черного детеныша пантеры Викторией. Теперь ей казалось, что эта кличка едва ли была подходящей, хотя, судя по пухлым губам ее величества, настоящая королева обладала упрямым характером, что было свойственно и пантере. Внезапно Тесс подумала, что не хотела бы вступить в противоборство ни с королевой, ни с пантерой.

Очередь медленно продвигалась вперед; каждая леди делала реверанс перед Викторией и ее детьми, а потом отступала назад, стараясь не споткнуться о собственный шлейф и не повернуться ненароком спиной к королеве. Эта процедура пугала Тесс; она была уверена, что не сможет двигаться подобающим образом, хотя тетя Кэтрин провела немало часов, тренируя племянницу.

Решающий момент неумолимо приближался. Тесс выступила вперед и, когда ее представили, сделала такой глубокий реверанс, что у нее задрожали колени. Затем она поцеловала руку королевы, надеясь, что легкий подскок, который потребовался ей, чтобы выпрямиться после реверанса, остался незамеченным. Подняв ресницы, Тесс улыбнулась королеве и с удивлением обнаружила, что Виктория тоже улыбается ей в ответ.

Явное проявление симпатии на лице королевы оказалось неожиданным для Тесс. Ее предупреждали, что нельзя вступать в разговор с ее величеством, достаточно ограничиться лишь поклоном, но королева, слегка задержав руку Тесс, не дала ей уйти.

- Так вот вы какая, дочь Роберта!.. - От улыбки тусклое выражение лица Виктории стало по-матерински ласковым. - Я надеялась увидеть вас сегодня и рада познакомиться с вами, детка. Наш дорогой Альберт был высокого мнения о вашем отце, Господи упокой их души.

Тесс едва слышала слабое гудение толпы, выразившей удивление и любопытство. Добрые слова королевы и печальная улыбка вызвали трепет в ее душе, и глаза затуманились от наворачившихся слез. За все время пребывания в Англии никто не говорил о ее отце с такой искренней любовью.

- Ваше величество! - Голос Тесс звучал тихо, но твердо. - Благодарю вас. Я очень сожалею по поводу вашей потери, так же как и о моем отце.

Пухлая губа королевы дрогнула, от выражения легкой брезгливости не осталось и следа.

- Ты понимаешь меня, не так ли? Порой мне кажется, что никто не способен меня понять...

Печальный взгляд королевы вызвал у Тесс желание протянуть к ней руки и утешить эту милую женщину, которая хотя и была королевой, но все-таки оставалась человеческим существом, женой, любившей и потерявшей мужа. Только теперь Тесс поняла, как тяжело было Виктории вернуться к публичной жизни без своего любимого Альберта.

- Ваше величество, - сказала она искренне, - все здесь разделяют ваши чувства. А если кто-то не понимает вас, я постараюсь сделать так, что вас поймут.

Виктория снова улыбнулась:

- Вы еще очень молоды, леди Коллир. Людей не так просто убедить в чем бы то ни было, но мы благодарим вас за сочувствие. Вы можете свободно приходите к нам в случае необходимости. - Выпустив руку Тесс, королева дала понять, что разрешает ей удалиться. Тесс с помощью реверансов выразила свое почтение поочередно принцу Эдварду и принцессе Александре, после чего начала отступать назад. Она все же споткнулась, но королева ободряюще кивнула ей, и это смягчило чувство стыда, от которого щеки Тесс покрылись румянцем.

Достигнув наконец выхода, Тесс повернулась и со вздохом облегчения присоединилась к тете Кэтрин и Ларисе, которые тут же учинили ей форменный допрос, пытаясь выяснить, не сказала ли их подопечная что-нибудь, способное опорочить их почтенное семейство.

Глава 6

- У меня есть другое предложение, - сказала Тесс с напускной серьезностью и выжидательно посмотрела на своего спутника, в то время как их лошади неторопливым шагом двигались в тени деревьев Гайд-парка. Тесс привыкла совершать здесь утренние прогулки верхом в компании капитана Фроста каждый вторник и четверг. Если бы он не появлялся там, чтобы разговаривать с ней и устраивать скачки, пока у нее хватало сил, она неминуемо отказалась бы от попыток неукоснительно соблюдать традиции высшего общества.

Их первая встреча в парке произошла случайно, но вскоре утренние прогулки стали совершаться по договоренности. Это было единственное время, когда Тесс могла чувствовать себя раскованно; они всегда гуляли одни, если не считать конюха, который следовал позади на почтительном расстоянии..

Капитан Фрост повернулся к ней, и луч раннего солнца блеснул в его светлых волосах.

- Кто многообещающий претендент на этот раз?

- Мистер Джеремайя Боттомшоу.

Гриф насмешливо улыбнулся:

- Ах да! Один из фаворитов.

- Я знала, что вы скажете так.

- Конечно. Правда, ему не мешало бы позаботиться о большей выдержке.

- Лучше бы он позаботился о том, как следует ухаживать за дамой, - мрачно заметила Тесс. - Он без конца читает мне стихи.

Фрост засмеялся, и его смех отразился эхом в пустом парке.

- Вам смешно, - возмущенно сказала Тесс, - а мне печально. Это были ужасные стихи, и я верю, что он написал их сам. Что-то о «музыке на море».

При этом лицо капитана странным образом изменилось. Его губы сомкнулись в тонкую полоску и задрожали.

- Может быть, они начинались со слов: «Кто сравнится в высшем споре?..» - спросил он, стараясь восстановить дыхание.

Тесс почувствовала, что начинает краснеть.

- О Боже, не хотите ли вы сказать, что они написаны не мистером Боттомшоу?

Фрост остановил жеребца и посмотрел на Тесс. Он едва сдерживал смех, однако его голос зазвучал серьезно и торжественно, когда он начал декламировать:

Кто сравнится в высшем споре
Красотой с тобой?
Точно музыка на море —
Нежный голос твой.
Точно музыка в тумане
На далеком океане,
Там, где ветры в сладких снах
Чуть трепещут на волнах.
В полночь месяц чуть колышет
Воды в глубине;
Лоно моря еле дышит,
Как дитя во сне.
Так душа, полна мечтою,
Чутко дышит красотой;
Нежно в ней растет прибой,
Зачарованный тобой. [1].

Тесс слушала, очарованная мелодией слов. Капитан продолжал читать, и после первых же строк в ее воображении ожили картины ночного океана в лунном свете. Эта сцена тронула Тесс до глубины души своей прелестью, и, когда он закончил, она продолжала молчать.

Гриф понял, что поэма произвела на Тесс желаемое впечатление, и не спеша продолжил движение.

Наконец Тесс запинаясь сказала:

- Это звучит гораздо лучше из ваших уст.

- Может быть, потому что теперь вы узнали правду. Это сочинение лорда Байрона, а не мистера Боттомшоу.

- Может быть. - Тесс была не слишком уверена, что на ее восприятие стихов повлияло настоящее имя автора.

- И что вы сказали ему?

- Кому?

- Мистеру Боттомшоу.

- А-а... - Тесс вздохнула. - Сказала, что должна подумать. - Она бросила быстрый взгляд на капитана. Его лицо оставалось непроницаемым; казалось, он просто не слышит ее. - Похоже, вы не одобряете такой ответ...

Фрост пожал плечами:

- Понимаю, что это не совсем честно, но... Надеюсь, он хороший человек.

- О да, - задумчиво произнесла Тесс. - Очень хороший. Только...

Она замолчала, поймав себя на том, что едва не проговорилась. Вряд ли следует признаваться, что капитан Фрост стал для нее образцом, с которым она сравнивала своих поклонников. По ее мнению, ни один из них не был таким красивым, занимательным и общительным; с ним ей всегда легко было разговаривать. И ни один из них не пробуждал в ней такого странного пылкого чувства, от которого у Тесс слабели колени, когда он улыбался ей.

Тесс смущенно опустила голову, не желая, чтобы Фрост заметил робкую надежду в ее глазах. Он был ее другом; чего ей еще желать?

Она начала рассказывать ему о бесчисленных брачных предложениях с наивной мыслью, что, возможно, когда-нибудь станет желанной и для него, но капитан вел себя как брат, как друг, и не более того.

Разумеется, Тесс твердила себе, что должна быть довольна и этим. Он вовсе не обязан был проводить время с ней. Обладая элегантной внешностью и соблюдая этикет, Фрост мог бы иметь успех у лондонских женщин. Даже мисс Грант-Гастингс, казалось, никак не решалась сделать окончательный выбор между привлекательным капитаном и лордом Фолкеном, так что в обществе даже начали строить предположения: действительно ли мисс Грант-Гастингс увлеклась кузеном или только старалась вызвать ревность у Фолкена? Тесс склонялась к последнему. Она просто не могла представить, что мисс Грант-Гастингс позволит себе влюбиться в кого-то ниже баронета.

Однако это еще не означало, что капитан не мог влюбиться в мисс Грант-Гастингс. Подобная мысль была для Тесс настолько неприятной, что она постаралась немедленно выбросить ее из головы и заменить чем-то более привлекательным.

- Вы так и не спросили меня о моей презентации при дворе.

- Тогда, если вы решили оставить разговор о мистере Боттомшоу, позвольте спросить. И как все прошло?

Тесс в раздражении закатила глаза.

- Мистер Боттомшоу нанял вас в адвокаты, капитан Фрост, или вы просто хотите заставить меня испытывать чувство вины в отношении этого бедного человека?

- Мое имя Эверетт, - напомнил Гриф. - И он вовсе не бедный.

- Тетя Кэтрин сообщила мне полную информацию о состоянии Боттомшоу, будьте уверены. -

Тесс нервно одернула край куртки для верховой езды. – Простите, но мне трудно привыкнуть к тому, что вы уже не капитан Фрост.

– В самом деле? – удивленно произнес он. – В таком случае зовите меня просто Гриф.

Тесс быстро взглянула на него.

– Гриф, то есть Грифон, не так ли? Мне нравится это имя. Я заметила его как-то раз в одном из ваших писем моему отцу. Вы можете называть меня Тесс: это даст тете Кэтрин еще больше пищи для ее фантазий.

Ее озорная улыбка лишила Грифа возможности продолжать играть роль наставника. Он старался по возможности соблюдать объективность, но советовать Тесс такого простофилю, как Боттомшоу, было выше его сил. Мысль о толстяке, с важным видом читающем Байрона, в то время как Тесс в раздражении не находит себе места, вызвала у Грифа молчаливую усмешку.

Тем не менее мистер Боттомшоу был богатым, степенным и серьезным мужчиной, хотя ужасно скучным и безвольным, и Грифу не доставляло особого утешения то, что он чувствовал свое превосходство над ним, пусть даже Боттомшоу не имел никаких шансов покорить женщину чтением романтических стихов.

Глубоко вдохнув холодный утренний воздух, Гриф предложил Тесс прокатиться галопом по широкой зеленой лужайке. После первой утренней верховой прогулки в парке он чувствовал себя ужасно: мышцы ног болели несколько дней, и на теле остались синяки, после того как норовистая черная бестия дважды сбросила его.

Тесс охотно согласилась, но даже от этого небольшого развлечения едва не пришлось отказаться, когда жеребец конюха споткнулся и начал хромать.

– Какая досада, – пробормотала Тесс и подъехала к спешившемуся конюху. – Серьезное растяжение?

– Нет, мэм. Мне следовало предупредить вас заранее, что старый Ральф не может бегать быстро. Надеюсь, ничего страшного. Держу пари, завтра все будет в порядке.

Тесс посмотрела на Грифа с явным разочарованием, и он, почувствовав немую просьбу в ее взгляде, неожиданно обратился к конюху:

– Леди Коллир не хотела бы возвращаться так рано. Не мог бы я проводить ее домой после прогулки?

Конюх растерянно взглянул на него:

– Извините, сэра, но я не могу возвратиться домой без ее светлости: хозяйка сдерет с меня шкуру за это.

– Зато вы можете подождать меня у ворот парка, – небрежно сказала Тесс, – а я обещаю вам вернуться через полчаса.

вернуться

Слуга еще некоторое время колебался, но Тесс, считая, что договоренность достигнута, развернула гнедого мерина и легким аллюром двинулась вперед по лужайке.

Гриф и конюх обменялись беспомощными взглядами.

- Ладно, подождите у ворот парка, - сказал Гриф и подкинул вверх извлеченный из кармана соверен, который конюх поймал ловким движением.

- Да уж, буду ждать, сколько захотите, сэр, - сказал он, с улыбкой глядя вслед Грифу, удалявшемуся на своем жеребце.

Гнедой был уже на середине лужайки, однако вороной Грифа проявил удивительную прыть; вытянув шею и прижав уши, он длинными прыжками бросился в погоню.

Гриф догнал Тесс у опушки леса, но продолжал держаться немного позади, втайне испытывая удовольствие оттого, что может без помех наблюдать, как ее стройная фигура легко движется в такт с движениями лошади.

Утренние верховые прогулки первоначально не входили в его план, однако вскоре они стали единственным источником удовольствия в его повседневной жизни. За годы, проведенные на море, у него вошло в привычку мало спать по ночам, и теперь он мог проводить время на балах до двух часов ночи, продолжать пить до пяти и все же просыпаться в девять на следующее утро, в то время как другие валялись до полудня. К счастью для его чувства собственного достоинства и облика джентльмена, в тот первый день он не повстречал Тесс, а уже на следующий день научился управлять непослушным животным и уверенно сидеть в седле.

Когда из тумана неожиданно появились леди Коллир и конюх, Гриф испытал нелепую радость, что должно было бы насторожить его. Но отчего-то он воспринял появление Тесс как удачу и был рад ее предложению регулярно встречаться в дальнейшем. При этом Гриф говорил себе, что Тейлор, собственно, и хотел, чтобы Тесс была под его постоянным наблюдением.

Теперь ему приходилось расплачиваться за свою слабость. Он вынужден был выслушивать бесконечные рассказы Тесс о поклонниках и о том, что она думает о них. Впрочем, Гриф готов был вытерпеть все ради удовольствия видеть ее улыбку. Им овладевало какое-то безрассудное счастье каждый раз, когда он видел, как она, покрасневшая, с блеском в глазах, осаживала лошадь после стремительного галопа по зеленой лужайке и ее блестящие волосы развевались на ветру.

В отсутствие Грейди в Лондоне не было никого, кроме Тесс, чья компания доставляла бы ему удовольствие. Он получил всего лишь одно письмо от своего друга, точнее, записку - короткую, полную ностальгии и грамматических ошибок, отчего перед мысленным взором Грифа возникла фигура первого помощника, такая ясная и знакомая, словно тот сам стоял перед ним.

Письмо было послано из Мадейры. Должно быть, корабль давно вышел оттуда и теперь находился на полпути из Рио-Плата, перевозя груз, предоставленный Тейлором. Читая письмо, Гриф ощутил тоску. Он скучал по своему кораблю, по Грейди и ненавидел Лондон с его копотью, толпами людей и мерзкими запахами, особенно усиливающимися в конце дня. Вот почему Гриф предпочитал конные прогулки по утрам, после того как ночная роса нейтрализовала зловоние. При этом он презирал себя за малодушие, чувствуя, что с каждым днем все безнадежнее влюбляется в Тесс Коллир.

Впереди него Тесс достигла конца лужайки и пустила лошадь шагом, а затем повернулась посмотреть, следует ли за ней капитан. Вернее, Гриф, напомнила она себе с радостным чувством. Его жеребец поравнялся с ней, и она позволила себе задержать взгляд на руках Грифа. Они были без перчаток и свободно держали поводья. Тесс ощутила знакомый прилив тепла к щекам.

- Вы не можете мне спешиться? - спросила она, желая почувствовать его прикосновение.

Гриф легко спрыгнул с коня, и Тесс скользнула в его объятия, надеясь, что он прижмет ее к себе. Ее сердце замерло в предвкушении... но он легко поставил ее на ноги и разжал руки.

Устыдившись своих мыслей, Тесс быстро повернулась и повела лошадь в тень деревьев.

- Завтра я иду в клуб лучников у Тонбриджа. - Она сделала коварную паузу, затем добавила: - Мистер Элиот обещал составить мне компанию.

Она с удовлетворением отметила, что Гриф мгновенно стиснул челюсти.

- Думаю, вас ждет успех, - небрежно сказал он, изображая безразличие.

Это действительно соответствовало истине - Тесс уже успела прославиться своим мастерством в стрельбе из лука; она овладела этим умением, добывая образцы животных для отца. Ее успехи нанесли серьезный удар по самолюбию близорукой Ларисы; когда она узнала, что кузина способна поразить цель на расстоянии пятидесяти ярдов, то чуть не упала в обморок, зато сэр Уолтер тут же вслух выразил свое восхищение.

- Мистер Элиот очень внимателен ко мне, - заметила Тесс, стараясь побольнее задеть Грифа, однако он лишь молча взглянул на нее.

Ведя лошадь в поводу, они пошли по испещренной тенями дорожке.

- Думаю, он скоро сделает мне предложение.

Тесс показалось, что Гриф хочет ей что-то сказать, и она быстро повернулась, но его лицо оставалось непроницаемым.

- Интересно, почему вы так настроены против этого молодого человека? - невинно спросила Тесс.

- Мне не хотелось бы видеть вас страдающей.

Остановившись, Тесс озадаченно посмотрела на своего спутника. Гриф тоже остановился, и их лошади тотчас же принялись щипать траву.

- Каким образом он может заставить меня страдать? Мистер Элиот не авантюрист - вы сами как-то говорили об этом. К тому же он очень любезен по отношению ко мне и определенно не нуждается в деньгах.

Гриф довольно долго колебался, потом медленно произнес:

- У мужчин могут быть и другие недостатки.

Тесс пристально посмотрела ему в глаза: они были светло-серыми с темноватыми ободками. Внезапно ей захотелось протянуть руку и коснуться его щеки, чтобы смягчить напряженность

скул, но в этот момент Гриф отвернулся.

- И каковы же эти ужасные недостатки?

Он, нахмурившись, взглянул на нее, и Тесс испугалась его сурового вида. Руки Грифа взметнулись вверх в порывистом движении, как будто он хотел встряхнуть ее.

- Я не допущу, чтобы он причинил вам вред, - резко сказал он.

- Неужели это вас так беспокоит? - прошептала Тесс.

Он замер, затем неловко опустил руки.

- Да. - В его голосе чувствовалось волнение, и это вызвало у нее трепет. - Беспокоит.

Эти слова придали ей храбрости, и Тесс вопросительно посмотрела на него:

- Почему?

Гриф молчал. Казалось, он искал и не мог найти ответ.

Тесс нервно облизнула губы, взволнованная и немного испуганная возникшей между ними странной близостью. Она заметила, что его взгляд задержался на ее губах, и внезапно поняла, что Гриф хочет поцеловать ее. Он находился так близко, что она могла видеть пульсирующую жилку на его горле. Ее сердце мучительно затрепетало.

Неожиданно птичка на дереве позади нее громко защебетала, наполнив воздух мелодичными звуками, а Тесс все колебалась; возможно, она лишь приняла желаемое за действительное. Ей вдруг показалось, что это другая девушка где-то в другом мире с робкой улыбкой приподнимает подбородок и подставляет губы для поцелуя...

- О Боже, - только и смог произнести Гриф.

Тишина вокруг них стала почти осязаемой, как пятнистые тени, как случайное позвякивание уздечек и шуршание камешков под копытами лошадей.

Так медленно, что у нее от предвкушения ослабели колени, Гриф поднял руку и коснулся ее щеки. Он все еще держал повод пасущейся лошади, и Тесс почувствовала тепло мягкого ремня, когда его пальцы скользнули вниз и обхватили ее подбородок.

Он склонил голову, затем отбросил повод и порывистым движением обхватил ладонями ее лицо. Это было совсем не то, чего она ожидала: в его движениях не было ни нежности, ни робости.

Гриф прильнул к ее губам неистовым, жарким поцелуем и, обхватив ладонью шею Тесс, заставил ее раскрыть губы. Тесс испытала сладостную боль, о которой раньше не имела ни малейшего представления. От ощущения близости мужского тела ее охватило радостное чувство. Губы Грифа имели солоноватый привкус, и от него веяло запахом лошади и мыльной пены для бритья; его горячие ладони жгли ее покрасневшее горло.

Тесс прижалась к нему с легким стоном, и тогда его язык коснулся ее языка. Обхватив Тесс за талию, Гриф притянул ее к себе, продолжая жадно терзать повлажневшие губы. Ему не хватало воздуха, но он не обращал на это внимания. Даже если бы ему грозила смерть, сейчас он все равно не смог бы оторваться от этой женщины. Его руки заскользили по спине Тесс,

затем по талии и бедрам. Потом пальцы сами добрались до плотного края ее жакета и, нащупав бархатистые застёжки, начали расстегивать их, пока между его ладонями и ее кожей не осталось ничего, кроме тонкого белого шелка. От этого прикосновения глаза Тесс удивленно расширились. Она не могла видеть; лица Грифа, так как он жадно целовал ее в нежное местечко пониже уха, зато чувствовала его горячее прерывистое дыхание; а когда его пальцы продвинулись выше, из ее горла вырвался низкий стон.

Гриф обхватил груди Тесс и начал слегка тереть большими пальцами напряженные соски, отчего ее тело содрогнулось и выгнулось навстречу ему. Испытывая замешательство и восторг, она уткнулась лицом в его плечо, стараясь сдержать стоны наслаждения, готовые сорваться с ее губ.

Гриф хрипло прошептал имя Тесс и, подняв руку, погрузил пальцы в копну густых волос, затем запрокинул ее голову назад, отчего шляпа с перьями упала на землю, и снова впился в пылающие губы. В этот момент Тесс показалась себе слабой, маленькой, беспомощной куклой в горячих сильных объятиях человека, чьи поцелуи обжигали огнем ее щеки.

В глубине сознания Тесс понимала, что ей следует остановить его. Боже милостивый, в общественном парке он расстегивает ее блузку и проникает рукой в ложбинку между грудями, а ее тело энергично реагирует на это, изгибаясь так, чтобы предоставить ему возможность свободно ласкать их.

Увы, прикосновение его пальцев к нежным выпуклостям груди лишило Тесс способности здраво мыслить. Она и не подозревала, какое пламя охватывает все тело, когда губы мужчины прижимаются к ее губам и его язык проникает внутрь. Ее голова откинулась назад, открывая горло для поцелуев, а ноги так ослабели, что она едва могла стоять без поддержки. И все же Тесс не желала останавливать эту вакханалию. Ей хотелось, чтобы все это продолжалось бесконечно долго...

Однако вскоре она почувствовала по его напряженной спине, что Гриф пытается отдалиться от нее.

- Проклятие! - простонал он, касаясь губами ее кожи. - О, черт побери... я не должен...

Когда его объятия ослабели, Тесс с легким стоном попыталась возобновить поцелуи, не желая, чтобы все кончилось так быстро, но Гриф повернул голову. Тяжело дыша, он медленно, неохотно отпустил ее.

Тесс вопросительно глянула в его глаза и увидела, что черты лица Грифа сделались жесткими и выражали недовольство, отчего она мгновенно вернулась к реальности. Глубоко вздохнув, она внезапно осознала, что окончательно скомпрометировала себя, и теперь стояла, взволнованно сжимая и разжимая руки. Ей хотелось отбросить все сомнения и снова устремиться в его объятия, но момент был упущен и вместе с ним ушло очарование внезапности.

Дернув поводья, Гриф заставил коня повернуться и тупо уставился на него.

Тесс закусил губу. То, что было таким приятным и возбуждающим, внезапно превратилось в нечто безнравственное и порочное. Но Боже, как все-таки ей было хорошо! Разве такое удивительное ощущение можно назвать греховным? Она начала быстро застегивать блузку дрожащими пальцами. Ослабевшие колени едва держали ее, когда она наклонилась, чтобы поднять шляпу.

Когда Тесс выпрямилась и Гриф подвел к ней гнедого мерина, выражение его лица уже вновь было непроницаемым. Он не смотрел на нее, лишь молча подставил сложенные руки и помог ей сесть в седло. Когда Тесс повернулась, чтобы поблагодарить его, Гриф уже взобрался на своего жеребца, и они вместе двинулись по тропинке среди редких деревьев, направляясь к воротам парка.

- Полагаю, мы увидимся в четверг? - спокойно спросила она, как делала обычно в конце прогулки.

- Боюсь, что нет.

Тесс удивленно взглянула на своего спутника.

- Вы скорее всего устанете после визита в Тонбридж.

- Вовсе нет, - ответила она тихо. - Я не собираюсь идти туда.

Это означало, что Тесс предлагала перемирие, и она нерешительно посмотрела на него; однако надежда теплилась лишь одно мгновение.

- Сожалею, - голос Грифа звучал холодно, почти равнодушно, - но у меня назначена другая встреча.

Даже если бы он ударил ее, Тесс не была бы так уязвлена.

- Конечно, - прошептала она. - Но может быть, в какой-нибудь другой день...

- Да, в какой-нибудь. - Он нагнул голову, давая понять, что намерен откланяться.

- До свидания, - подавленно ответила Тесс, глядя, как он поворачивает коня, чтобы вернуться в парк.

Гриф пустил коня рысью, и не менял аллюра до тех пор, пока не стал едва виден; затем его жеребец перешел на галоп и скрылся из виду.

В этот день тетя Кэтрин устроила обычный домашний прием, и Тесс была вынуждена сидеть с Ларисой, Джудит и Энн в гостиной, помогая развлекать гостей. Было ясно, что более молодые леди займутся разговорами между собой. У Тесс не было также необходимости поддерживать беседу с матронами, поскольку она общалась только с их дочерьми.

Девушки собрались у камина: вечно страдающая от холода Энн требовала постоянно поддерживать огонь, даже весной и летом. Тесс была рада этому, потому что привыкла к жару в тропиках. Она держала на коленях альбом для зарисовок и медленно обводила фиалку, слушая, как Луиза Грант-Гастингс рассказывает о дамском портном принцессы Александры.

Внезапно Лариса взволнованно воскликнула:

- Луиза, ты должна рассказать нам, что произошло прошлым вечером у Госфордов!

Девушки громко захихикали, а Энн сокрушенно произнесла:

- Тише. Мама услышит...

- Не будь такой трусихой, - прошептала Лариса.
- Речь идет о Зое Мейленд. - Одна из девушек окинула всех заговорщицким взглядом. - И о полковнике Перри.
- Так что же все-таки произошло?
- Леди Госфорд застала их вместе после обеда, - торжественно сообщила Луиза. - Наверху, в ее будуаре.

Послышались возгласы ужаса, которые Энн мгновенно подавила.

Луиза иронически улыбнулась и внезапно показалась гораздо старше своих девятнадцати лет.

- Он целовал...
- О Боже! - Лариса так и замерла с открытым ртом.
- ... ее руку, дорогая Лариса.
- Весьма шокирующая ситуация! Теперь он должен сделать ей предложение. Бедная Зоя... Думаешь, она действительно хочет выйти за него?
- Раз она позволила полковнику увести ее наверх, - рассудительно сказала Луиза, - полагаю, он нравится ей, или она просто дура.
- Представляете? - Джудит вздохнула. - Он целовал ее руку в будуаре. Как романтично.
- Романтично? - взвизгнула Лариса. - Это отвратительно! Сэр Уолтер никогда не позволил бы себе такой наглости.

Ее мнение было энергично поддержано остальными; одна лишь Тесс опустила глаза, глядя на свой альбом и надеясь, что никто не заметил ее смущения.

- Это потому, что ты еще ребенок, Лариса, - тоном, больше подходящим опытной вдове, заметила Джудит, - и не знаешь, о чем говоришь.
- Однако тебе не очень-то нравились объятия старого Квинса!
- Попридержите язык, мисс! - вмешалась Энн. - Джудит права. Ты еще не доросла до того, чтобы обсуждать такие вещи.

Лариса с язвительной улыбкой повернулась к Энн.

- А ты сама целовалась когда-нибудь с мужчиной, дорогая?
- Конечно, нет.
- А кто-нибудь из вас? - Лариса обвела вопросительным взглядом хихикающих девушек.

Чувствуя, как лицо ее заливают краской, Тесс притворилась, будто уронила карандаш, и нагнулась, чтобы поднять его. Однако Лариса, несмотря на свою близорукость, заметила румянец на ее щеках.

- Кузина, - сказала она ехидно, - ты что-то вся порозовела!

Тесс сделала глубокий вдох и расправила голубое с белым муслиновое платье.

- Просто я уронила свой карандаш, - поспешно сказала она.

- Но ты когда-нибудь целовалась? Ты не должна обманывать нас! Я уверена, что да!

- Никогда, - беспомощно сказала Тесс.

- Может быть, она покраснела только от одной мысли об этом, - предположила Луиза.

Тесс заставила себя улыбнуться:

- Увы, меня еще никто не приглашал в свой будуар.

- Все верно, - подтвердила Лариса. - Мама особенно следит за кузиной Тесс, чтобы она не смущала нас лишним раз своими нелепыми рассказами об обезьянах. Не думаю, что она когда-нибудь остается без присмотра.

- За исключением утра, - сухо заметила Джудит, - когда Тесс совершает прогулки верхом.

- Едва ли в парке найдется кто-нибудь, чтобы целовать ее в такой час! - Глаза Ларисы вдруг округлились. - А мистер Боттомшоу, кузина Тесс? Разве он не пытался поцеловать тебя?

Тесс отрицательно покачала головой:

- Нет. Зато он читал мне стихи лорда Байрона.

- Как романтично! - восхитилась Джудит.

Лариса нахмурилась:

- Думаю, она говорит неправду. Мне кажется, мистер Боттомшоу не упустил момент! Теперь ты должна выйти за него замуж, кузина, раз уж правда открылась.

- Прекрати! - В душе Тесс росло отчаяние. - Он не делал этого!

Странно, но именно Луиза пришла ей на помощь:

- Ты просто мелешь чепуху, Лариса. Я могу сказать определенно, что Боттомшоу не осмелится на такой поступок. Как часто ты совершаешь по утрам прогулки верхом в парке, леди Тесс?

- Каждый вторник и четверг, без пропусков, - поспешила сообщить Энн. - Мы каждый раз должны придерживать завтрак для нее.

Луиза как-то странно улыбнулась:

- Значит, по вторникам и четвергам? Эти прогулки, наверное, очень бодрят. Возможно, я как-нибудь присоединюсь к тебе.

Тесс едва сдержалась, чтобы не возразить.

- Что ж, будет неплохо, - сказала она.

Какая теперь разница? Гриф ведь не собирается снова встречаться с ней. Она лишилась его дружбы из-за собственного бесстыдства.

Невинный проступок Зои Мейленд не шел ни в какое сравнение с тем, как Тесс вела себя в парке. Ничто не сравнится с тем, что она чувствовала, когда их тела прижимались друг к другу. Тесс до сих пор ощущала тепло в тех местах, где он касался ее.

Внезапно Тесс почувствовала себя ужасно одинокой и поспешила уткнуться в свой альбом, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы. Некоторые девушки ежатся от ужаса, когда речь заходит о мужской ласке, тогда как она испытала необычайное наслаждение. Более того, она была готова снова испытать подобное наслаждение, если представится случай.

Беда была только в том, что мужчина, который мог бы доставить ей такое удовольствие, вряд ли когда-либо захочет снова встретиться с ней наедине.

Глава 7

Утром в четверг Тесс, несмотря на холодный морозящий дождь, отправилась в парк. Деревья стояли, понуро опустив ветви, и намокшие листья безвольно свисали, создавая печальную картину. Серые краски дня соответствовали ее настроению. Все последние ночи Тесс беспокойно металась в постели, вновь и вновь переживая волнующие моменты на тенистой дорожке и последовавшее холодное расставание. В это утро парк выглядел совсем по-другому: деревья казались мрачными, а зеленые лужайки, затянутые туманом, вызвали безысходную тоску.

Он не придет, мысленно твердила Тесс. Он сказал, что не придет.

И все-таки она искала его.

Ее сердце неистово забилося, когда она приблизилась к знакомому месту. Там в дымке тумана обозначилась фигура на лошади. Тесс с радостным возгласом пустила свою лошадь в галоп.

- Доброе утро! - крикнула она, задыхаясь от восторга. - Привет!

Человек на лошади оставался неподвижным. Тесс заколебалась и инстинктивно натянула поводья.

Лошадь поджидавшего ее всадника оказалась не черной, а серой в яблоках.

- Леди Тесс? - раздался спокойный женский голос. - Я Луиза Грант-Гастингс, и приехала покататься с вами.

Тесс осадил лошадь. Луиза! Ее охватило горькое разочарование. Она не ожидала, что девушка всерьез примет ее вежливое приглашение, тем более в столь мрачный день, как этот.

Лошадь Тесс перешла на шаг и вскоре преодолела последние несколько ярдов до мисс Грант-Гастингс.

- Доброе утро, - повторила Тесс с гораздо меньшим энтузиазмом. - Я не ожидала, что вы присоединитесь ко мне так скоро.

- В самом деле? - Луиза приподняла голову, так что ее зеленая бархатная шляпа с перьями накренилась нелепым образом. - Кажется, вы ждали кого-то другого.

- О нет, - солгала Тесс. - В такую погоду мало кто решится отправиться на прогулку, и я рада встретить хоть кого-то.

Луиза двинулась вперед по широкой лужайке.

- Значит, вы не будете возражать, если я поеду с вами?

Тесс из вежливости была вынуждена последовать за ней и отвечать на вопросы.

- Нет.

- Вы всегда совершаете прогулки верхом одна?

- С моим конюхом, - быстро сказала Тесс.

Луиза обернулась к ней с лукавой улыбкой.

- Мой кузен Грифон просил передать вам сообщение.

Тесс вопросительно взглянула на нее.

- О да, - спокойно продолжила Луиза. - Мне хорошо известно, что вы встречались с ним. Это очень глупо, леди Коллир. Я уверена, что тетя не одобрит ваше поведение.

- Спасибо за заботу, - холодно произнесла Тесс, чувствуя, как растет ее неприязнь к мисс Грант-Гастингс, - но я не сделала ничего такого, что могло бы вызвать неодобрение тети.

- Не согласна, леди Коллир. Могу я называть вас леди Тесс?

- Кажется, вы уже делаете это, - резонно заметила Тесс.

- Очень мило с вашей стороны. А вы зовите меня Луизой. Возможно, я смогу регулярно присоединяться к вам, поскольку леди Уинтроп наверняка сочтет неприемлемыми для вас прогулки с моим кузеном без надлежащего сопровождения.

Тесс вспыхнула, но все же удержалась от резкого ответа.

- Видите ли, - продолжила Луиза, - кузен - новый человек в Лондоне и недостаточно хорошо знает, что приемлемо в обществе. Он полностью согласился со мной, что эти тайные свидания весьма неуместны.

- Тайные! - возмутилась Тесс. - Я никогда не встречалась с вашим кузеном тайно! Мы всегда...

- Заметив заинтересованный взгляд Луизы, она замолкла. - Мой конюх всегда сопровождает меня во время прогулок, - неловко закончила Тесс.

Некоторое время они ехали молча, затем Луиза осторожно произнесла:

- Есть нечто, о чем вам следует знать, леди Тесс. Мой дорогой Грифон сделал мне предложение.

Сердце Тесс сжалось, ей стало трудно дышать. Проглотив подступивший к горлу ком, она сказала первое, что пришло в голову:

- А я-то думала, лорд Фолкен...

- О, дорогая, не могла же я положить глаз на этого ловеласа! Лорд Фолкен - большой любитель женщин; надо быть очень глупой или очень наивной, чтобы рассчитывать на серьезные намерения с его стороны. Полагаю, с Грифоном я буду очень счастлива.

Это откровение настолько противоречило мнению Тесс относительно мисс Грант-Гастингс, что она никак не могла найти подходящий ответ. Гриф и Луиза... Это просто не укладывалось у нее в голове. Всего два дня назад на вечеринке у Госфордов Тесс видела, как Луиза льнула к лорду Фолкену, а потом они имели продолжительную беседу наедине в укромном уголке. Тесс обратила на это внимание, потому что мистер Элиот сделал относительно них язвительное замечание. Когда пара закончила разговор, Фолкен отошел от Луизы с мрачным видом и направился к Тесс, улыбнувшись ей своей обычной ленивой улыбкой.

Может быть, его поведение объяснялось тем, что Луиза сообщила ему свою новость, и поэтому он так разозлился на нее? Луиза даже побледнела и стала неестественно сдержанной. Они не приближались друг к другу весь оставшийся вечер, зато Тесс Фолкен уделил чрезмерное внимание. Она холодно отнеслась к его ухаживанию: ей тогда хотелось одного - чтобы он отстал от нее и уладил ссору с Луизой.

Но кажется, они так и не помирились.

- Не желаете ли узнать, какое сообщение мой дорогой Грифон хотел передать вам? - спросила Луиза елевым голоском. - Он такой благородный и постоянно заботится обо всех, кроме себя... Так вот, он просил передать, что, к сожалению, не может больше встречаться с вами и желает вам счастья в вашей будущей жизни.

Тесс призвала на помощь все свое самообладание.

- Передайте ему, что я... благодарю его и желаю ему счастья.

- О да, мы будем счастливы! - Луиза довольно вздохнула. - Он является воплощением моей мечты, и я люблю его с самого детства. Мы поклялись в вечной преданности друг другу, когда мне было девять, а ему четырнадцать. Ах, эта детская наивность! Я не смела даже надеяться, что Гриф действительно будет дожидаться встречи со мной, поскольку долгое время он находился в Вест-Индии. Когда я снова увидела бравого капитана, то сразу поняла, что по-прежнему люблю его.

- Понятно, - холодно сказала Тесс. - Вам очень повезло.

Значит, Гриф все это время был связан обязательством. Сердце Тесс разрывалось от боли. У нее не оставалось ни малейшего шанса! Его не привлекли ни ее положение в обществе, ни деньги. Он просто любил другую все эти годы. Тесс не могла сказать, что он обманывал ее, так как Гриф никогда не предлагал ей ничего, кроме дружбы. Он даже поощрял ее принять предложение другого мужчины, и не его вина, если она была настолько глупа, надеясь, что когда-нибудь их дружба перерастет в нечто большее.

Мысленно оглядываясь назад, Тесс шаг за шагом расставила все по своим местам. Его рейсы через блокаду, внезапное появление в Лондоне - все это имело определенный смысл. Должно быть, Гриф копил деньги, чтобы было что предложить давно выбранной невесте - ведь Луиза имела довольно высокие запросы. Гриф заранее заботился о ее благополучии, снова и снова рискуя жизнью, чтобы одевать Луизу в шелка и атласы, которые она так любила.

Внезапно Тесс разозлилась на Луизу, но быстро поняла, что та, возможно, ничего не знала о его опасной деятельности.

Вот только этот его поцелуй... При одном воспоминании внутри у Тесс все сжалось. Правда, она сама вынудила его поцеловать ее, предложив себя в парке, как уличная девчонка... а он все это время думал о Луизе!

Тесс не смогла сдержаться и то ли икнула, то ли всхлипнула, а затем, стараясь скрыть это, неловко закашляла.

- Прошу прощения. Кажется, сегодня слишком сыро для меня. Лучше я отправлюсь домой.

- О, конечно! - Луиза кивнула. - Поезжайте немедленно, я не буду больше задерживать вас. Благодарю за то, что позволили мне составить вам компанию, леди Тесс. Несмотря на скверную погоду, это была очень приятная прогулка.

Двумя днями позже Стивен Элиот сделал Тесс предложение. Слушая его, она оставалась в мрачной задумчивости, которая не покидала ее с тех пор, как она повстречалась с Луизой в парке. Элиот не читал ей стихи, однако осмелился поцеловать ее руку, причем так осторожно, словно Тесс могла рассыпаться от его прикосновения. В нем не осталось и следа цинизма или едкого остроумия, которые он демонстрировал все последние месяцы; таким спокойным, искренним и серьезным Тесс его прежде не видела.

В конце концов она ответила ему, что должна подумать.

Ларису чрезвычайно взволновала эта новость. Девушка была уверена, что Тесс должна принять предложение лорда Элиота, - да и кто не сделал бы этого? Тесс слышала, как кузина шепотом делилась новостью с подругами, и наконец весть дошла до мисс Грант-Гастингс.

Отведя Тесс в сторону, Луиза пожелала ей всего наилучшего, но отчего-то Тесс не стала говорить ей, что еще не приняла предложение. Однако она была уверена, что в конечном счете сделает это.

А затем явился с визитом Гриф.

Он пришел утром, когда Тесс была единственной, кто уже встал с постели. Она сидела, апатично ковыряя еду, поданную на завтрак, и взглянула на дворецкого, принесшего эту новость, с откровенным недоверием.

- Сказать, что вы еще не встали, миледи?

- Нет, - медленно произнесла Тесс. - Я встречу с ним в библиотеке.

Она осторожно встала из-за стола, и ее сердце забилось сильнее. Он все-таки пришел. Луиза все рассказала ему, и он пришел пожелать ей счастья. Вряд ли теперь он сможет предъявить какие-либо серьезные возражения против кандидатуры Стивена Элиота, тем более что и раньше он ничем не мог обосновать их. Какой же наивной девчонкой она была, когда думала, что его неприязнь к другому мужчине объяснялась ревностью!

Когда Тесс вошла в библиотеку, Гриф стоял у окна спиной к ней. Солнечный свет окрасил золотом его волосы. Он повернулся, но она так и не смогла увидеть выражения его лица.

С притворным спокойствием Тесс пересекла комнату и села в кресло.

- Привет, - тихо сказал Гриф, не отходя от окна.

- Доброе утро, - ответила Тесс и удивилась, насколько естественно прозвучали эти слова.

Казалось, Гриф был растерян. Наконец он сдвинулся с места и подошел к ней.

- Я хочу извиниться.

- Вам не за что извиняться, - ответила Тесс ровным голосом.

- То, что было в парке... - Он несколько мгновений колебался, затем снова повернулся к окну. - Я очень плохо обошелся тогда с вами.

Эти слова привели Тесс в замешательство, и она опустила глаза.

- Не стоит об этом. Я полагаю, мне следует вас поздравить...

Гриф резко повернулся к ней, и она впервые отчетливо увидела выражение его лица.

- Поздравить?

Он был явно удивлен. Тесс вдруг почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног.

- А разве вы... не помолвлены?

- Помолвлен с кем?

- С вашей... кухней, - еле слышно произнесла Тесс.

- С Луизой?

Тесс кивнула.

- Это она вам сказала?

- Она сказала, что вы сами проявили инициативу.

- Сам... - Гриф нервно отошел к окну, затем снова приблизился к Тесс. - Будь она проклята! Это просто мерзко - позволять себе такое!

Тесс почувствовала, что душа ее начала постепенно оттаивать.

- Выходит, вы не помолвлены?

- Конечно, нет. Я пришел сюда поговорить о ваших намерениях.

- Наверное, вы имеете в виду мистера Элиота?

- Да, его. - Гриф нахмурился. - Луиза сказала, что вы собираетесь выйти за него замуж.

Отчего-то Тесс не хотелось сдаваться сразу.

- Возможно.

- Заклинаю вас, не делайте этого.

Его тон вызвал у Тесс инстинктивное сопротивление.

- Не вижу причины, почему бы мне не выйти за него тем более что он уже сделал мне предложение.

Гриф тяжело вздохнул:

- Я понимаю, вы считаете это не моим делом, но я не могу оставаться в стороне и позволить вам совершить ужасную ошибку.

Тесс улыбнулась. Он-таки беспокоится о ней.

- Сперва вы должны сказать мне конкретно, почему это так опасно - выйти замуж за мистера Элиота, - заявила она, наслаждаясь своим превосходством.

- На это есть... серьезные причины.

- Какие же именно?

Гриф опять подошел к окну и посмотрел на улицу, затем нахмурился и покачал головой. Его губы скривились в мрачной улыбке.

- Я не верю, что вы хотите стать его женой.

- И напрасно. В это не так уж трудно поверить. Я должна выйти замуж согласно обещанию, данному отцу, и мне нравится мистер Элиот.

Гриф небрежно прислонился к подоконнику.

- Едва ли это достаточная причина, чтобы жить с негодяем всю оставшуюся жизнь.

Тесс возмущенно вскинула брови. Как смеет он поощрять ее принять предложение явного тупицы и отвергнуть вполне приемлемого джентльмена!

- По-вашему, я должна согласиться на брак с мистером Боттомшоу, не имея на то твердых оснований? - заносчиво спросила она.

Однако Гриф продолжал твердить свое:

- Боттомшоу определенно лучше Стивена Элиота!

- Не согласна.

- Вы многого не знаете.

Тесс сузила глаза.

- Думаю, знаю достаточно, капитан. Я выйду замуж за того, за кого пожелаю, и если захочу стать миссис Элиот, то обязательно стану.

- Нет.

- Как вы смеете?! - прошипела Тесс. Его упрямый, недовольный взгляд придал ее голосу еще большую ярость. - За кого, по-вашему, я должна выйти? Пусть будет кто угодно, но только не Джеремайя Боттомшоу!

- И не Элиот. - Гриф отвернулся и ухватился за подоконник. - Боже милостивый, если уж вы так нуждаетесь в браке, то выходите за меня!

За этой вспышкой последовала напряженная тишина, и Тесс показалось, что она длилась целую вечность, но постепенно до ее сознания стал доходить смысл сказанного Грифом. Его глубокое прерывистое дыхание было слышно даже оттуда, где он стоял, слепо глядя в окно и сжимая кулаки с такой силой, что они побелели.

- Вы делаете мне предложение? - тихо спросила Тесс.

Гриф весь напрягся.

- Нет.

- В таком случае я выйду замуж за Стивена Элиота.

Она сказала это, рассчитывая задеть его самолюбие, но слова прозвучали как окончательное решение. Гриф склонил голову и прижал кулаки ко лбу.

- Я не позволю вам сделать это, - мрачно произнес он.

- Что ж, попробуйте!

Гриф опустил руки, и Тесс замерла; она боялась, что он тут же направится к двери. Однако Гриф пересек комнату и опустился перед Тесс на колени, затем взял ее холодные руки и, склонив голову, до боли сжал их.

- Черт побери, - прошептал он хрипло. - Я люблю вас. Разве это не дает мне право решать?

Радостное чувство наполнило душу Тесс.

- Значит, это все-таки предложение... - произнесла она неестественно спокойным голосом.

Гриф еще сильнее стиснул ее руки.

- Да, но... Я не могу, - произнес он наконец страдальческим тоном.

Тесс наклонилась и на миг прижалась губами к его блестящим волосам.

- Я тоже люблю вас.

- Это не может что-либо изменить, - глухо сказал он. - И никогда не изменит.

В этот момент он показался ей маленьким мальчиком, нуждающимся в утешении. Тесс высвободила руку и положила ее ему на плечо.

- Я люблю вас, - тихо повторила она.

Гриф застонал, и его пальцы переплелись с ее пальцами.

- Вы не сознаете, что говорите. - Он поднял голову.

Глядя в его наполненные болью глаза, Тесс улыбнулась:

- Разве вы уже не убедились в моем чувстве?

- Но у меня нет денег.

Она покачала головой:

- Это не имеет значения. Нам хватит моих средств.

- Но... Я не тот, за кого вы меня принимаете.

Тесс с любопытством посмотрела на него.

- Кто же вы тогда?

- Это не важно. Вы все равно не поверите, но я действительно не могу жениться на вас.

Тесс тяжело вздохнула:

- Тогда я стану миссис Элиот.

Лицо Грифа потемнело, и он, отойдя от нее, начал нервно ходить по комнате. Тесс сделала вид, что смотрит в окно, хотя на самом деле не выпускала его из виду, в то время как он метался от стены к стене с непроизвольной грацией, словно могучий дикий зверь в клетке. Опыт общения Тесс с такими необычными людьми подсказывал ей, как надо вести себя в подобных случаях; она сидела молча и неподвижно, заставляя себя ждать, хотя сердце ее билось с необычайной силой. Надо дать Грифу возможность подумать; пусть он преодолет свой страх. Искушение и страсть сделают свое дело. По его глазам она видела, что он желает ее, и эта мысль заставляла ее трепетать в предвкушении. О да. Он желает ее.

Гриф остановился, и Тесс из-под ресниц взглянула на него. Выражение мучительной нерешительности на его лице разрывало ей сердце. Испытывая неукротимое желание облегчить страдание, искажившее черты его лица, она забыла о выдержке, о тактических приемах и обо всем на свете.

- Мне безразлично, - твердо сказала Тесс, - кто вы на самом деле, кем были и кем можете стать. Меня не волнует, что у вас нет денег, и не волнует ваше настоящее имя. Я люблю вас. Но если вы откажетесь от меня, я выйду замуж за мистера Элиота. Мне очень жаль, если это причиняет вам боль. Мне тоже больно, но я не могу и не хочу менять свое решение.

Некоторое время Гриф пристально смотрел на нее.

- Хорошо, - сказал он наконец дрожащим голосом. - Я женюсь на вас, если вы этого хотите, и да поможет нам Бог.

К тому времени, когда Гриф вернулся в свою арендованную квартиру на Маунт-стрит, он был ошеломлен даже еще больше, чем в тот момент, когда покинул Морроу-Хаус. Он долго бродил по городу, надеясь, что все происшедшее с ним является лишь плодом его фантазии и иллюзия скоро развеется, однако, хотя он обошел не один квартал Лондона, ему так и не удалось избавиться от сознания, что теперь он обязан жениться.

Бросив шляпу и трость на столик при входе и стараясь не замечать осуждающего взгляда камердинера, Гриф коротко приказал:

- Принесите бренди.

Затем он поднялся по лестнице в гостиную, плюхнулся в обитое красным бархатом кресло и уставился невидящим взглядом на картину, висевшую на противоположной стене. Массивная мебель и прочая солидная обстановка не создавали уюта в комнате. Эта квартира, как и камердинер, были рекомендованы Тейлором, но он не чувствовал себя здесь как дома.

Спустя некоторое время вошел слуга и, поставив на стол серебряный поднос с бокалом, спросил, не нужно ли еще что-нибудь.

- Нет, - устало произнес Гриф и слегка постучал пальцем по стеклу. - Следите только, чтобы бокал был все время полным. Я намереваюсь как следует напиться.

Камердинер сочувственно посмотрел на него:

- Похоже, сегодня для вас выдался чертовски неудачный денек, мистер Грифон...

Гриф печально улыбнулся:

- Лучше не спрашивай.

- Однако, прежде чем вы отключитесь, сэр, возможно, вы захотите узнать, что... вас хотела видеть некая леди. Она не оставила визитной карточки, но заходила уже дважды.

- Леди? - Гриф сразу подумал о Тесс, и его охватило смешанное чувство горечи и радости. - Темноволосая?

- Нет, сэр.

- О... - Гриф нахмурился. - Не знаю, стоит ли принимать здесь эту посетительницу...

- Не думаю, что отказ может остановить ее, мистер Грифон.

Гриф взял бокал и повертел его в руках.

- Надеюсь, в случае чего я все-таки смогу выставить ее за порог, кем бы она ни была.

- Нет, сэр. Судя по тому, как эта женщина неистово стремится встретиться с вами, она едва ли отступит так просто.

В этот момент от входной двери донесся звон колокольчика.

- Что ж, - Гриф чуть поморщился, - я заинтригован.

- Кажется, это она, мистер Грифон. - Камердинер повернулся.

Гриф сделал большой глоток бренди и встал.

- Ну так встречайте ее. Думаю, хуже уже не будет.

Однако всего несколько минут спустя он понял, как сильно ошибся. Это произошло сразу, как только в комнату с довольной улыбкой вошла Луиза.

- Кузен Грифон, - мелодично сказала она, когда камердинер закрыл за ней дверь. - Я безумно рада, что застала вас дома.

Коротко поклонившись, Гриф настороженно взглянул на нее.

- Ах, это вы, Луиза...

- Совершенно верно. Неужели вы не рады визиту любимой кузины? Могу я присесть? Большое спасибо, вы очень гостеприимный хозяин. Скажите, дорогой Грифон, мы двоюродные или более отдаленные родственники?

- Настолько отдаленные, насколько вам будет угодно, - вежливо ответил Гриф.

- В самом деле? В таком случае мне угодно считать наше родство довольно близким.

Гриф, помедлив, опустился в кресло.

- А теперь мне хотелось бы знать, может ли это неожиданное родство как-то повлиять на мое так называемое объявление относительно нашей помолвки.

Луиза окинула его презрительным взглядом голубых глаз.

- Так-так. Значит, вы уже поговорили с Тесс Коллир...

- Да, поговорил.

- Что ж, возможно, это к лучшему. - Луиза не спеша сняла перчатки. - Ваши встречи в парке, Грифон... не слишком ли это опасно для вас, как вы считаете? Если леди Уинтроп хоть что-то узнает, вам придется немедленно покинуть город. Лучше держитесь подальше от леди Тесс, пока не будет объявлено о ее помолвке. Стивен Элиот не допустит ни малейшего скандала.

- Мне безразлично, что сделает Стивен Элиот, - спокойно сказал Гриф. - Так же как и то, что вы распространяете ложь обо мне.

Луиза слегка улыбнулась.

- Не забывайте, дорогой Грифон: все, что я говорю о вас, так или иначе является ложью. Стоит ли менять теперь вашу легенду?

Он улыбнулся ей в ответ.

- Вам заплатили за это, и я бы предпочел, чтобы вы не пытались импровизировать.

- Ведь это бренди, Грифон? - беззаботно поинтересовалась Луиза. - Вы не возражаете, если я допью его?

Гриф пожал плечами, и Луиза, выждав мгновение, привстала и взяла бокал. Она пила с такой жадностью, что Гриф насторожился. Внезапно он понял, что она нервничает.

Луиза молча поставила бокал и соблазнительно облизнула верхнюю губу.

- В действительности, дорогой Грифон, я не солгала относительно вас и меня.

- Неужели? - Его тон по-прежнему оставался предельно вежливым.

- И я в самом деле предполагала, что вы женитесь на мне.

Только благодаря силе старой укоренившейся привычки сохранять самообладание Гриф удержал себя и не вскочил с кресла.

- Могу я спросить причину такой уверенности?

Луиза потупила взор.

- Я ношу вашего ребенка.

- Что вы сказали?

Ее ресницы взметнулись вверх.

- Ребенка, дорогой Грифон. Вашего. Я уверена, что вы поступите, как полагается порядочному человеку.

На мгновение у него перехватило дыхание, и он не сразу вновь обрел дар речи.

- Послушайте, я никогда не прикасался к вам.

Луиза приподнялась в кресле.

- До этого момента! Но сейчас я в вашей комнате, куда вы завлекли меня, я совершенно одна. Теперь мое доброе имя опорочено.

- Печальное для вас обстоятельство.

- О нет. Я уже многим рассказала, что мы еще в детстве тайно обручились. Это должно склонить общественное мнение к тому, что нам следует поспешить с браком.

Гриф встал и прошелся по комнате, затем с любопытством взглянул на Луизу:

- Это ребенок Фолкена?

Ее лицо вытянулось, но Луиза быстро пришла в себя.

- Это твой ребенок, любовь моя, и не пытайся отрицать это.

- Я могу помочь вам, Луиза, например, найти доктора...

- Нет! - Она вскочила на ноги. - Я не хочу ложиться под чей-то мерзкий нож и умереть от этого!

- Хорошо, успокойтесь. Сейчас у меня мало денег, но скоро придет мой корабль, и вы сможете уехать во Францию...

- Ни за что! - взывала она. - Будучи опороченной, я никогда не смогу вернуться назад!

- Мне кажется, вы в безвыходном положении.

- Нет, если вы женитесь на мне. - В ее голосе звучали истеричные нотки. - Мне все равно, что вы сделаете потом... Можете убираться ко всем чертям, но сейчас вы должны жениться! Это единственный выход.

- К сожалению, я не могу жениться на вас, - сказал Гриф, неожиданно заметив, что второй раз

за день произносит эти слова.

Ее глаза сверкнули.

- Можете. И вы сделаете это, потому что если мне суждено будет низко пасть, кузен, я и вас потащу за собой!

Знакомый холодок пробежал по спине Грифа.

- Вас не затруднит пояснить свою угрозу?

- Я позабочусь, чтобы все узнали, что это ваш ребенок, - сказала она с усмешкой. - Я постараюсь замарать ваше имя так, что никто не будет общаться с вами. Вы станете отверженным! Вы никогда больше не ступите ни в одну приличную гостиную!

Поначалу эта тирада смутила Грифа, но он тут же понял, что Луиза угрожает ему тем, чего сама боится больше всего. Разумеется, ей не приходило в голову, что Гриф вполне мог обходиться без посещения приличных гостиных при том образе жизни, к которому привык.

Он снова сел и сделал вид, что обеспокоен.

- А если я не соглашусь и скажу, что это ребенок Фолкена?

- Вам никто не поверит. - Луиза опустила в кресло. - Могу представить, как среагирует лорд Фолкен на ваше заявление!

Гриф не выдержал и засмеялся:

- Да, я тоже представляю. Кстати, вы говорили ему о своем положении?

Лицо Луизы порозовело. Выходит, говорила, заключил Гриф по ее молчанию, и Фолкен скорее всего вежливо послал ее к черту.

- Думаю, нам надо назначить в ближайшем времени дату бракосочетания, - сказала Луиза как ни в чем не бывало. - Это уберет нас обоих от лишних толков.

- Дорогая, - мягко сказал Гриф, - я уже сообщил вам, что не могу жениться.

- Хотите сказать, не желаете?

- Нет, просто не могу.

Ее руки беспокойно задвигались.

- Но почему?

- Потому что я сделал предложение леди Коллир.

Движение рук прекратилось.

- Понятно.

Взглянув на Луизу, Гриф почувствовал отвращение к Фолкenu, проявившему столь жестокое бессердечие.

- Могу я помочь вам каким-то иным способом?

- Нет. - Луиза взяла перчатки и резко встала. - Благодарю вас. Я должна идти. До свидания, дорогой Грифон. Надеюсь, ваш слуга проводит меня?

Через мгновение дверь за ней закрылась, и Гриф услышал быстрые шаги на лестнице. Затем хлопнула входная дверь, и почти тут же в комнату просунулась голова слуги.

- Леди ушла, сэр?

Гриф удивленно взглянул на него.

- Как видите.

- Похоже, она была чрезмерно взволнована, мистер Грифон, так как едва не сбила меня с ног на лестнице. Я шел, чтобы передать вам это... - Он протянул запечатанный конверт. - Посыльный сказал, что это срочно.

Гриф поморщился:

- Что еще, черт возьми... - Он выхватил письмо и распечатал его.

«25 июня 1864 г., Вест-Индская пристань, Лондон.

С уважением сообщаю, что «Арканум» пришвартовался к причалу номер 75 в шесть часов после полудня 24 июня. Корабль разгружен. Капитан Грейди серьезно болен, и на выздоровление нет надежды. Жду ваших указаний.

Ваш покорный слуга Майкл Туми, секретарь начальника порта».

Гриф, задыхаясь, вскочил со стула. Грейди. Боже милостивый, только не это!

- Плохие новости, сэр? - обеспокоенно спросил камердинер.

- Кеб, - Гриф наконец пришел в себя, - поймите мне кеб. Впрочем, лучше я сам... - Он бросил письмо и выскочил за дверь.

Камердинер поспешил вслед за Грифом.

- Я смогу сделать это быстрее, сэр, а вы позаботьтесь о плаще и шляпе... - Он исчез, оставив хозяина в холле перед раскрытой дверью.

Когда Гриф застегивал плащ, его пальцы дрожали. Потом он вспомнил о цилиндре, быстро надел его, и тут же грохочущий экипаж подкатил к дому и остановился у обочины тротуара.

- Будьте осторожны, мистер Грифон, - посоветовал камердинер, когда Гриф споткнулся на узкой ступеньке кеба. - Сэр, если меня спросят, куда вы отправились, то...

- На Вест-Индскую пристань. - Гриф едва удержался, чтобы самому не стегнуть лошадей.

Слуга быстро переговорил с кучером на кокни.

- Он довезет вас до Фенчерч-стрит, сэр, а оттуда вы поездом доедете прямо до Блэуолла. Это

кратчайший путь.

- Благодарю. - Только тут Гриф обратил внимание на то, что слуга тоже искренне обеспокоен.

- Все будет в порядке, сэр, но, умоляю вас, будьте осторожны. - Камердинер сделал знак кучеру, и кеб, качнувшись, тронулся с места.

Глава 8

«Арканум» действительно стоял у пристани номер 75; его высокие мачты выделялись среди мачт других кораблей и были знакомы Грифу, как его лицо в зеркале. Он с облегчением погрузился в близкую ему атмосферу большого порта, где царил обычная суматоха, пахло водорослями, смолой и стоял привычный для уха шум. В модной одежде Гриф сразу стал объектом насмешливого восхищения, но он не обращал внимания на выкрики и, ничего не замечая вокруг, шагал мимо бочек, грузчиков и бродячих собак, проворно увертываясь от града угля, разгружаемого угольщиками.

Среди общей суеты «Арканум» казался спящим: он был разгружен и тихо покачивался на волнах в ожидании, когда на нем снова все придет в движение и начнутся приготовления к очередному рейсу.

Бережливость, укоренившаяся в подсознании Грифа за годы тяжелой борьбы за существование, заставила его на мгновение пожалеть о деньгах, которые приходилось терять с каждой минутой простоя в порту, однако он тут же отбросил эту мысль. Главное - поскорее увидеть Грейди, живого, вспыльчивого, как всегда, выражающего недовольство задержкой и не принимающего на веру выдуманные оправдания портовых рабочих.

Поднявшись по трапу, Гриф сразу направился в каюту, и в этот момент из люка появился темнокожий матрос.

- Капитан, - обратился к нему огромный негр: его правильное произношение плохо вязалось с татуировкой на щеке и бусами из острых клыков на шее.

- Мазу! - облегченно воскликнул Гриф. Отсутствие людей на палубе вызвало у него тревогу, и появление Мазу пришлось весьма кстати. Этого темнокожего гиганта Грейди завербовал на восточном побережье Африки много лет назад. Истинное прошлое Мазу было таким же туманным, как и прошлое Грифа. Африканец никогда не рассказывал, кем он был и что делал раньше, однако часто использовал во благо пугающее сочетание выразительной татуировки и речи образованного человека. Любопытные наблюдатели и недоверчивые таможенные агенты не всегда решались пройти мимо стоящего на середине трапа Мазу, чтобы заглянуть в темные трюмы «Арканума».

- Где Грейди? - резко спросил Гриф.

- Внизу, капитан.

В бесстрастном голосе негра чувствовалось нечто необычное, и Гриф почувствовал, как сжалось его сердце.

- Боже милостивый... - еле слышно произнес он.

Мазу чуть заметно покачал головой.

- Идите, сэр. Он ждет вас.

Гриф быстро спустился вниз, в одно мгновение оказался перед дверью каюты Грейди и резко открыл ее.

Первое, что бросилось ему в глаза, когда он вошел, был мужчина в черном одеянии, стоящий у койки с молитвенником в руках.

- Прошу вас, уйдите, - тихо сказал Гриф и направился к койке.

Понимающе взглянув на него, незнакомец коротко кивнул, прошептал «Аминь» и вышел. Как только дверь за ним закрылась, Гриф склонился к больному и прислушался к медленному, затрудненному дыханию, свидетельствовавшему о том, что моряк еще жив. В слабом свете, проникающем через иллюминатор, лицо Грейди выглядело осунувшимся и мертвенно-бледным; лишь на щеках отчетливо выделялись два красных пятна.

Опустившись на колени, Гриф взял влажную руку несчастного и сжал ее, словно желая передать ему свою энергию.

- Грейди, - прошептал он, склонившись над безвольным телом. - Это я, Грифон... Я пришел.

Ответа не последовало, только хриплое дыхание по-прежнему раздавалось в тишине, которая казалась вечной.

Глядя на неподвижное лицо Грейди, Гриф стиснул зубы в неистойой молчаливой молитве. Он вспоминал пережитые вместе годы, вспоминал о преданности и храбрости друга и еще сильнее почувствовал всю тяжесть и неотвратимость потери.

Время шло, но Гриф не замечал его течения и не представлял, как долго стоял на коленях, моля Бога продлить жизнь дорогого для него человека.

И все же дыхание Грейди становилось все слабее. Постепенно два ярких пятна на его щеках начали бледнеть.

- Нет, - простонал Гриф, чувствуя, как жизнь покидает друга. - Не оставляй меня, Грейди, ты нужен мне... О Боже, пожалуйста...

Грудь его помощника еле заметно вздымалась и опускалась, хриплый звук дыхания, начав стихать, вскоре стал совсем неслышным. Гриф замер в ожидании, молясь и все еще надеясь...

Прошла минута, затем две в бесконечно длящейся тишине. Грейди лежал неестественно неподвижно, и Гриф зажмурился. Еще через минуту он взял безвольную ладонь друга и прижал к своему лицу.

Кто-то пошевелился позади него, и на плечо Грифа легла рука, легкая, но твердая в своей настоятельности. Гриф продолжал прижиматься щекой к ладоням Грейди, оставаясь неподвижным и чувствуя, как все опустело и померкло вокруг. Наконец он поднялся и позволил пальцам Грейди выскользнуть из его рук.

- Его душа покинула тело, приятель, - доброжелательно сказал невысокий мужчина.

Гриф обернулся и посмотрел на него невидящим взглядом.

- Я доктор Стеббинс. Нам необходимо составить свидетельство о смерти.

Гриф молча кивнул; он не мог говорить. Казалось, из него вырвали все внутренности и оставили одну пустую оболочку, в которой когда-то теплилась жизнь.

Подойдя к двери, он открыл ее и, выйдя из каюты, некоторое время стоял, тупо оглядываясь вокруг. Мысли его смешались, словно кто-то задал ему вопрос, на который не было ответа.

Наконец он сдвинулся с места и пошел вперед в тишине, нарушаемой лишь звуком его шагов, глухим и пустым, как его душа.

Одно дело – следовать порыву сердца, и совсем другое – объявить о намерении выйти замуж. Вот почему после ухода Грифа Тесс еще долго сидела в библиотеке, глядя в окно на то место, где он исчез в глубине парка.

После его галантного предложения – или, точнее, вынужденной капитуляции, как поправила себя Тесс со снисходительной улыбкой, – она протянула к нему руки и подставила лицо для поцелуя. Вежливость обязывала его согласиться, но он, приблизившись к ней, казалось, был изрядно раздражен. Однако, когда Гриф прикоснулся к ней, его мрачное настроение исчезло; он обнял ее и прильнул к ее губам с нежностью и напряженностью, которую Тесс видела в его серых глазах лишь однажды, в тот первый вечер в Бразилии.

Этот поцелуй успокоил ее и прогнал все сомнения. Когда Гриф ушел, она продолжала тешиться воспоминаниями, как скряга тайным сокровищем, мысленно воспроизводя мельчайшие подробности и моменты их встречи, что должно было помочь ей пережить предстоящий тяжелый день. «Я люблю вас», – закрыв глаза, вспоминала Тесс его слова. «Я не позволю вам», – звучало в ее ушах, когда тетя Кэтрин бранила ее за нерешительность в отношении Стивена Элиота. Тесс вспомнила упрямое выражение лица Грифа и улыбнулась. «Я женюсь на вас», – сказал он, и это обещание окутывало ее невидимой пеленой спокойствия, словно нежными объятиями, защищающими от всех невзгод.

После ленча Тесс написала и отправила записку мистеру Элиоту с просьбой навестить ее на следующий день. Другую записку она послала мистеру Боттомшоу, назначив встречу через день.

Немного подумав, Тесс решила подождать и пока не сообщать семье приятную новость. Завтра ей будет легче набраться храбрости и объявить всем о своем намерении. Она понимала, что оттягивание этого момента объясняется ее трусостью, и питала слабую надежду, что Гриф будет рядом во время ее встречи с родственниками.

День Тесс провела в небольшой оранжерее, которую ее отец построил в розовом саду. В теплой душистой атмосфере она что-то напевала себе под нос, опыляя орхидеи и аккуратно регистрируя в журнале окраску и форму цветов. Она перелистала старый блокнот отца, который хранился в незапертом металлическом ящике под одной из скамеек. Записи были сделаны одиннадцать лет назад педантичным ровным почерком. Тесс закусила губу и печально улыбнулась, читая описание прелестного желтого гибрида, который отец в честь ее матери назвал «Леди Сара».

«Ты очень любил ее, папа, – мысленно произнесла она. – Я знаю это».

Леди Сара была светловолосой и веселой, похожей на добрую фею; ее живой образ запомнился Тесс с детства. В жизни матери было немало трагедий: несколько выкидышей, скарлатина и маленькие могилки на кладбище Западного Суссекса, но она никогда не показывала своих страданий. Тесс помнила мать озорно смеющейся и нежной, внимательно слушающей мужа,

когда тот красноречиво расписывал за обеденным столом сексуальную жизнь навозных жуков.

Это была настоящая любовь, сопровождаемая смехом и дружеским общением. Тесс помнила их склоненные головы над новой почкой любимого растения и сцепленные в молчаливом согласии руки... Ей тоже хотелось бы жить так. Она была убеждена, что ни мистер Боттомшоу, ни Стивен Элиот, ни любой другой лондонский джентльмен не смогут создать для нее такой жизни. Тесс обещала отцу успешно выйти замуж... но что значит «успешно»? Означает ли это, что ее муж обязательно должен быть титулованным аристократом с огромными деньгами? Тесс предполагала это, когда отец настаивал на ее замужестве, но, возможно, она ошибалась. Отец хотел, чтобы она была счастлива, он хотел, чтобы она любила и была любимой. Если бы он понуждал ее выйти замуж за богатого человека, то это было бы только ради ее защиты, а не ради денег.

Счастье. Любовь. Свобода. За время, проведенное под надзором тети, Тесс почти забыла, что это такое.

Только с Грифом эти слова начали вновь обретать реальный смысл.

Удовлетворенная своими доводами и уверенная, что если бы отец был жив, он благословил бы ее, Тесс аккуратно положила блокнот назад. И мать тоже благословила бы... Мама радостно обняла бы дочь и пожелала ей счастья в жизни. Леди Сара была неисправимым романтиком, несмотря на рационализм, который прививал ей граф, и Тесс унаследовала от нее этот «недостаток».

- Добрый день, - послышался мелодичный голос, и Тесс вздрогнула, рассыпав золотистую пыльцу, которую до этого момента собирала в течение двадцати минут.

Повернувшись, она довольно холодно ответила на приветствие, давая понять Луизе Грант-Гастингс, что ее вторжение нежелательно.

- Лариса сказала, что вы здесь одна.

- Да, как видите.

- И я подумала, что, возможно, вы не станете возражать, если я составлю вам компанию.

- Вам не стоило утруждать себя, мисс Грант-Гастингс. Я сейчас очень занята.

- О, для меня это несколько не обременительно. Видите ли, я искала возможность поговорить с вами наедине.

- Вот как? - Тесс опустила маленькую палочку с ватным наконечником и холодно посмотрела на визитершу. - Вы явились, чтобы сообщить мне еще какую-нибудь ложь?

Стрела попала прямо в цель: Луиза покраснела и опустила глаза.

- Я хотела извиниться.

- Мне не нужны ваши извинения, мисс Грант-Гастингс. Уходите, прошу вас.

- Вы должны выслушать меня. - Луиза сжала руки в белых перчатках. - Должны. Прошу вас. Есть объяснение моей лжи...

- Ну конечно. - Тесс аккуратно положила садовые инструменты и приготовилась уйти. -

Объяснения всегда найдутся, не так ли?

Она попыталась пройти мимо Луизы, но та схватила ее за руку.

- Леди Коллир, пожалуйста! - Ее голос прозвучал весьма убедительно. - Вы не знаете всего.

Тесс остановилась и посмотрела на огорченное лицо девушки.

- Я знаю, что вы рассказали мне выдуманную от начала до конца историю о себе и вашем кузене. Он никогда ничего не предлагал вам, как вы пытались убедить меня.

- Так он сказал? - Луиза отпустила руку Тесс и отвернулась. - Этого следовало ожидать.

Тесс снова двинулась к выходу, однако у двери остановилась и обернулась. Ее лицо выражало негодование.

- Вы пытаетесь убедить меня, что это он солгал мне?

Поднеся руку ко рту, Луиза едва слышно всхлипнула и опустилась на грязную скамью. Ее плечи вздрагивали. Нащупав в сумочке носовой платок, она приложила его к губам.

- Мне очень стыдно, - прошептала Луиза. - Я не вынесу этого! Я пришла к вам, леди Коллир, только для того, чтобы уберечь вас от такой же глупости!

- Не понимаю, о чем вы говорите, - резко произнесла Тесс.

Луиза подняла голову, ее лицо было красным от слез.

- Да, я солгала вам, леди Коллир, но только потому, что мне было очень стыдно. О, я погибла... Лучше бы я никогда не встречала его!

- Кого?

- Этого мужчину... этого подлеца, который выдает себя за моего кузена!

- Грифона Эверетта? Что значит «выдает»...

- Это значит, что он не мой кузен, леди Коллир! - воскликнула Луиза. - Он самозванец, а я и моя семья способствовали осуществлению его гнусных планов. Теперь мне приходится расплачиваться за это! Я хочу только, чтобы вы избежали подобной участи, а может быть, еще худшей!

- Он не ваш кузен? - ошеломленно переспросила Тесс. - А кто же тогда?

Луиза прикрыла глаза рукой и покачала головой:

- Я не знаю! Он прибыл к нам с письмом от друга моего отца Абрахама Тейлора, который просил принять его в качестве одного из наших родственников, и все ради вас, леди Коллир! Мистер Тейлор рассчитывал тем самым защитить вас. Этот человек обязан наблюдать за вами до тех пор, пока вы не выйдете замуж.

- Наблюдать и защищать? Но от кого?

- От охотников за приданым. - Луиза снова всхлипнула. - Мистер Тейлор не знал, что посылает

лисицу сторожить курятник.

- От охотников за приданым? - недоверчиво произнесла Тесс. - Какая чепуха! Я не младенец. Мне не верится, что мистер Тейлор устроил все это, чтобы защитить меня от охотников за приданым... а если бы и так, то я бы знала об этом.

Луиза фыркнула:

- Это предполагалось делать тайно, не знаю почему... Может быть, мистер Тейлор боялся, что это огорчит вас или вызовет подозрение. Конечно, вы не верите мне; я и не рассчитывала на ваше доверие. Но взгляните на это, леди Коллир! - Она снова порылась в своей сумочке и извлекла сложенный листок бумаги.

Тесс развернула документ; это оказалось письмо, содержание которого было изложено скучным юридическим языком:

«В расчете на оказание услуг, включающих исследование финансового положения и моральных качеств любого претендента, который может попросить руки леди Терезы Элизабет Коллир, единственного оставшегося в живых ребенка Роберта Эдвина Коллира, последнего графа Морроу, а также в расчете на поддержку отношений доверия между капитаном Грифоном Фростом и леди Коллир до ее будущего замужества, я, Абрахам Тейлор, согласен выплатить Грифону Фросту указанную ниже сумму в указанный ниже срок. Этот договор имеет силу при условии, что леди Коллир не будет знать об оговоренных услугах в период, когда эти услуги могут осуществляться, и теряет силу в тот момент, когда леди Коллир перестанет быть одинокой женщиной».

Подпись Тейлора была хорошо знакома Тесс, да и аккуратный почерк капитана Фроста тоже - ведь им были написаны письма ее отцу. Указанная сумма оплаты была такой, что у Тесс перехватило дыхание. На мгновение в голове ее возникла картина, как Гриф в парке охотно обсуждает с ней достоинства претендентов на ее руку. Казалось, он знал о них слишком много для человека, недавно прибывшего в Лондон. Тогда это обстоятельство ускользнуло от нее. Его имя было не Эверетт, а Фрост, но настоящее ли оно? И что вообще она знает о нем? Тесс смущенно посмотрела на Луизу.

- Я должна была повидать вас, леди Коллир! - Луиза достала платок и вытерла слезы. - Он отговаривал меня и даже угрожал! Я опасалась за свою жизнь. Вы не представляете, каково узнать, что человек, который выглядел таким любезным и мягким, в действительности оказался чудовищем! Капитан Фрост соблазнил меня лживыми словами о любви. Он сделал мне предложение - да-да, в этом я не солгала! Я поверила ему, потому что была глупа, и теперь на всегда опозорена.

Тесс беспомощно смотрела в полные слез глаза Луизы, а та, внезапно соскользнув со скамьи, опустилась на грязный пол у ног Тесс и ухватилась за подол ее юбки.

- О, вам трудно меня понять, бедный невинный ягненок! Вы не знаете, в какую пропасть может быть брошена женщина! Я ношу его ребенка, леди Тесс. Это мой позор! - Она резко отвернулась. - Я поверила его словам о любви и думала, что стану женой этого человека, но вместо этого он превратил меня в шлюху!

Потрясенная этими словами, Тесс в ужасе отступила назад, а Луиза разразилась рыданиями.

- О, теперь вы презираете меня! Я знала, что так и будет, хотя до последней минуты надеялась, что он женится на мне. Я говорила вам, что мы еще в детстве любили друг друга, но это была

единственная ложь, чтобы прикрыть мой грех! Оказалось, что Фрост не намерен жениться на мне. Он польстился на вас, на ваши деньги! Я не могла даже предположить, что он заставит вас полюбить его, как это случилось со мной! Узнав, что он встречается с вами в парке, я попыталась остановить его и умоляла уберечь меня от позора. Сегодня утром я снова приходила к нему с этой просьбой... – Задыхаясь, Луиза прижала платок к глазам. – Он посмеялся надо мной, а потом сказал, что вы согласились выйти за него замуж и было бы глупо упустить такую возможность. О, леди Тесс, простите меня! Простите меня, но я не могу позволить вам выйти замуж за него по своей наивности!

Вес в душе Тесс словно перевернулось. В оранжерее вдруг стало душно и жарко. Образ Грифа, описанный Луизой, казался неправдоподобным, но... Луиза, когда-то надменная юная леди, действительно лежала сейчас рыдая у ее ног, и Тесс сомневалась, что поведение несчастной было притворством. К тому же этот договор... Неужели его дружба, забота – все ради денег? Вероятно, Гриф, Фрост, или кто он там есть на самом деле, считал ее ужасно глупой, так как она попала на его удочку. Она сама облегчила его задачу, попросив жениться на ней.

Тесс почувствовала, как к ее горлу подступил ком. О Боже, неужели все это было ложью? Как он мог целовать ее так нежно и страстно, зная, что Луиза беременна его ребенком?

Проклиная документ, который держала в руке, Тесс бросилась к двери оранжереи и остановилась только раз, чтобы оглянуться. Луиза, подняв голову, протягивала к ней руки, словно умоляя поверить ее словам, но отчего-то это зрелище вызвало у Тесс не жалость, а отвращение. Она не могла говорить и, покачав головой, выскочила на свежий воздух, по дороге порвав рукав платья о шип розы, когда споткнулась у двери оранжереи.

Гриф стоял на противоположной от коринфского великолепия Морроу-Хауса стороне улицы, под массивной оградой Гайд-парка, не замечая грохочущего утреннего уличного движения по Парк-лейн. Прошло всего два дня с тех пор, как он был здесь последний раз, но ему казалось, что минуло целых два столетия. Теперь он чувствовал себя гораздо старше, чем прежде: в онемевшей душе образовалась пустота, и он никак не мог заполнить ее.

В то памятное утро он ушел из этого дома, проклиная себя и свое безумие. В момент непростительной слабости он дал обещание, на которое не имел права, и к тому же осложнил ситуацию, рассказав об этом Луизе. Если новость еще не распространилась по всему Мейфэру, то это можно объяснить только тем, что какие-нибудь головорезы похитили Луизу и заткнули ей рот кляпом.

Однако где-то в глубине сознания Гриф радовался, что совершил эту глупость. Теперь пути назад уже не было, и это являлось для него некоторым утешением. Он нуждался в Тесс, как утопающий, хватающийся за спасительную ветку. Он хотел видеть ее, прикоснуться к ней, чувствовать ее сильное грациозное тело, вкушать сладость ее теплых губ. Она стала средоточием его стремлений в этом опустевшем мире; наполненная жизнью, она по чудесному стечению обстоятельств принадлежала ему.

В конце концов Гриф решил рассказать ей все о себе: кем был он на самом деле и как сложилась его жизнь. Она, конечно, не поверит, да и какой разумный человек может поверить в его невероятную историю... И все же он попытается. Она сказала, что любит его, и это вселяло в него надежду.

Увернувшись от omnibusа, Гриф пересек улицу и поднялся по ступенькам крыльца Морроу-Хауса. Открывший дверь дворецкий встретил его с тем же скептическим выражением лица, что

и в прошлый раз. Правда, тогда Грифа заставили ждать, а сейчас сразу предложили пройти в холл, что являлось некоторым прогрессом. Но согласится ли леди Коллир увидеться с ним?

Дворецкий исчез и вскоре вернулся. Она согласна, но просит подождать в библиотеке. Что ж, отлично.

Ждать пришлось довольно долго. Мозг Грифа лихорадочно работал, сердце неистово колотилось, хотя внешне он был спокоен. Когда Тесс наконец вошла в комнату, он шагнул ей навстречу.

Тесс прекрасно выглядела в темно-розовом платье с небольшим белым бантом на кремовом вороте, но ее лицо было бледнее обычного. Она не улыбалась, и Гриф подумал, что, возможно, Тесс сердится на него за долгое отсутствие.

Он подошел к ней и коснулся ладонью ее щеки.

- Простите, я не мог прийти раньше.

Она посмотрела на него быстрым, напряженным взглядом голубовато-зеленых глаз и отвернулась. Гриф хотел поцеловать ее, но Тесс по-прежнему не улыбалась и молчала. Выражение ее лица было напряженным, в уголках полных губ обозначились белые линии.

Гриф ждал с таким чувством, будто находится на краю пропасти.

- Я люблю вас, - сказал он с отчаянием.

Тесс слегка вздрогнула и прошла мимо него. Ее широкая юбка коснулась его ноги, когда он повернулся, и на этом контакт закончился. Она остановилась на другой стороне комнаты и посмотрела на него взглядом, словно предупреждавшим, чтобы он не следовал за ней.

- Я виделась с Луизой.

Какое-то мгновение Гриф ничего не мог понять. Что она имела в виду и что Луиза могла сказать ей?

- Что бы она вам ни наговорила, она лжет.

Гриф тут же понял свой промах. Голубые глаза Тесс стали холодными как лед.

Она вытянула вперед руку с листком бумаги:

- И об этом тоже?

Гриф молча посмотрел на нее; листок слегка дрожал в ее руке.

Поняв, что он не собирается брать в руки документ, Тесс судорожно развернула его и начала читать: «в расчете на оказание услуг, включающих...»

Гриф внимательно слушал. Ее голос звучал почти естественно и слегка дрогнул, лишь когда она дошла до места, где говорилось о «доверии». Ему показалось, что в этот момент в ее голосе прозвучали гневные ноты, но она не заплакала.

После того как Тесс закончила, она повторила упоминание обещанных сумм с особым ударением и гордо подняла голову.

- Вы видели этот договор раньше? - спросила она тоном судьи.

- Да.

- Это ваша подпись?

- Да.

- Значит, ваше имя не Эверетт?

У Грифа мелькнула сумасбродная мысль рассказать ей правду, но тут же исчезла.

- Нет, не Эверетт, - ответил он.

- И вы не являетесь кузеном Луизы?

- Пожалуйста... - начал Гриф, но ее побелевшее лицо заставило его замолчать. Он опустил поднятую руку. - Нет, не являюсь, и вы должны знать это.

- Теперь знаю.

Он увидел, как задрожали ее губы. Тесс быстро опустила голову, но затем снова приняла холодный вид.

- Вы и теперь будете утверждать, что Луиза лгала?

Гриф заколебался. Его до сих пор не покидало воспоминание о лежащем в гробу Грейди, и он мог снова совершить ошибку, а потому предпочел промолчать.

- Значит, нет. - Тесс кивнула. - Вы лгали мне. Вы опорочили честную девушку.

Сердце Грифа болезненно сжалось.

- Неправда, - глухо произнес он.

- Какие у вас есть доказательства? - выкрикнула она. - Вы можете сказать мне хоть что-нибудь, во что я могла бы поверить?

Гриф беспомощно развел руками.

- Что вы хотите услышать от меня?

- Скажите, что этот документ фальшивый и что вы не притворялись моим другом за деньги и не преследовали меня ради моего состояния! О Боже, скажите же что-нибудь, только не стойте там, словно убитый горем герой после потери лучшего друга!

Из горла Грифа вырвался какой-то неопределенный звук. Возможно, такой смешок мог бы издать покойник. По крайней мере Тесс поняла этот звук именно так, отправляя Грифа на тот свет осуждающим взглядом широко раскрытых глаз.

- Я ненавижу вас, - дрожащим голосом сказала она. - И презираю.

Гриф сам ненавидел и презирал себя. Видимо, он как-то неправильно вел себя, что позволило Тесс поверить в такие чудовищные вещи. Он не мог доказать ей, что в данном случае деньги не

имели для него значения, что он подписал договор почти против своей воли, потому что не мог отказаться и потому что у него не было другой возможности быть рядом с ней.

Доказательства... Какие тут могут быть доказательства? Их отношения могли основываться только на доверии и любви, а в отсутствие того и другого он чувствовал, как последние искры жизни затухают в нем. Наверное, ему следовало бы упасть на колени, но остаток гордости не позволял сделать это. К тому же подобное унижение все равно бы ничего не изменило. Тесс уже приняла решение.

- Полагаю, вам нечего больше сказать? - спросила она ледяным тоном.

«Я люблю вас», - мысленно ответил он, но его губы остались неподвижными.

Тесс ждала довольно долго, но наконец ее терпение закончилось.

- Я приняла предложение мистера Элиота. То, что было между вами и мной, следует забыть. Надеюсь, вам это понятно?

Гриф не шелохнулся. Он уже был мертв внутри.

- Понятно.

- В таком случае вы можете идти. - Она закусила губу. - Я больше не желаю вас видеть.

Голос Тесс странно дрогнул на последних словах, и Гриф пристально посмотрел на нее. У него было ужасное предчувствие, что он может сейчас закричать от горя. Его горло сжалось. Он попытался заговорить, но не смог. Вместо этого он развернулся и зашагал по ковру, ничего не видя, кроме зеленых, голубых и светло-серых полос.

Подойдя к закрытой двери, Гриф остановился. Темная резная панель двери показалась ему пропуском к ужасной черной яме. Он вытянул руку и открыл дверь, потом шагнул в никуда и осторожно закрыл ее, воздвигнув непреодолимое препятствие между собой и Тесс.

В полночной темноте корабль не было видно. Накануне Гриф перегнал его вверх по реке на дешевую стоянку в Блэкуолл-Рич. Корабль был готов снова выйти в море с очередным грузом Тейлора.

На отвратительном илистом берегу, покрытом водорослями, лежала перевернутая шлюпка, сторожить которую было поручено мальчику, прислуживающему в таверне. Слегка пошатываясь, Гриф приподнял шлюпку и подтянул ее на скользкие камни. Он был пьян, но все еще достаточно хорошо соображал и, руководствуясь давней привычкой, спустил небольшое суденышко на воду. Мерцающие огни таверны стали быстро удаляться, так как во время отлива скорость течения существенно возросла.

На середине реки в безлунной темноте ему показалось, что все вокруг несется куда-то в пустоту. Он налег на одно из весел и развернулся, вглядываясь в головокружительную панораму, чтобы как-то сориентироваться в темноте.

Мрачная река была усеяна крошечными огоньками фонарей, установленных на носах и топ-мачтах чернеющих повсюду грузовых судов. Ветер дул против течения, и водная рябь искажала их отражения; отовсюду доносились скрип деревянных корпусов и позвякивание якорных цепей. Все вокруг выглядело странно незнакомым. Вверх и вниз по реке огоньки казались одинаковыми, не выделяющимися ни по форме, ни по другим признакам.

Гриф вдруг обнаружил, что оказался среди стоящих на якоре кораблей быстрее, чем ожидал. Их натянутые цепи слегка позвякивали, волны, набегая время от времени, с глухим стуком медленно ударялись о борт.

Он начал кружить в темноте среди кораблей, вглядываясь в их очертания, но то ли ветер сменился, то ли Гриф потерял ориентацию... Подплывая то к одному кораблю, то к другому, он пытался различить их названия и контуры, снова и снова вглядываясь в носовые украшения. Одно из названий показалось ему знакомым; Гриф поднял весла и, пустив лодку в дрейф, стер ладонью пот с лица. При этом он ощутил вкус крови на губах и посмотрел на свои руки, которые, сделавшись изнеженными за последнее время, теперь кровоточили. И все же он не чувствовал боли, только какое-то странное оцепенение в душе.

Миновав последний фонарь, освещавший нос незнакомого корабля, Гриф очутился в полной темноте. Он окончательно заблудился, но это несколько не беспокоило его, и он продолжал бесцельно плыть по течению.

Неожиданно впереди послышались шум двигателя и плеск воды, а затем появились красные сигнальные огни парохода с гребными колесами по обеим сторонам, которые выглядели как два белых призрачных крыла. Хотя Гриф знал, что находится на его пути, он лишь безучастно посмотрел на пароход, в то время как течение несло его лодку навстречу приближающемуся судну. Он устал. Устал думать. Устал чувствовать. Вода была темной и холодной, а пытение парового двигателя казалось теплым и близким, как биение сердца, заставляющего кровь циркулировать по жилам. Стоило немного задержаться на пути этого парохода, и тогда... Тогда не надо будет больше бороться за свое существование, бояться чего-то и страдать в одиночестве. Ему станет легко-легко...

Когда пароход уже почти навис над ним, шлюпка Грифа поднялась на волне и ее отбросило в сторону, так что она со скрежетом процарапала борт большого судна. Поднятые весла задержались в его руках, и шлюпка едва не перевернулась. Звук гребных колес превратился в угрожающий рев. Они надвигались, низвергая воду, подобно дьявольскому водопаду. При виде вздымающегося колеса Грифа пронзил ужас. Он ухватился за весло и уперся им в борт парохода, пытаясь оттолкнуться. Вал падающей воды с силой отбросил шлюпку в белый пенящийся след, и она завертелась, словно щепка. Огромное колесо прошло в шести дюймах от кормы, и Гриф едва не соскользнул в водоворот, который мог в одно мгновение поглотить его.

Гребное колесо скрипнуло и остановилось. В ночном воздухе раздался глухой свист - это пароход выпустил пар.

Свист затих, и Гриф услышал топот ног и взволнованные крики; потом сверху полетел спасательный круг. Он взглянул на высокий металлический борт судна и, сложив ладони рупором, крикнул:

- Эй, там! Не суетитесь! Я на плаву!

В свете огней парохода Гриф увидел свесившиеся через поручень головы.

- Придурок на паршивой лодчонке! - ворчливо прозвучал чей-то голос. - Ты еще жив, черт бы тебя побрал?

- Жив. - Гриф слегка оттолкнулся от парохода и вытер рукавом мокрое лицо. - Вы тут ни при чем, это моя вина.

- Бог мой, парень, ты едва не встал поперек корабля! Мы могли сломать твою посудину

пополам!

- Я знаю, - печально сказал Гриф. Его ботинки на несколько дюймов погрузились в воду, скопившуюся на дне лодки.

- Кстати, если бы не носовой огонь этого абердинского клипера передо мной, я шел бы по направлению к Вулиджу и ты оказался бы на дне. Как ты мог допустить такую оплошность - ты что, не заметил нашего приближения?

Гриф посмотрел туда, куда указывал мужчина, и увидел единственный мерцающий огонек. Он тут же вспомнил карту бухты, и все встало на свои места. Ему не надо было вглядываться в темноту, чтобы узнать очертания корабля, его мачты и элегантный изгиб корпуса.

Гриф взглянул на палубу парохода.

- Я пропустил пару стаканчиков и потом заблудился, - нашел он единственное оправдание своему поведению. - Зато теперь я совершенно трезв.

- Еще бы, после такого испуга! Ты можешь сам двигаться по реке, приятель?

- Да. Между прочим, это мой корабль.

- Вот как? Значит, вы офицер?

Гриф немного поколебался, затем ответил:

- Я капитан.

Послышался короткий хохот.

- Ну и ну! В таком случае в следующий раз берите с собой юнгу, сэр, и впредь будьте осторожны. - Над водой снова разнесся смех, и пароход пришел в движение. - А еще никогда не думайте о смерти, пока есть хоть какая-то надежда!

Эти слова заставили Грифа перестать грести. Он молча наблюдал, как пароход пускает пар из своей большой трубы. Наконец колеса начали вращаться, и пароход двинулся против течения; его огни стали постепенно удаляться вверх по реке.

Вокруг вновь было тихо. Слышались только лай собак на отдаленном берегу и слабое поскрипывание корпуса «Арканума» под легким ветром.

«Никогда не думай о смерти».

Гриф начал приближаться к кораблю, который спас его своим сигнальным огоньком. Судно возникло из темноты, реальное и надежное, терпеливо ожидая своего капитана. Это единственная любовь Грифа, и она никогда не покинет его. Они будут неразлучны, пока он жив. А когда погибнет корабль, он погибнет вместе с ним.

«Никогда не думай о смерти», - снова промелькнуло у него в голове.

Грейди сказал бы ему то же самое.

Глава 9

И снова пришла весна.

Мысль об этом вызвала у Тесс слезы. Она часто плакала теперь, плакала молча, без эмоций; слезы текли сами по себе, подобно крови из незаживающей раны.

В темной галерее, куда свет проникал лишь через щели над дверьми, на нее с огромных портретов недоброжелательно смотрели предки Ашлендов, в то время как она сидела съежившись в углу. Тесс могла спать только в этом углу ненавистной комнаты, потому что когда-то висевший здесь портрет был удален, оставив след в виде контура на выцветшей стене. Только здесь Стивен не донимал ее нелепыми, являющимися плодом большого воображения фантазиями, которые он стремился претворить в жизнь. Это было его своеобразным жестоким наказанием за свою неудачу полностью подчинить жену. Пока она не будет делать то, что ему нравится, пока не перестанет сопротивляться, ей придется страдать.

- Леди Тесс, - мягко обратился к ней мистер Тейлор, возвращая ее и помогая понять, что в действительности она находится в библиотеке Морроу-Хауса, а не в галерее Ашленда. Теперь Тесс часто погружалась в воспоминания. Ее душевные раны не заживали так быстро, как покраснения на руках и ногах, явившиеся результатом обморожений, полученных в течение долгих зимних недель, проведенных в холодной комнате, где не было ни постели, ни одеяла и где приходилось по утрам разбивать лед в тазу, чтобы умыться и попить воды.

Тесс слабо улыбнулась мистеру Тейлору, все еще удивляясь его присутствию, а также той обыденной повседневности, которая казалась нереальной после пережитых в браке со Стивеном Элиотом кошмаров. Потом она перевела взгляд на стопку бумаг, которую Тейлор выложил перед ней, и сказала:

- Кажется, вы все предусмотрели.

Мистер Тейлор с озабоченным видом подошел к Тесс и положил руку ей на плечо.

- Я хочу, чтобы вы поехали со мной домой.

Тесс взглянула в окно. На дворе стоял апрель, на деревьях набухали почки. В природе снова происходила неумолимая смена времен года.

- К сожалению, я не могу поехать с вами, - ответила она.

- Тогда что я скажу миссис Тейлор?

- Передайте ей мои наилучшие пожелания, - сделав паузу, Тесс закрыла глаза, - и скажите, что я должна найти его.

- Капитана Фроста, - произнес мистер Тейлор скорее утвердительно, чем вопросительно.

Тесс кивнула.

- А если это не удастся?

- Тогда приеду к вам. Но сперва я должна попытаться.

Мистер Тейлор больше не возражал. Они уже обсуждали этот вопрос прежде в течение нескольких недель, после того как он прибыл из Бразилии. Узнав, что происходит с Тесс, он взломал резную дверь галереи Ашленда и обнаружил бедняжку, съежившуюся в комнате, где

Стивен держал ее взаперти. В тот день луч света, проникший сквозь разбитую дверь, едва не ослепил ее, а звук знакомого голоса, выражающий гнев и потрясение, показался ей чудом. Мистер Тейлор вынес ее из темноты на свет и свежий воздух. После шести месяцев мучений он освободил ее, и это стало возможным потому, что Гриф сообщил ему о бедственном положении Тесс.

Ее взгляд блуждал по комнате. Когда-то Гриф был здесь; вот там он опустился на колени и сказал, что любит ее; а там стоял, выслушивая оскорбления, не протестуя, с молчаливым терпением. Увы, тогда она не могла понять его. Она не знала, что на свете существуют такие женщины, как Луиза Грант-Гастингс, пока весь Лондон не был потрясен ужасными новостями о существовании внебрачного ребенка лорда Фолкена и о том, сколько герцог заплатил Луизе, чтобы та оставила его в покое. Она не представляла, каким благородным оказался Гриф, пока не узнала от своего опекуна, что капитан Фрост не взял ни пенни за свои услуги, так как, по его мнению, не оправдал оказанного ему доверия. Она не знала и не могла даже вообразить, какие чудовища существуют на свете в образе элегантных мужчин...

Не знала, пока Стивен не пришел в ее комнату в брачную ночь.

Тесс была крайне напугана в ту первую ночь в Ашленде, страшно нервничала и чувствовала себя несчастной. Все благие намерения сделаться хорошей женой отошли на второй план, когда она осознала, какое обязательство взяла на себя. Она сидела в шелковом халате за туалетным столиком в большой старинной спальне и думала... о Грифе. Разумеется, Тесс пыталась сосредоточиться на Стивене, оценить его живой ум, учтивость, почтительность, которую он всегда проявлял по отношению к ней, а также то, как он сопровождал и поддерживал ее на приемах в светском обществе. Всем своим поведением Стивен давал ей понять, что будет защищать ее и глубоко уважать, а она надеялась, что за его обещаниями стоит нечто большее, чем золоченая клетка, в которой содержат хорошенькую птичку. Но все ее попытки думать о Стивене оказались напрасными. Сидя перед зеркалом и будучи замужней женщиной перед Богом и людьми, она не могла отделаться от мыслей о другом мужчине и понимала, что в душе никогда не сможет стать истинно преданной своему мужу.

Ее любовь к Грифу позволила ей сохранить здравомыслие в дальнейшем. Она никогда не любила Стивена, не любила с самого начала, и поэтому ей надо было за что-то уцепиться, когда под его внешней благообразной оболочкой обнаружилось настоящее безумие.

Все началось с ребенка, маленького мальчика, который потихоньку вошел в спальню в тот вечер и встал, робко глядя на нее. Она удивленно повернулась к нему, но мальчик молчал, и Тесс потребовалось некоторое время, чтобы обрести голос, прежде чем она, слегка улыбнувшись, сказала:

- Привет. Ты кто?

Он приложил палец к губам и ничего не ответил. Тогда Тесс озадаченно посмотрела на его белое просторное одеяние, а потом заглянула в большие серые глаза.

- Ты потерялся?

Мальчик колебался какое-то мгновение, затем покачал головой.

- Как тебя зовут? - спросила Тесс.

- Сэмми, мэм.

Его слова сопровождалось боязливым морганием, словно ребенок ожидал наказания за то, что осмелился заговорить. Тесс снова улыбнулась, ободряя его, но ответной улыбки не последовало.

- Где твоя мама, Сэмми? Наверное, в этот поздний час она ждет тебя, чтобы уложить в постель.

Тесс решила, что, должно быть, мальчик является ребенком какой-нибудь служанки и, убежав от матери, он отважился на небольшое ночное приключение. Прибыв в Ашленд днем, она еще не успела познакомиться со слугами.

Тесс протянула руку к шнуру звонка, чтобы вызвать служанку, и это движение заставило мальчика сдвинуться с места. При этом один рукав его рубашки немного задрался кверху, обнажив глубокую красную полосу на запястье.

Тесс нахмурилась; она сразу догадалась, что у малыша сильное воспаление кожи.

- Сэмми, - мягко сказала она, стараясь не испугать ребенка, - ты, кажется, повредил руку.

Он настороженно смотрел на нее.

- Подойди сюда.

Мальчик осторожно двинулся в ее сторону. Когда он приблизился, Тесс взяла его руку и почувствовала, как он весь напрягся от этого прикосновения.

- Я не причиню тебе вреда, - пообещала она. - Позволь мне только осмотреть твою рану. О Боже, Сэмми, как ты ухитрился так покалечить себя?

Малыш склонил светловолосую голову и посмотрел на свое запястье так, будто был озадачен не меньше, чем она. Казалось, он хотел что-то сказать, но в следующее мгновение его глаза расширились и он испуганно уставился в зеркало позади нее.

Тесс невольно проследила за его взглядом и, с трудом подавив крик, застыла, словно статуя.

Позади нее в зеркале виднелось отражение мужчины. Пока ее пальцы сжимали руку Сэмми, она не отрываясь смотрела на привидение в черном. Один лишь белый капюшон выделялся в полумраке, напоминая череп. На мгновение Тесс охватил ужас: она не могла ни шевелиться, ни думать, лишь протянула руку к шнуру звонка и начала исступленно дергать его; нона ее вызовы так никто и не откликнулся, хотя снизу доносился жуткий трезвон.

Тесс продолжала дергать шнур, надеясь, что пришелец исчезнет при виде поднятой тревоги, но он не исчезал и продолжал стоять, наблюдая за ней.

Наконец Тесс перестала дергать шнур и, повернувшись, прикрыла собой Сэмми.

- Что вам здесь надо? - резко спросила она. - Немедленно уходите отсюда.

Вдруг ей показалось, что в глазах, не мигая смотревших на нее сквозь прорези капюшона, появилась угроза.

Нащупав позади себя туалетный столик, Тесс выдвинула ящик.

- У меня есть пистолет, - солгала она, - и я знаю, как им пользоваться.

Призрак сделал шаг вперед, и сердце Тесс сжалось от страха.

- Не приближайтесь! - Она сжала в руке щетку для волос и выставила ее вперед так, чтобы ручка выпирала из-под тонкого материала ночного халата. - Я буду стрелять!

- Мальчик, - прошептал призрак, - подойди сюда.

Неожиданно Сэмми высвободил руку и послушно приблизился к темному силуэту. Тесс хотела остановить мальчика, но что-то в его маленьком серьезном личике заставило ее передумать.

- Вы не имеете права находиться здесь, - сказала она в отчаянии. - Сейчас сюда придет мой муж.

Из-под капюшона донесся жуткий смех.

- А я уверен, что у меня есть на это право.

Тесс продолжала сжимать щетку для волос, не в силах оторвать глаз от странного белого пятна, находившегося на месте лица призрака. Ее воображением завладели рассказы о жертвах, найденных с перерезанным горлом. Ноги Тесс ослабели. Ради Бога, где же слуги? Почему они не отвечают на ее зов?

Внезапно призрак вытянул руку в черной перчатке и медленно погладил мальчика по светлой голове, - жест, показавшийся Тесс одновременно и ласковым, и страшным. Она продолжала наблюдать, едва дыша. Этот жест, этот шипящий голос, рост, контуры фигуры...

- Это ты, Стивен? - наконец произнесла она сдавленным голосом.

Безликая маска снова уставилась на нее.

- Что... что все это значит?

Его молчание было более зловещим, чем слова. Теперь Тесс уже не сомневалась, что это ее муж. Она попыталась как-то объяснить себе столь нелепый маскарад, но безотчетный страх по-прежнему продолжал сжимать ее грудь. Может быть, это просто шутка, какая-то неизвестная ей традиция, смысл которой она не может понять? Во всяком случае, ей это совсем не нравилось.

- Стивен, - сказала она дрожащим голосом, - я хочу, чтобы ты объяснил, как это следует понимать. Ты пугаешь меня своим... нарядом.

Внезапно призрак пересек комнату и подошел к ней так близко, что Тесс инстинктивно отступила назад и уперлась спиной в туалетный столик. И тут же Стивен схватил ее за подбородок и заставил смотреть в безликую маску. Тесс попыталась вырваться - она не ожидала такого грубого захвата. Его пальцы причиняли ей боль, а она все старалась увидеть его глаза под капюшоном. Только теперь Тесс начала понимать, что он старался по сильнее напугать ее.

- Пусти! - Она постаралась, чтобы ее голос звучал тверже.

Наконец Стивен выпустил ее, но она даже не успела прислониться к столу: его руки поднялись и схватили ее за плечи, затем пальцы скользнули внутрь высокого ворота халата и устремились вниз, слишком быстро, чтобы можно было как-то ускользнуть от них. Пуговицы с треском

растегнулись, и пальцы потянули шелк вниз, обнажая ее бледные плечи. Тесс покраснела от стыда, страха и гнева. Его намерения теперь были ей абсолютно ясны, но... Раз это часть брачного ритуала, она должна подчиниться. Однако маска, перчатки, ребенок – все это выглядело слишком странным и угрожающим. Темные прорезы смотрели на нее, как глаза змеи, и она почувствовала приближение неудержимо надвигавшейся истерики.

Но в тот самый момент, когда она уже собиралась вырваться и убежать, Стивен вдруг отвернулся от нее с явным отвращением.

Когда он выпустил ее, Тесс едва не упала. Расслабившись, она на мгновение забыла о Сэмми, однако его приглушенное хныканье снова привлекло ее внимание, и она взглянула на мальчика, который весь сжался под жутким взглядом Стивена. Тревога и страдание, отразившиеся на маленьком личике, ошеломили ее. Тесс вдруг с ужасом поняла, что должно последовать далее.

- ... аннулирование, - монотонно звучал голос мистера Тейлора. Тесс открыла глаза и только тут поняла, что держала их плотно закрытыми при воспоминании об ужасах первой брачной ночи.

Посмотрев на бумаги, она тяжело вздохнула, и мистер Тейлор тут же сделал паузу.

- Хотите отдохнуть? Мы можем закончить завтра.

- Нет-нет, - быстро возразила Тесс. - Давайте покончим с этим делом как можно скорее.

Тейлор кивнул и продолжил невозмутимым тоном, как будто это было обычное дело, а не долгое и медленное возвращение из ада:

- Вот свидетельство доктора, в котором говорится, что вы были обследованы, и констатируется, что ваш брак не получил надлежащего завершения. Этот документ необходимо сохранить, учитывая враждебную позицию мистера Элиота в отношении аннулирования брака, и тем самым предвосхитить попытки в будущем пересмотреть решение церкви.

Враждебная позиция. Какими сухими казались юридические термины, за которыми скрывались ярость и ответные угрозы со стороны Стивена. Он не позволил бы ей уйти без борьбы, если бы не боялся скандала; зато быстрое и тихое аннулирование брака уберегало Элиота от опубликования на страницах «Таймс» заметок о его грязных утехах.

Но Тесс уже не думала об этом. Мысли о том, чтобы попытаться предотвратить появление новых жертв, исчезли после долгого заточения в мрачной галерее. Зато на ее глазах появлялись слезы всякий раз, когда она вспоминала. о Сэмми. Она не видела его после той ночи. Все эти ужасные месяцы ей приходилось общаться лишь со Стивеном и слугой, который приносил ей еду в таком количестве, чтобы только не дать умереть от голода. Слуга был таким же ужасным монстром, как и Стивен; он появлялся, когда становилось достаточно темно, и ни разу не разговаривал с Тесс, а лишь наблюдал за ней, но она чувствовала его присутствие в темноте. Часто, очнувшись после тревожного сна, она видела тусклый огонек его сигары, освещавший бородатый подбородок, - слуга нагло стоял у двери, давая ей понять, что она не сможет удрать.

- Вы уверены, что не хотите уведомить своих родственников? - спросил мистер Тейлор. - Боюсь, они будут тревожиться, не зная, где вы находитесь.

Тесс сжала губы.

- До сих пор они не проявляли особой тревоги обо мне, - сказала она, стараясь не выдать боль, однако ее голос предательски дрогнул. - Никто ни разу не поинтересовался у Стивена, где я была все это время, и я не хочу, чтобы кто-то знал, что мне пришлось пережить.

Мистер Тейлор кивнул.

- Думаю, на сегодня достаточно, - мягко сказал он. - Вы должны были ознакомиться с документами, но у вас нет необходимости заниматься ими лично. Я постараюсь устроить все наилучшим образом.

- Благодарю вас. - Стараясь сдержать подступившие слезы, Тесс прижала носовой платок к губам. - Вы позаботились... еще кое о чем?

Мистер Тейлор откашлялся.

- Я открыл счет и перевел на него деньги. Сделать больше я не мог, не зная...

- Я найду его, - упрямо сказала Тесс, комкая платок. - Обязательно найду.

- И что потом?

Она опустила глаза.

- Потом я попрошу его простить меня.

Мистер Тейлор потрогал бакенбарды и пристально посмотрел на свою подопечную.

- Леди Тесс, вы еще не совсем оправились после всего пережитого. Может быть, вам следует немного по - Дождать и получше разобраться в своих чувствах? Я хочу, чтобы вы были счастливы, но не представляю, что, кроме горя, может принести осуществление ваших намерений.

- Опасаетесь повторения истории с превосходным Стивеном Элиотом? - В голосе Тесс прозвучала горечь.

- Конечно, нет. Но я не хочу, чтобы вы ошибочно приняли благодарность за любовь.

Тесс покачала головой:

- Вы не понимаете...

- Напротив. - Тейлор сокрушенно вздохнул. - Боюсь, что понимаю слишком хорошо. Вы думаете, что любите Фроста. Может быть, это и так. Однако мужчина, который приходил ко мне в Бразилии, по-моему, не склонен к сантиментам. Совершенно не склонен. - Он нахмурился. - Леди Тесс, пожалуйста, пересмотрите свои взгляды.

Тесс отвела глаза в сторону. Мистер Тейлор, возможно, был прав в своем суждении об отношении к ней Грифа, однако разве не он поехал в Пару, чтобы сообщить опекуну о ее безрассудном поведении, причем в таких крепких выражениях, которые заставили мистера Тейлора оставить больную жену и как можно скорее отправиться в Англию. Если бы не Гриф, она до сих пор мучилась бы в застенках Стивена. Он распространил в обществе историю о ее болезни, и если бы она умерла взаперти, те, кто знал ее, покачали бы головами и тихо сказали:

«Боже, какое несчастье... Она была так молода».

Выдержав паузу, мистер Тейлор со вздохом произнес:

- Как я понимаю, вы не измените своего решения?

Тесс кивнула.

- Тогда позвольте мне взяться за эти поиски. Есть такие места... - Он смущенно замолчал. - Боюсь, ваш капитан едва ли вращается в высших кругах.

Тесс почувствовала, как невольная улыбка чуть тронула уголки ее губ.

- Я знаю это.

Тейлор нахмурил брови, и лицо его стало суровым, хотя глаза продолжали сохранять доброжелательное выражение.

- Но это не соответствует моим представлениям о приличиях, леди Тесс.

На этот раз она не скрывала улыбки.

- По-моему, он вам нравится так же, как и мне.

- Вовсе нет. Я уверен, он отъявленный мошенник...

- И еще негодяй...

- Который не стоит даже горсти земли, по которой вы ходите. Учитывая ваше положение в обществе, ваше состояние, ваше происхождение...

- Учитывая все это, вы найдете его ради меня?

Мистер Тейлор сцепил руки за спиной и вздохнул:

- А что еще мне остается делать? Я попытаюсь, миледи. Клянусь честью, попытаюсь.

Гриф сидел развалившись в отдельной кабине и медленно отбивал кулаком ритм по обшарпанному столу. Кислый запах несвежего вина и табачного дыма наполнял спертый воздух в помещении таверны, хотя находиться снаружи в этот светлый августовский день в Лиссабоне было бы довольно приятно. Мужчина, сидящий напротив, прищурившись, молча наблюдал за ним.

Наконец Гриф оторвался от мрачного созерцания своей руки и произнес, мешая французские и английские слова:

- Я могу сделать все в лучшем виде.

- Сомневаюсь. - Ответ прозвучал на чистом французском, что было странно слышать в этом месте. Несмотря на неопрятную бороду, обтрепанную одежду и нож за поясом, мягкая кожа рук и надменная осанка человека свидетельствовали о том, что он не являлся моряком. Неудивительно, что его внешний вид раздражал Грифа. Неужели этот заносчивый месье думал, что обманет кого-то? Любой здесь мог мгновенно распознать его, и весь этот фарс только привлекал к ним обоим нежелательное внимание.

- Мы хотим иметь на борту двенадцать девятифунтовых пушек...
- И это, по-вашему, до смерти напугает американский «Род-Айленд»? – Гриф презрительно усмехнулся.
- Мы не рассчитываем, что вы захватите американский военный корабль, сэр.
- И хорошо, что не рассчитываете, потому что я не намерен делать этого, приятель.

Собеседник Грифа откинулся назад.

- Вы просто боитесь.
- Совершенно верно, черт вас побери, – раздраженно сказал Гриф.
- Мы обратились к вам, потому что нам вас характеризовали несколько... по-другому.

Гриф искоса взглянул на сидящего напротив джентльмена и продолжил ритмичное постукивание кулаком по столу, что явно не нравилось бородачу.

- Хорошо, пусть будет пятьдесят процентов, – наконец кивнул француз.

Гриф улыбнулся и отрицательно покачал головой, после чего начал заигрывать с официанткой, подошедшей с двумя кружками темного эля, за которые заплатил собеседник. Отсутствие у него интереса к заманчивому предложению было неподдельным. Гриф не испытывал желания становиться капером, но, с другой стороны, он был разорен. Потеря двух мачт во время шторма в Магеллановом проливе лишала его скудного дохода в течение более чем восьми месяцев, и он не мог решить свою проблему через агента по снабжению судна или диспетчера, ожидая от них сочувствия, когда денежные поступления на их счет были дважды просрочены. Исковому заявлению с требованием ареста судна уже был дан ход. Не имея достаточных средств, Гриф надолго застрял в Португалии, и его дальнейшие перспективы выглядели весьма мрачными. С одной стороны, ему хотелось встать и крикнуть в лицо этому болвану: «Я не пират», но, с другой, холодный расчет говорил о выгодности сделки.

Пытаясь подавить искушающий внутренний голос, Гриф напомнил себе, что он может стать тем, кого всегда ненавидел. Ему надо как-то пережить трудные времена и при этом сохранить корабль. Разве что-то изменилось в его убежденности по сравнению с теми временами, когда рядом был Грейди? Разумеется, нет; хотя теперь Гриф остался в одиночестве.

Француз приготовился привести еще один аргумент в свою пользу, и в этот момент головы всех присутствующих в таверне повернулись в сторону вновь прибывшего. Фигура человека, появившегося в дверном проеме, определенно заслуживала внимания: плотные фланелевые штаны, подкованные ботинки и парусиновые гетры выглядели довольно нелепо в данном месте, учитывая к тому же теплую португальскую погоду. Человек был небольшого роста, с розовыми от жары щеками, а когда он снял парусиновую шляпу, то под ней обнаружилась бледная лысина. Близоруко щурясь, он окинул взглядом помещение, словно крот, вылезший на свет, и внезапно обратился к хихикающей официантке с типичной британской формальностью.

Улыбка мгновенно сползла с лица Грифа, когда он услышал, что человек спрашивает что-то о капитане Фросте. Он даже успел приподняться, но девушка тут же с ухмылкой указала в его сторону, и надежда на уединение была утрачена.

Приблизившись к столу, за которым сидел Гриф, незнакомец довольно громко произнес:

- Майлс Сидни, сэр, ваш покорный слуга.

Взволнованное выражение лица сидевшего напротив француза явилось достаточной компенсацией для Грифа за нежелательное внимание.

- Добро пожаловать, мистер Сидни, - любезно произнес он. - Чем обязан?

- Я хотел бы обсудить с вами возможность зафрахтовать ваш корабль, - без тени смущения заявил мистер Сидни.

Гриф удивленно приподнял брови, затем кивнул в сторону француза:

- Кажется, образуется очередь.

- О, - сказал мистер Сидни, - значит, вы уже ведете переговоры?

- Кто именно хочет зафрахтовать мой корабль?

- Я и мой коллега.

- В качестве пассажиров?

- Не совсем так. - Лицо Сидни вспыхнуло энтузиазмом, и он, наклонившись вперед, пояснил: - Я знаю, что у вас есть опыт перевозки натуралистов и образцов растений, мистер Фрост. Вот почему я потратил чертовски много времени на поиски и наконец нашел то, что искал, а именно - вас. Видите ли, мой коллега и я - ботаники, и нам очень повезло - мы получили поддержку спонсора и теперь намереваемся собрать достойную коллекцию на побережьях южных морей. Это путешествие займет около восьми месяцев, а может быть, и больше, если экспедиция окажется успешной.

- Ага, значит, натуралисты? - Внезапно в голове Грифа возник образ, который он тут же со злобой отверг. - Но я никогда не принимал участия в экспедициях натуралистов.

- О, возможно, вам не приходилось участвовать в самом путешествии, зато я видел, в каком прекрасном состоянии находились образцы графа Морроу, когда они прибыли в Ботанический сад. Я сказал моему коллеге Томасу Картрайту - может быть, вы слышали о нем?.. Так вот, я сказал Тому: «Парень, который доставил эти образцы, да еще в таком великолепном состоянии, как нельзя лучше подходит для нашей экспедиции». Нам часто приходится сталкиваться с тем, что морское сообщество не может оценить истинную ценность собранных образцов, не то что вы, сэр. Мне достаточно было одного взгляда на эти молодые деревца кек-ропии, чтобы понять - вы отлично знаете, как надо обращаться с растениями.

Плечи Грифа напряглись при упоминании Морроу.

- Мистер Сидни, - раздраженно сказал француз, - я сомневаюсь, что вы сможете заплатить столько, сколько запросит капитан Фрост.

Глаза маленького человечка сузились.

- А-а, так вы его агент? Позвольте уверить вас, оплата будет вполне достойной. К тому же мы берем на себя обеспечение продуктами и прочими корабельными запасами.

- Этот человек вовсе не мой агент, - резко сказал Гриф, окидывая мистера Сидни изучающим взглядом. - Мне необходимы восемь тысяч фунтов, чтобы я мог сняться с якоря.

- Понятно, капитан. И, скажем, еще две тысячи, чтобы вы решили все свои проблемы во время путешествия? Уверен, мы сможем договориться.

Гриф развел руками и насмешливо посмотрел на бородача.

- Думаю, наш с вами разговор закончен. Прощайте, сударь.

Француз тяжело вздохнул:

- Семьдесят пять процентов, капитан.

Гриф покачал головой, потом негромко произнес:

- Я не пират и не собираюсь становиться пиратом ни за какие деньги. - При этом он чувствовал себя так, словно с его плеч свалился тяжелый груз.

- Ну-ну! - одобрительно воскликнул мистер Сидни. - Конечно, вы не пират. Могу я присесть? Чудесный день, не правда ли, сэр?

К тому времени, когда «Арканум» снабдили продовольствием и поставили на якорь в Гавре, Гриф убедился, что маленький человечек по имени Сидни далеко не простак. За его суетливой любезностью скрывалась душа скряги. Соленая говядина была приобретена за полцены, а что касается свежей телятины и птицы, то все это предназначалось только для избранных, так же как ром и плоды лайма. Вся эта чудесная бережливость достигалась путем долгих переговоров и взаимных рукопожатий между Сидни и агентами по снабжению судна, с частыми обращениями к Грифу, который должен был воспринимать все это как неизбежное, иначе путешествие вообще могло не состояться. Зато во всем, что касалось обещанного гонорара, Сидни проявил удивительную щедрость, заявив Грифу, что услуги капитана достойны самой высокой оценки и что он не сомневается в его заботе о судьбе образцов растений, которые вскоре будут собраны.

Они уже две недели ждали в Гавре прибытия Томаса Картрайта, и каждый день Сидни обещал, что его коллега «вот-вот должен прибыть, хотя он очень поглощен многочисленными заботами и, возможно, забыл назначенную дату». Гриф отпустил команду на берег, а сам развлекался посещением книжных лавок, имея на руках небольшую, выделенную из предполагаемого бюджета сумму, которую мог потратить на книги. Остальные деньги он положил в сейф и иногда, проснувшись среди ночи с мыслями о пиратах, французе и девятифунтовых пушках, вставал и проверял, на месте ли монеты.

Цена, которую он заплатил за то, чтобы чувствовать себя в безопасности, не давала ему покоя. Мысли о Тесс постоянно преследовали его, воспоминания оживали с новой силой каждый раз, когда Сидни начинал с любовью говорить о различных растениях или настаивал на особых условиях для их защиты. Год назад он выбросил Тесс из головы и обратил горечь утраты в гнев, но сейчас воспоминания вернулись, вызывая душевную боль. Перед Грифом снова представало ее лицо, он слышал ее голос, чувствовал ее в своих объятиях, а ее смех, звучный, полный радости, заставлял его особенно остро ощущать унылость и пустоту жизни.

Он ужасно скучал по ней, но разве не сам он выбрал такую судьбу? Теперь он стал мудрее. Гриф не сомневался, что любовь является самым слабым местом в созданной им защите. Его близкие - все те, кого он любил и кто заботился о нем в детстве, - были потеряны для него навсегда, и он не должен позволить себе снова стать уязвимым.

Но, оставаясь очень одиноким, Гриф продолжал думать о Тесс. Она вторгалась в его мысли так

незаметно, что иногда казалось, будто бы эта женщина находится рядом, а не за сотни миль отсюда, в объятиях другого мужчины. Стоя у поручня в наступающих летних сумерках, Гриф рисовал в своем воображении ее портрет: темные волосы ерошит легкий ветерок, изящные руки лежат на гладком поручне. Он вспоминал мельчайшие детали, а затем с мучительной тоской уничтожал милый образ, заменяя его тем, который вызывал у него досаду и злость. Она выбрала мерзавца Стивена, и он никогда не простит ей этого. Любого другого он мог бы вынести, но только не Элиота-младшего...

Этого человека он ненавидел со всей страстью и ревнивой злобой.

И все же Тесс, как неотступное видение, постоянно терзала его душу; это была его незаживающая рана.

Однажды утром наконец Томас Картрайт прибыл. Гриф в это время находился на берегу, а когда он вернулся на корабль, то увидел Сидни, суетящегося вокруг многочисленных ящиков и коробок.

Маленький ботаник был крайне возбужден. Схватив Грифа за руку, он суетливо произнес:

- Приехал, приехал! Теперь мы можем отправляться в путешествие! Я поместил его во вторую каюту, капитан. Надеюсь, вы не будете возражать, поскольку в другой каюте полно книг. Том вел себя очень легкомысленно и теперь нездоров. Думаю, пересечение Ла-Манша не пошло ему на пользу, а затем ему еще пришлось вынести, и путешествие сюда от пристани в ужасной маленькой лодчонке... В общем, я не буду вдаваться в подробности, но, боюсь, бедный Том далеко не моряк и мы не скоро увидим его вне каюты.

Гриф не стал напоминать, что именно второй каютой, обычно предназначавшейся для стюарда, пользовался он сам, расположившись там после смерти Грейди. Это было одно из немногих мест на корабле, которое не пробуждало у него слишком ярких воспоминаний. Однако за ту цену, которую уплатил и Сидни и его друг Том, Гриф был готов спать где угодно; поэтому, найдя свои инструменты аккуратно сложенными на столе в кают-компани, он без комментариев перенес их в капитанские апартаменты.

Затем Гриф послал Мазу на берег за командой, и к полудню наполовину протрезвевшие матросы начали возвращаться на борт. Гриф с беспокойством встречал каждого, зная, что вербовщики всегда охотятся за излишне доверчивой добычей. Если моряк забредал в какое-нибудь сомнительное заведение, первый глоток спиртного мог оказаться для него последним, сделанным на берегу, и он просыпался уже на мокром полубаке незнакомого корабля с головной болью и пустым карманом.

К вечеру шестеро членов команды уже были на борту, но Мазу и старый Гаффер все еще отсутствовали, так что Грифу оставалось лишь неподвижно сидеть на темной палубе и ждать.

Ближе к полуночи послышался плеск весел, и Гриф, вскочив, подбежал к поручню. Перегнувшись вниз, он пытался разглядеть приближающуюся лодку и, когда услышал басовитый оклик Мазу, облегченно вздохнул, а затем тихо спросил:

- Гаффер с тобой?

- Они едва не забрали его, капитан, - ответил Мазу с ялика. - Пришлось немного подраться, и Гаффера все-таки здорово отделали.

Гриф тихо выругался.

- И где он?

- Здесь, сэр. Доктор сказал, что его нельзя шевелить, но я подумал, что вы не захотите оставить его на берегу.

- Ладно, я сейчас позову людей.

Пока Гриф и остальные члены команды поднимали Гаффера на борт, Мазу описал состояние раненого моряка, которое не сулило ничего хорошего. Переломы ребер и руки не являлись смертельными, но делали Гаффера бесполезным на корабле.

Выслушав Мазу, Гриф поморщился:

- Мы не можем отправляться в путь с неполным экипажем. Господи, из всех пострадал именно старый Гаффер. Не могу поверить, что он позволил втянуть себя в драку.

- Не думаю, что это его вина, капитан.

Гриф вопросительно взглянул на Мазу:

- По-твоему, нет?

- Он был в лавке ростовщика. Это вполне приличное место, сэр. И тут два верзила вошли и схватили его...

Эта новость пролила новый свет на случившееся.

- На самом деле им нужна моя шкура.

- Агент по обеспечению сообщил, что готов поставить человека взамен Гаффера. Учтите, сегодня цена моряку сотня франков, а завтра будет двести, сэр.

Гриф давно уже воевал с агентами, которые делали бизнес на поставке рабочих рук и потому не любили капитана, который добивался преданности своей команды, в результате чего его моряки отказывались от предложений перейти на другой корабль. Сейчас Гриф, так же как и Сидни, хотел как можно скорее выйти в море, но он не рисковал пуститься в плавание с неуккомплектованной командой.

- Капитан, - тихо произнес один из матросов, - у нас гости, сэр, два румба влево.

- Проклятие! - Увидев приближающийся баркас, Гриф схватился за пистолет. - Попроси их соблюдать дистанцию.

Это было немедленно сделано, но лодка продолжала следовать прежним курсом. Тогда Гриф прицелился и выстрелил, да так ловко, что пуля пролетела прямо перед ее носом.

Плеск весел тотчас прекратился, и через некоторое время снизу раздался громкий голос:

- Эй, капитан!

Гриф не ответил.

- Здесь ваш новый человек, - продолжил тот же голос. - Тот, кого вы запрашивали. Он стоит сто франков, и еще с вас пятьдесят за доставку.

- Я никого не просил присылать мне, пиявка! - угрожающе выкрикнул Гриф.

Снизу донесся хриплый смех.

- Как это будет по-английски - «кровопийца»? Да, я выпью всю твою кровь, капитан, если ты разозлишь меня. С тебя сто пятьдесят франков.

- Мы снимаемся с якоря утром.

- С семьё членами команды? Не могу поверить. Думаю, тебе нужна полноценная команда на корабле.

Агент, конечно, все предусмотрел заранее. Грифу не было никакого смысла возвращаться в Гавр, чтобы завербовать кого-то, учитывая, что и там причалы контролировались точно такими же акулами.

Наконец, после долгой паузы, Гриф сказал:

- Сто франков.

Снизу снова раздался смех.

- Ты явно хочешь разозлить меня, капитан.

- Сто, - упрямо повторил Гриф. Его нисколько не волновали пятьдесят франков, но он не хотел слишком легко уступить.

- Хорошо, он поднимется на борт, но, если ты его потеряешь, следующий обойдется тебе в три сотни.

- Проклятый грабитель, - проворчал Гриф, одновременно наблюдая за трепыханием сигнального вымпела, закрепленного на одном из свернутых парусов. Это был сигнал о том, что поднимается ветер. Луна еще не появилась, но он мысленно представил карту выхода из гавани и принял решение. - Деньги в сейфе. Тебе придется подождать.

- О, я очень терпеливый человек! - захохотал агент. - Очень терпеливый!

Гриф протянул Мазу пистолет и что-то прошептал ему на ухо, а затем молчаливые, почти невидимые в темноте фигуры потянулись к канатам корабельной оснастки. Гриф умышленно громко спустился по трапу, вошел в каюту, открыл в темноте сейф и опустошил один из мешочков. Затем он повернулся и двинулся на ощупь к буфету в кают-компании, где заполнил мешочек оловянными столовыми принадлежностями и, чтобы проверить, как они звякнут, уронил его. После этого Гриф вернулся к трапу и поднялся на палубу.

- Эй, пиявка! - насмешливо обратился он, перегнувшись через поручень. - Сначала я хочу видеть нового моряка.

- Думаешь, я обману тебя, капитан? Да я просто мечтаю, чтобы между нами была долгая и счастливая дружба. Мы первыми передадим тебе товар в знак моей доброй воли.

Последовала команда, и баркас подошел к борту корабля. Мазу держал пистолет наготове, когда матрос неловко забирался на палубу, подталкиваемый руками гребцов снизу. Судя по тому, как вновь прибывший неуверенно пошатывался на палубе, Гриф заподозрил, что тот никогда прежде не ступал на корабль. Он мысленно чертыхнулся.

- Что ты думаешь о нем, приятель? - раздался голос из баркаса. - Он стоит сотню франков?

- Он стоит столько, сколько я плачу, - сказал Гриф и бросил вниз мешочек. В тот же момент Мазу принялся энергично отдавать приказы, и в темное небо с глухим треском взмыли белые паруса. Возмущенные вопли агента утонули в их хлопках и трепете, в то время как команда ловко управлялась со шкотами и стакселями.

Агенту потребовалось гораздо больше времени, чем предполагал Гриф, чтобы принять решение, и первый выстрел прозвучал, когда нос корабля уже начал разворачиваться под действием ветра, надувшего кливера. В итоге пули застряли в деревянном корпусе.

- Так держать! - скомандовал Гриф.

Паруса распустились, и «Арканум», подобно огромной птице, приготовившейся к полету, плавно заскользил по глади вод. Под порывом ветра он слегка нырнул и как бы сделал реверанс. Гриф вообразил даже, что послышался смех корабля, когда тот удалялся от баркаса, подгоняемый свежим восточным ветром.

Глава 10

Через неделю после отплытия из Гавра Гриф стоял возле нактоуза, в очередной раз убеждаясь, что новый человек по имени Старк игнорировал его приказ распустить носовой бом-брамсель. Новичок был силен как бык и достаточно сообразителен, но прикидывался глухим и глупым, когда надо было выполнять команды. Когда шкоты бом-брамселя были наконец выбраны и парус поднят, ему пришлось в голову резко отпустить парус, так что тот мгновенно поймал ветер, отчего корабль неуклюже зашатался. И в этой, и в других ситуациях Старк действовал как нельзя хуже.

Гриф мог бы вытерпеть все это, если бы Старк не проявлял откровенного нежелания сотрудничать. К тому же этот человек был слишком стар, чтобы начинать учиться морскому делу: в свои сорок с лишним лет он обладал бородой с проседью и, казалось, воспринимал приказы как оскорбления. Он не мог смириться с тем, что агент обещал ему должность стюарда, а на самом деле ему приходилось выполнять функции матроса, поскольку Гриф не нуждался в стюарде, но ему крайне нужен был человек на фор-марсе. Оснастка «Арканума» неоднократно изменялась в течение нескольких лет с целью облегчить управление кораблем, и теперь Гриф сократил команду до минимума. В хорошую погоду достаточно было шестерых матросов, чтобы посменно нести вахту, однако во время шторма, например, такого, как в Гибралтарском проливе, на борту требовался полный штат. Старка надо было учить ради него самого. Гриф не сомневался, что тот по достоинству оценил бы преподанную ему науку, если бы оказался на верхушке раскачивающейся мачты во время шторма, когда они огибали мыс Горн в одну из ужасных ноябрьских ночей.

Передав командование Мазу, Гриф уже был готов спуститься вниз, когда в открытом люке появилась голова мистера Сидни.

- А-а, капитан! - Ботаник сунул руку во внутренний карман своего сюртука. - Рад, что встретил вас. Меня просили передать вам письмо.

Гриф удивленно посмотрел на него:

- Письмо?

- Да-да, именно... - Сидни взглянул на конверт. - Капитану Грифону Фросту. Это вы, не так ли?

Как всегда, лицо маленького человека выражало лишь простодушную озабоченность, но Гриф отлично знал, когда тот насмехался над ним.

Он протянул руку и взял пакет.

- Интересно, кто передал вам это письмо?

- Ах, так вы все еще не догадываетесь... - Ботаник сделал паузу, безуспешно пытаясь пригладить редкие волосы на облысевшей голове. - Леди Тесс, конечно.

Гриф замер.

- Дочь покойного графа, - добавил Сидни с улыбкой, глядя на Грифа. - Надеюсь, вы помните ее. Она спонсировала эту экспедицию, благослови ее Господь.

- Спонсировала экспедицию... - Гриф посмотрел на письмо, словно это была ядовитая змея. - То есть она оплатила все это?

- Да, конечно, и при этом проявила незаурядную щедрость, вы согласны? Именно она предложила мне отправиться в путешествие с вами. - Сидни довольно посмотрел на Грифа и похлопал его по руке. - Я только выполнил свой долг. А теперь позвольте откланяться. До обеда я буду внизу.

От волнения Гриф чуть не лишился голоса. Он молча проследил за тем, как Сидни исчезает в люке, потом подошел к поручню на корме и слепо устремил взгляд на горизонт.

Тесс.

Значит, деньги, которые спасли его, позволили выкупить корабль и сохранить чувство собственного достоинства, деньги, которые сейчас лежат в сейфе внизу, - все это ее.

Осознание этого было подобно тяжелому удару. Гриф чувствовал себя опустошенным, поверженным. Глядя на голубую воду за кормой, он внезапно ощутил страшную усталость.

Она и так владела его гордостью, его душой, его снами - разве этого недостаточно? Он ненавидел ее и старался выкинуть из головы с безжалостной решимостью, однако миссис Элиот не оставила его в покое и на этот раз, спасая от разорения. К тому же она написала письмо.

Гриф смял бумагу в кулаке. Что она могла сообщить? Что счастлива? Что Стивен Элиот прекрасный муж? Прошел уже целый год, и, возможно, у нее родился ребенок. Гриф посмеялся бы над всем этим, если бы вдруг у него не перехватило дыхание. Прочитав послание, он, вероятно, обнаружит, что появился новый наследник Ашленда.

Впрочем, что это может изменить? Он согласился принять деньги и теперь расплачивается за это. Его купили за десять тысяч фунтов, а потом прислали письмо.

Грифа охватили стыд и мучительный гнев. Он даже подумал, что ему следовало принять предложение француза. Лучше быть пиратом или погибнуть под упавшей мачтой, чем объектом благотворительности. Лучше умереть.

Письмо жгло его пальцы, жгло его сердце, оставив только пепел, и он, с яростью бросив его за борт, некоторое время наблюдал, как оно, описав дугу, исчезает в пенящемся следе

«Арканума».

- Капитан!

Гриф повернулся к Мазу. Помощник стоял внизу, а рядом с ним возвышалась плотная фигура Старка.

- В чем дело? - резко спросил Гриф, не имея настроения выслушивать жалобы нового матроса.

- Это Старк, сэр. Он хочет поговорить с вами.

- О чем?

Мазу выглядел немного смущенным.

- О его обязанностях, сэр.

- Я подумал, вам следует знать, - быстро начал Старк, - что мои способности пропадают зря...

- Твои способности... - прервал его Гриф. - И что же это за способности, Старк? Скоблить якорную цепь? Собирать пеньковые очески? Или, может быть, ты заметил, что требуется просмолить канаты оснастки?

Однако Старк, казалось, не слышал капитана.

- Я не умею делать ничего из этого, - раздраженно сказал он, - но у меня есть опыт в обслуживании, сэр.

- А-а! - Гриф холодно улыбнулся и наконец дал волю гневу, который мучил его. - Подавать блюда, наливать вино - это ты имеешь в виду?

- Да, сэр. Именно это, сэр. Я ожидал, что вы используете меня в обслуживании команды и пассажиров.

- Ты метишь на должность стюарда?

- Именно так, сэр! - Старк кивнул.

- И ты хотел бы получать за это больше, чем обычный матрос?

- Конечно, сэр.

Гриф посмотрел на Мазу.

- Он несет вахту по правому борту?

- Да, сэр, - ответил Мазу.

- Хорошо, Старк. Как только стемнеет, заступай на должность стюарда и оставайся до следующей вахты.

- На весь вечер, сэр?

- Конечно.

- Но, сэр... - Старк выглядел слегка смущенным. - Я работал с самого утра, сэр.
- Полагаю, ты должен привыкнуть к тому, что это будет твоей дополнительной обязанностью.
- Я не понимаю...
- Не понимаешь? - спросил Гриф с убийственной мягкостью. - Ты не понимаешь, как это может измотать человека - сначала отстоять вахту на правом борту, а потом прислуживать в качестве стюарда? Думаю, через несколько дней недостаток сна поубавит твоё рвение, Старк. К тому же бог знает, когда ты найдешь время для еды.

Старк был явно обескуражен, однако, по-прежнему не желая сдаваться, он негодуя произнес:

- Это нечестно, сэр. Я только хотел предложить свои услуги, так как подумал, что, раз у вас на борту благородная леди, вам может потребоваться моя помощь.

Гриф с раздражением обернулся:

- Если бы у нас на борту была леди, то это означало бы, что ты знаешь лучше меня, кто находится на моем корабле, Старк.

На мгновение на лице Старка промелькнул испуг, затем его черты приняли лукавое выражение.

- Не знаю, что и сказать, капитан. На вашем месте я поинтересовался бы насчет этого у кого-нибудь еще.

Уголкем глаза Гриф заметил, что Мазу напрягся. Что означали эти язвительная самоуверенность и многозначительная улыбка Старка? Этот человек определенно не сомневался в своих словах и знал то, чего не знал капитан.

- Я хочу видеть Старка в моей каюте, когда склянки пробьют восемь, мистер Мазу, а пока займите его работой. - Считая, что разговор окончен, Гриф отвернулся, но вдруг добавил, скосив глаза на Старка: - И еще, мистер Мазу... выбросьте за борт половину табака, который принес с собой этот человек. Отныне у него не будет времени курить свои вонючие бирманские сигары.

Крошечная каюта, где Тесс изображала больного Томаса Картрайта, все более стесняла ее. Сначала она вполне довольствовалась тем, что у нее появилась возможность, сидя на узкой койке, с улыбкой прислушиваться к знакомому плеску волн, бьющихся о корпус «Арканума». Иногда она различала голос Грифа, то приглушенный, то громко отдающий команды, в то время как корабль покидал Ла-Манш и выходил в открытое море. Когда Гриф разговаривал в кают-компании с мистером Сидни, она представляла, как эти двое сосредоточенно изучают морские карты и их головы - рыжевато-золотистая и лысоватая - склонились, определяя, в какой точке этого огромного мира они могут высадиться.

Впрочем, все это не имело особого значения. Мистер Сидни, этот милый человечек, который годами оставался дома и заботился о растениях и животных, присылаемых ее отцом, заслуживал того, чтобы однажды отправиться в увлекательное путешествие. Узнав о предстоящем приключении, он был вне себя от радости. Каждый раз, принося поднос с едой в ее каюту, Сидни садился напротив и, пока она ела, восторгался путешествием и благодарил ее

с такой искренностью, перед которой невозможно было устоять.

Им очень повезло: мистеру Тейлору потребовалось всего четыре месяца, чтобы отыскать «Арканум» в ремонтном доке в Португалии. Тесс старалась не думать слишком часто о силе шторма, после которого корабль оказался там, потому что, когда она представляла, какой опасности подвергались моряки, ее охватывал холодный страх. То, что Тесс заметила на палубе «Арканума», было похоже на шрамы: свежая древесина и краска подчеркивали отремонтированные места в сломанном фальшборте и заделанные дыры в настиле.

Мистер Тейлор уехал в Бразилию к больной жене, полагая, что оставил Тесс в надежных руках мистера Сидни, и Тесс не стала лишать своего опекуна иллюзий. Так, она ни разу не упомянула, что они с Сидни были сообщниками в преступлениях еще с тех пор, как Тесс научилась ходить: они вместе совершали многочисленные побеги из классной комнаты и из других скучных мест и ни разу не были пойманы. Вот и теперь мистер Сидни с энтузиазмом поддержал план Тесс перевоплотиться в Томаса Картрайта.

Сейчас Тесс жаждала одного – увидеть Грифа и многое рассказать ему. Она придумывала множество способов, как предстать перед ним, и затем все их отвергала. Один был слишком внезапным, другой – слишком нелепым. Что она скажет ему? «Добрый день, сэр. Я вышла прогуляться посреди Атлантического океана... и случайно забрела на ваш корабль...»

Первоначально Тесс намеревалась выйти на палубу, как только корабль покинет порт, но с каждой милей ее решимость таяла, и она все больше убеждалась, что радушной встречи не будет. Мистер Тейлор оказался прав: без сомнения, Гриф презирал ее за то, что она сделала.

И тогда Тесс решила написать ему письмо. Она три дня сочиняла свое послание, исправляя вариант за вариантом. В конце концов получилось нечто слишком длинное, хотя там почти ничего не говорилось о том, о чем ей больше всего хотелось бы сообщить. Но по крайней мере из письма следовало, что теперь она поняла свою ошибку, что ее брак со Стивеном Элиотом расторгнут... и что она будет любить Грифа, даже если он никогда не простит ее.

Последнее предложение о невозможности простить ее она добавила после долгих раздумий. Конечно, он не простит, но она писала о своем раскаянии в надежде, что это может как-то успокоить его уязвленную гордость. Маскировка под Томаса Картрайта, знаменитого ботаника, страдающего морской болезнью, была предпринята только для того, чтобы не дать Грифу возможности сбежать от нее, прежде чем она все ему объяснит. Как только он узнает правду, Тесс не будет больше досаждать ему своим присутствием – по крайней мере так ей казалось вначале.

Но может быть, она поторопилась со своими клятвами?

Тесс, нахмурившись, посмотрела на два лежащих перед ней платья. Сидни уже передал письмо, и Гриф мог прочитать его в любой момент, а может быть, уже прочитал. От этой мысли сердце ее сжалось. Она заставила себя снова взглянуть на платья. Одно было темно-синего цвета, другое – темно-красного. Какое выбрать? Тесс хотела выглядеть наилучшим образом. Она боялась, что сильно изменилась за время пребывания у Стивена и из молодой женщины превратилась в призрак с ввалившимися глазами. По крайней мере так она выглядела после того, как мистер Тейлор забрал ее из Ашленда.

Тесс с тревогой посмотрела в зеркало над небольшим умывальником в каюте. Она все еще выглядела бледной, и глаза казались слишком большими, но при мысли о встрече с Грифом лицо и шея ее порозовели.

Звук шагов по трапу заставил ее испуганно повернуться. Мистер Сидни спустился в кают-компанию десять минут назад, значит, это мог быть только Гриф, и, судя по подробному стуку по ступенькам, он торопился.

Прижав руку ко рту, Тесс попыталась сдержать охватившее ее волнение.

Из-за переборки послышался приглушенный голос мистера Сидни, и Тесс напряглась, прислушиваясь. Ее сердце стучало так громко, что она едва могла слышать слова.

- Думаю, мне пора познакомиться с вашим коллегой, Сидни, - прозвучал холодный голос Грифа.

Итак, он прочитал письмо. Тесс едва не задохнулась от волнения. Мистер Сидни, как всегда, оставался спокойным. Она знала, что могла положиться на старого друга, однако жесткость тона Грифа не предвещала ничего хорошего.

Как и следовало предположить, Сидни любезно ответил, что его коллега неважно чувствует себя, но, несомненно, скоро поправится. В ответ Гриф что-то раздраженно произнес и направился прямо к ее каюте.

Тесс успела лишь схватить одно из своих платьев, и тут дверь резко распахнулась. Она тяжело опустилась на койку, потому что ноги отказывались держать ее. Тем более у нее не было сил поднять глаза и посмотреть ему в лицо.

Последовало долгое молчание. Сердце Тесс бешено колотилось, и она боялась, что вот-вот упадет в обморок. Ее внимание сосредоточилось на обтрепанном крае его штанов, и она отметила, что они нуждаются в починке.

Густая прядь волос выбилась из пучка на лоб, и она, мотнув головой, быстро откинула ее назад на обнаженное плечо.

Гриф продолжал хранить молчание, и Тесс медленно подняла глаза. Она часто думала об этом моменте в мрачные часы одиночества и старалась мысленно представить его лицо. Сейчас она увидела его наяву, но без тени приветствия и одобрения.

И тут, неожиданно для себя, Тесс разразилась слезами.

Столь непредвиденное обстоятельство наконец вывело Грифа из состояния прострации. В тот момент, когда Старк сделал свое нелепое заявление о присутствии на корабле женщины, Гриф уже догадался, о ком идет речь, однако, пока не увидел ее, съезжившуюся от страха, с бледными щеками и заплаканными глазами, он не мог до конца поверить в возможность чего-либо подобного.

Теперь ему трудно было представить, как он мог сразу не догадаться об этом. Уловка оказалась такой простой, такой очевидной, что даже Старк сумел раскрыть ее. Теперь Гриф ненавидел Тесс за то, что она выглядела такой хрупкой, испуганной, и за то, что она вновь пробудила в нем чувства, которые он спрятал за железными дверьми. Он не хотел, чтобы она плакала, чтобы начала объяснять, почему находится здесь. Он не хотел знать, что сделал Стивен Элиот и по какой причине она сбежала от него. Она сама выбрала его постель, а если не смогла далее оставаться в ней, то и искала бы утешения где-нибудь в другом месте. Она могла отправиться куда угодно, чтобы избавиться от мерзавца-мужа... куда угодно, но только не к нему.

Гриф попытался сосредоточиться на платье, лежащем на койке рядом с ней, потому что не мог

смотреть на мягкий изгиб ее шеи, на белые изящные пальцы, которые она прижимала ко рту.

- На вашем месте я не стал бы распаковывать вещи, - угрюмо сказал он. - Завтра мы прибудем на остров Тенерифе. Полагаю, там вы сможете найти другой корабль.

Тесс едва слышно произнесла что-то, и Гриф невольно посмотрел на нее. Казалось, она стала меньше ростом и теперь выглядела более кроткой и уязвимой. Почему она плачет, черт бы ее побрал? Почему сидит здесь с чертовски зелеными глазами, обнаженными плечами и мягкими распушенными волосами? И вообще, что делает на его корабле жена Стивена Элиота?

Гриф отступил назад, захлопнул за собой дверь и долго стоял, тупо глядя на деревянную обшивку.

Он не сразу заметил, что рядом с ним стоит Сидни.

- Кажется, вы чем-то расстроены, дорогой мой?

Гриф повернулся и пристально посмотрел на ботаника.

- А вы чего ожидали? Что я буду радоваться, как юнец?

- О нет, ничего подобного. Однако все же мы надеялись, что вы будете приятно удивлены.

- Буду удивлен... - пробормотал Гриф.

Раздражение в его голосе было. хорошо слышно через закрытую дверь, и Тесс замерла, прервав поспешное одевание, затем вытерла глаза тыльной стороной ладони.

Облачившись наконец в синее платье и собрав волосы в плотный пучок, она сделала глубокий вдох и открыла дверь.

Мужчины сразу повернулись к ней: один с безмятежным выражением лица, другой - с весьма мрачным видом. Затем мистер Сидни приятно улыбнулся:

- Насколько я понял, капитан, вы намереваетесь высадить ее светлость на острове Тенерифе?

- Вас обоих, - холодно ответил капитан. - Это решено.

Тесс не могла заставить себя взглянуть на Грифа и повернулась к мистеру Сидни, который невозмутимо сидел на столе, где были разложены его блокноты.

Маленький человек нахмурился и потер нос.

- Видите ли, дорогой, при этом могут возникнуть проблемы, - задумчиво произнес он.

- Меня не интересуют ваши проблемы. У меня достаточно своих.

- Боюсь, это одна из ваших главных проблем, капитан, - мягко сказал мистер Сидни. - Видите ли, если мы должны будем искать другой корабль для нашей экспедиции, то возникает вопрос относительно десяти тысяч фунтов ее светлости.

Тесс из-под ресниц взглянула на Грифа. Выражение его лица оставалось неизменным, но она заметила, как кровь прилила к его щекам и шее. .

Круто повернувшись. Гриф вошел в капитанскую каюту и через минуту вернулся с двумя парусиновыми мешочками, в которых глухо звенели монеты, когда он бросал мешочки на стол.

- Здесь две тысячи. На остальные деньги вы получите расписку.

На мгновение наступила тишина.

- Не думаю, что расписка даст нам возможность обогнуть мыс Горн, - тихо заметил мистер Сидни.

- Но двух тысяч наличными вполне хватит.

- Да, это верно. Я всегда считал, что мы платим вам слишком много, капитан.

- Чего вы хотите? - В голосе Грифа чувствовалось волнение. - Благодарности? - Он внезапно посмотрел на Тесс и скривил губы. - Примите мою покорную благодарность, ваша светлость. Вы получите сполна ваши деньги.

- Получит ли? - Сидни нахмурился. - Боюсь, я должен напомнить ее светлости, что вы не имеете должной репутации для предоставления кредита, капитан. Думаю, ей следует считать эти деньги ссудой, выданной под определенное обеспечение. У вас есть чем покрыть такую огромную сумму?

Тесс очень хотелось остановить мистера Сидни. Восемь тысяч фунтов уже пошли на ремонт корабля, но ей не было жалко этих денег; она без колебаний отдала бы и сотню тысяч; если бы Гриф нуждался в них. Однако он собирался высадить ее на берег и покинуть навсегда. Тогда она не увидит его до конца своей несчастной жизни.

Гриф продолжал напряженно смотреть на Тесс.

- У меня нет необходимого залога, - медленно произнес он.

Кроме корабля. Но эти слова Гриф оставил при себе.

- Миледи, - обратился мистер Сидни к Тесс, - вам достаточно будет слова этого джентльмена?

Тесс попыталась представить их расставание... и почувствовала, что у нее не хватит на это духа.

- Нет, - прошептала она, - не достаточно.

Лицо Грифа побледнело, и он с презрением взглянул на нее. Его губы шевелились, и, казалось, он не находил слов, чтобы выразить свою ненависть к ней. В следующее мгновение он молча повернулся и начал подниматься вверх по трапу.

Плечи Тесс безвольно опустились. Она сделала все возможное для сближения с Грифом, но потерпела неудачу. Он никогда не простит ей то, что она пытается удержать его насильно.

Никогда.

Они миновали Канарские острова, Тенерифе и продолжали движение, но никто больше не заикался о высадке. Теперь Тесс свободно выходила из своей каюты, поскольку ей больше не было смысла скрываться, но при этом старалась не сталкиваться с Грифом и не испытывать его

холодного равнодушия. Тем не менее видеть его стало для нее ежедневной потребностью, как еда и питье. Она ничего не могла поделать с собой. Ей доставляло горестное удовольствие наблюдать за ним на палубе; там он был в своей стихии и чувствовал себя непринужденно, отдавая приказы или занимаясь ремонтом оснастки, как обычный матрос.

Нынешний «Арканум» отличался от того корабля, который помнила Тесс. Сокращение команды не прошло бесследно, и Гриф был вынужден принимать участие в повседневных работах. Повсюду были видны также следы износа: краска выцвела, на ранее блестящих медных деталях появился зеленый налет. Все это являлось следствием эксплуатации корабля с неукомплектованной командой, многие члены которой были знакомы Тесс по прошлому путешествию как опытные моряки, но они не могли полностью выполнять все необходимые обязанности.

Одни Лишь сны нарушали монотонный образ жизни Тесс, который стал привычным для нее за прошедшие недели, в то время как корабль, подгоняемый попутным ветром, продвигался вдоль побережья Африки. Со временем первое потрясение, связанное с отказом Грифа, переросло в тупую боль. Несмотря на это, Тесс находила удовольствие в путешествии. Хотя Гриф не разговаривал с ней и даже не смотрел на нее, он по крайней мере находился рядом, и это давало ей некоторое утешение. Теперь она могла наблюдать за ним сколько угодно.

Утром на исходе шестой недели Тесс последовала за ничего не подозревающим мистером Сидни на палубу. В юбках она припрятала кусочек мыла, готовясь принять участие во всеобщем веселье по поводу пересечения экватора. Готовая ко всяким неожиданностям, Тесс все же не удержалась от удивленного возгласа при виде ожидающего их громадного Нептуна, покрытого водорослями и с самодельным трезубцем в руках.

Мистер Мазу издал впечатляющий рык из-под бороды, сделанной из пакли, показывая белые острые зубы. Он сделал знак своим помощникам, которые схватили беспомощного мистера Сидни и начали действовать. Корабль замер на месте, слегка покачиваясь на волнах, словно в предвкушении традиционного обряда. С мистера Сидни сняли сюртук и рубашку, но, учитывая присутствие Тесс, оставили штаны, после чего толстяка тщательно намылили.

Прежде чем обмакнуть его в соленую воду, ему подали огромную оловянную кружку с каким-то ужасным варевом, пахнущим ромом и трюмной водой. Мистер Сидни заявил, что готов стать истинным сыном Нептуна, но когда он поднес сосуд к дрожащим губам, внутри что-то начало плескаться. Сидни вздрогнул и с криком отбросил кружку, из которой вылилась зеленая отстойная вода, а на юбку Тесс упал несчастный краб. Она тоже вскрикнула и отскочила назад, а краб шлепнулся на палубу и, решительно шевеля клешнями, устремился к обнаженной черной ноге Нептуна.

Последовавшая суматоха вызвала у Тесс неудержимый смех, и она, изнемогая, схватилась за голову, а затем прислонилась к крышке люка. Погоня за крабом продолжалась и затронула даже Грифа, который стоял в стороне за штурвалом. Будучи бесцеремонно отброшенным от ноги Нептуна, рассерженный краб устремился к незащитным ногам капитана, и он, пренебрегая своим достоинством, забрался на палубный ящик, где его болтающиеся ноги оказались вне досягаемости краба.

Наконец трезубец Нептуна отогнал разбушевавшееся животное в сторону, и Тесс, взвизгнув, подобрала юбки и отступила назад. Краб был окружен с помощью бочонков и ведер, однако предпринял последнюю отчаянную попытку освободиться и, ринувшись между топчущихся ног, отыскал клюз и исчез в море.

Тесс с ликованием наблюдала за этой сценой; лицо ее покраснело от возбуждения. Она ожидала, что сейчас перед ней возникнет мокрая фигура недовольного мистера Сидни, но неожиданно столкнулась с Грифом. У него было странное выражение лица, в глазах его еще не совсем угасло веселье, и на какое-то мгновение в них отразилось неосторожное проявление чувства, словно смех доставлял ему скорее боль, чем удовольствие.

Губы Тесс приоткрылись, но, прежде чем она успела что-либо сказать, он отвернулся и, вновь прикрывшись спасительным щитом, зашагал прочь. Его шаги некоторое время звучали на юте, и наконец он исчез за рубкой.

Ночью Тесс приснился жуткий сон. Все началось с галереи, темного места, которое она ненавидела, ожидая в безотчетном страхе то, что должно было произойти. Она видела дверь, слышала шаги и со стоном прижималась к стене, чтобы сделаться меньше, а еще лучше совсем исчезнуть.

Дверь открылась с долгим низким скрипом, и она подняла голову, стараясь разглядеть хоть что-нибудь в темноте. Ее вдруг охватило непреодолимое желание убежать, и она побежала, но ее ноги двигались медленно, словно ватные.

И тут же она поняла, что кто-то, проскользнув в дверь, подкрадывается к ней – безликий, холодный. Он протягивает к ней руки...

Тесс вскрикнула и проснулась от звука собственного голоса. Кто-то прикасался к ней, прижимая холодные пальцы ко рту и носу, а затем исчез. Вокруг было темно, но она чувствовала, что ужасный призрак скрывается в темноте. Было ли это продолжение сна? Вряд ли. Разум упорно говорил Тесс, что она уже не спит...

Что-то действительно пошевелилось в темноте, и Тесс, снова вскрикнула, а потом съежилась от страха, стремясь куда-нибудь спрятаться... и тут знакомый голос произнес ее имя. Но это был голос не Стивена, а другой – доброжелательный и нежный...

Гриф взял ее руки и приблизил к себе, успокаивая дрожь. Прерывисто вздохнув, Тесс прильнула к нему, едва веря, что это реальность и что сон остался сном.

- О Боже, я думала, что он здесь... - Ее голос прервался. - Я думала...

Гриф крепче сжал ее руки.

- Ш-ш. Успокойся, здесь никого нет, кроме нас.

Тесс уткнулась лицом в твердое плечо.

- Но я чувствовала его. Он прикасался ко мне. Это казалось таким реальным...

- Это был только сон. - Гриф коснулся губами ее волос. - Плохой сон, но больше он не вернется.

Снаружи за открытой дверью каюты слышались шаги босых ног, и Тесс вся напряглась.

- Капитан? - раздался обеспокоенный голос в темноте. - Ради Бога, что здесь происходит?

- Все в порядке, Мазу, - тихо сказал Гриф. - Возвращайся на свое место.

- Да, сэр, - после некоторого колебания ответил помощник и удалился.

Только теперь Тесс начала сознавать, что тепло, которое согревало ее, исходит от обнаженной кожи Грифа, а ее легкая ночная рубашка представляет собой весьма тонкий барьер между ними. Ей следовало отстраниться, но она так и не смогла сделать этого.

- Отчего ты пахнешь дымом? - спросил он через некоторое время.

Тесс приподняла голову и инстинктивно сжала его руку.

- Дымом? - Пожар на борту корабля грозил полным уничтожением.

- Табачным дымом, - быстро уточнил Гриф и, повернув голову, глубоко втянул воздух.

Тесс тоже принялась.

- От меня пахнет смолой...

- Вероятно, это от меня. Извини. - Он смущенно откашлялся.

- Ничего. - Тесс закусила губу, затем робко заметила: - Мне нравится этот запах.

Она тут же почувствовала, как его напрягшаяся рука отодвинулась от ее талии.

- Теперь ты сможешь спокойно уснуть? - спросил Гриф глухим голосом.

Она хотела сказать «нет» - слишком холодным стало место, к которому он только что прикасался, но внезапно заговорила совсем о другом:

- Я прошу прощения. По поводу денег и всего остального.

Гриф резко встал, и теперь Тесс могла различить его контуры в слабом свете, проникающем через иллюминатор.

- Я знаю, что это очень огорчило тебя, - добавила она, - но... я просто не могла совладать с собой, поскольку боялась, что ты прогонишь меня.

Гриф долго молчал, а когда заговорил, его голос прозвучал необычайно хрипло:

- Я не стал бы этого делать, Тесс.

- О... - Ее голос дрожал и прерывался от волнения. - Я была ужасно глупой. Если бы только ты смог простить меня...

- Не надо, - прервал он. - Дай мне время. Пожалуйста. Я еще не готов говорить на эту тему.

Тесс горестно вздохнула:

- И все же прости.

- Я постараюсь. А теперь спи.

Тесс услышала, как он направился к двери.

- Ты действительно собираешься уйти?

- Да. Постарайся уснуть. Стивен далеко, и он больше не причинит тебе вреда.

Не ответив на ее приглушенное пожелание спокойной ночи, Гриф шагнул на палубу и, закрыв дверь, прислонился к ней. Стиснув зубы и до боли сжав кулаки, он с трудом удерживался от того, чтобы не броситься назад в каюту и снова не заключить Тесс в объятия. Холодное дерево было гладким, как ее кожа; Гриф прижался к нему лбом, чтобы напомнить себе, кто он и кто она. Еще он попытался пробудить в себе гнев и угасшую ненависть, но безуспешно. Все ушло, пропало под воздействием дрожащего голоса и пальцев, сжимавших его руку. Тесс даже никак не прореагировала, когда он произнес имя человека, от которого она сбежала на другой конец света, – имя, которое стало источником ее ночных кошмаров.

Гриф судорожно вздохнул. Разве не он не уберег ее, не защитит? Как теперь он мог отослать ее назад к Элиоту? Нет, ни в коем случае. Однако другое решение было крайне мучительным – видеть ее, слышать ее и при этом не иметь права прикоснуться к ней – ведь она до сих пор принадлежала другому.

Огромным усилием воли он заставил себя расслабиться. Его пальцы медленно скользнули по лакированной поверхности двери. Убедившись, что она заперта на задвижку, он отошел от каюты Тесс и тихо поднялся по трапу.

Глава 11

Сначала лежащий по курсу остров легко было принять за скопление облаков, возвышающихся над морем на лазурном горизонте, однако, когда корабль приблизился, темное облако оказалось сушей, покрытой мшистыми болотами, холмами и долинами с оливковыми деревьями, то есть вполне осязаемой реальностью под дрейфующим белым саваном. Путешественники наконец подошли к Таити, и теперь Гриф стоял у штурвала, радуясь открывшемуся виду.

Когда корабль обогнул мыс Венюс и остановился перед входом в бухту Папээте, Тесс находилась на юте и стояла, облокотившись на поручень, рядом с Сидни. Воздух вокруг нее был прозрачен, и легкий ветерок доносил до Грифа обрывки голоса Тесс, когда та взволнованно указывала на знакомые места на острове. Теплые широты Тихого океана позволили ей отказаться от нижних юбок, и сейчас ее единственная юбка вздымалась на ветру, обвивая округлые бедра, а при более сильном дуновении грозила открыть даже большее. Тесс была босой, и Гриф подумал, что вместе с нижними юбками она, возможно, отвергла и нижнее белье.

От этой мысли его руки вспотели, и он крепче сжал штурвал. Уже пять месяцев он маялся, томясь от несбыточных мечтаний и становясь, как однажды предсказал Грейди, похотливым козлом, страстно желавшим чужую жену. Его терзали безумные мечты о том, как он овладеет Тесс, почувствует под собой ее тепло и мягкость, ощутит вкус ее губ и аромат волос... При этом ему по-прежнему приходилось выполнять обязанности капитана. Годы практики делали это возможным, хотя каждый матрос из его команды чувствовал, что капитан наполовину не в себе. Это проявлялось в том, как они посматривали на него и как старательно избегали смотреть на Тесс.

Если бы даже Гриф попытался куда-нибудь скрыться от нее – будь то в морской глубине или в глухой тюремной камере, – ему едва ли удалось бы избавиться от нее. После ночи в ее каюте, когда они пересекали экватор, Тесс начала искать новых встреч с ним, чувствуя, что это ничем не грозит ей, так как он обещал не высаживать ее с корабля.

Никаких признаков того, что когда-то с ней плохо обращались, уже не осталось, внешне она теперь казалась такой же, как прежде. Правда, Тесс стала более сдержанной в отличие от

дерзкой красавицы, какой была раньше, отчего в глазах Грифа она выглядела еще милее. После смерти Грейди он старался убедить себя, что ее лицо и фигура имеют изъяны, но когда снова увидел ее, сразу понял, насколько был не прав.

Ему не давала покоя мысль о том, что Элиот мог сделать с ней. Тесс ничего не рассказывала, но ужасно страдала от ночных кошмаров, и желание Грифа обладать ею было смешано с чувством вины и сострадания, а также с каким-то еще более сильным чувством, которое пугало его: более глубокое, чем просто желание, оно завладело всем его существом. Он знал, что не сможет пережить еще одну потерю, поэтому старался подавить это чувство и полагал, что выдержит мучительное крушение своих надежд, если только боль не будет длиться слишком долго.

Несколько каноэ островитян, преодолев прибрежные рифы, радостно приветствовали «Арканум» трепетом своих парусов. На борт поднялся лоцман, чтобы провести корабль в бухту через узкий проход, и Гриф не удивился, когда Тесс начала обмениваться восторженными приветствиями со смуглыми таитянами, находящимися в каноэ. Она заговорила с ними на местном языке и тем самым вызвала у них бурное одобрение.

Мужчина, поднявшийся на борт, обладал отменным телосложением. Он с радостным видом заключил Тесс в объятия, затем подошел к Грифу и взялся за штурвал.

Корабль был предметом гордости Грифа, и потому он позволил себе на некоторое время забыть о Тесс, заботясь лишь о том, чтобы благополучно пройти через рифы и встать на якорь в бухте. Лоцман немного говорил по-английски – по крайней мере знал морскую терминологию – и, как все моряки, уроженцы тихоокеанских островов, с которыми Грифу приходилось встречаться, хорошо знал свое дело. Они с Грифом легко нашли взаимопонимание, и в результате клипер успешно миновал проход между рифами и вошел в спокойные воды бухты. Вся команда включилась в работу, опуская якорь и сворачивая паруса. Гриф пристально наблюдал за действиями матросов. «Арканум» был не единственным судном в бухте Папеэте, и Гриф хотел, чтобы паруса его корабля были свернуты не хуже, чем у остальных. Он полагал, что корабль всегда должен выглядеть опрятным, как и подобает приличному судну, даже несмотря на то что краска на его бортах уже потеряла былую свежесть.

Крик лоцмана заставил Грифа взглянуть на корму. Тесс и мистер Сидни отошли от поручня и направлялись к трапу, при этом о чем-то оживленно беседуя, но тоже остановились и обернулись, а мгновение спустя на палубе раздался глухой металлический лязг. Увидев, что произошло, Гриф устремился на корму.

- Старк! - взревел он, едва не сорвав голос от волнения. - Спускайся вниз, сукин сын!

Старк начал спускаться с крьюс-марса, как новичок, используя линии в качестве веревочной лестницы, вместо того чтобы соскользнуть вниз по канату. Он что-то без умолку бормотал и наконец очутился на палубе, где Гриф тут же схватил его за ворот. Это все, что он мог позволить себе в страшном гневе, хотя готов был задушить ублюдка собственными руками.

Протасив Старка по палубе, он указал на то место, куда чуть не ступила Тесс: там, вонзившись на три дюйма в палубу, торчала остrokонечная свайка, упавшая с высоты шестьдесят футов.

- Ты видишь это? - прорычал Гриф. - Видишь это, я спрашиваю?

Старк начал, запинаясь, обвинять своего товарища, который был с ним на рее, но Гриф ударил его наотмашь тыльной стороной руки, и моряк попятился к люку.

- Думаешь, я глуп? Мне не нужны твои idiotские оправдания...

Старк выпрямился и поднял руку для ответного удара, но Гриф опередил его, нанеся удар в челюсть, после чего Старк рухнул на палубу.

Грифу потребовалось усилие, чтобы остановить себя. Он отошел назад, тяжело дыша, и напрягся, когда Старк, пошатываясь, снова поднялся на ноги, но тот только вытер кровь с разбитой губы и пробормотал, стараясь не смотреть на собравшуюся вокруг команду:

- Это произошло случайно.

- Забирай свои вещи, Старк, - резко сказал Гриф. - И убирайся. Я не нуждаюсь в твоих сомнительных услугах.

Издали наблюдая за происходящим, Тесс постаралась скрыть облегчение, которое она ощутила после этого приказа. Все произошло так быстро, что она едва успела подумать о своей безопасности, однако неистовая вспышка капитана потрясла ее в большей степени, чем вид остроконечного металлического клина, вонзившегося в палубу. Она никогда не видела Грифа таким взбешенным, и, помимо шока в данной ситуации, у нее возникло чувство, в котором она стыдилась признаться даже себе. Это было удовлетворение, оттого что он без колебаний прогнал стюарда, чье присутствие на корабле вызывало у нее необъяснимый страх.

Заметив, что Гриф смотрит на нее, Тесс взяла мистера Сидни за руку, и они продолжили свой путь вниз, где занялись приготовлениями к высадке на берег.

В течение нескольких недель Гриф лелеял мысль затеряться в портовых винных погребах Папеэте. Ему очень хотелось расслабиться среди шума кабаков, спиртного и танцующих женщин, а вместо этого пришлось принять участие в официальном обеде с последующим костюмированным балом.

Возродясь в качестве мистера Эверетта, Гриф в камзоле с белым галстуком стоял посреди толпы и был этим крайне расстроен. Он пытался отказаться от приглашения, но общеизвестное гостеприимство островитян свело на нет все его усилия. К тому же как было не поддаться на мольбы Тесс и ее подруги Майны Фрейзер! Все же он хотел ограничиться только этим мероприятием и не продлевать подобную пытку в будущем.

Прием на острове имел мало сходства с теми, что устраивались в Лондоне; он проходил в Монткалме, просторном особняке, построенном в ямайском стиле в верхней части долины Атимаоно и являвшемся резиденцией Уильяма Стюарта, нынешнего фаворита франко-таитянского общества. Особое впечатление на местных жителей производило то, что Стюарт обладал отменными аристократическими манерами. Хотя Гриф знал его, он не счел нужным показывать это; будучи представленными друг другу, они со Стюартом делали вид, будто никогда прежде не встречались. Тем не менее Гриф достаточно хорошо помнил красивого чернородого авантюриста, доставлявшего контрабандные спирт - ные напитки из Австралии. Теперь Стюарт преобразился и из мелкого контрабандиста превратился в богатого владельца Терре-Эжени - крупнейшей плантации на Таити. Как это могло произойти, для Грифа оставалось непостижимой загадкой. Зная Стюарта, он полагал, что тот скорее всего находится под пристальным наблюдением властей.

Бал у Стюарта был красочным сочетанием таитянского веселья и французского великолепия с примесью британского высокомерия и американской энергичности. Нив чем не уступая европейским женщинам с их декольтированными платьями и кринолинами, таитянки добавили к континентальным фасонам свежие цветы, которые украшали их свернутые кольцом

темные волосы, а также уши и стройные шеи, оттеняя золотистую кожу. Тесс тоже водрузила на голову тиару из перламутрово-белых тубероз и вставила за ухо гибискус. Ее волосы, такие же темные, как у таитянок, казались иссиня-черными на фоне кремовой кожи и платья цвета красного мака, которое имело глубокий вырез, обнажая плечи и светлую ложбинку между темно-красными лентами, стягивающими корсаж. Это было платье уже взрослой женщины, а не дебютантки, напоминавшее, что она замужем и теперь имеет право быть сколько угодно вызывающей.

Став ее сопровождающим, Гриф был обязан танцевать с ней и едва смог выдержать это тяжелое испытание. Аромат тубероз пьянил его сильнее вина, туманил голову и давал волю безрассудному воображению: будто бы она принадлежит ему. и он может без конца целовать этот пленительный изгиб ее губ и нежную шею.

Музыка прекратилась, и Тесс улыбнулась ему так невинно и радостно, что Гриф вынужден был отвернуться и сосредоточить свое внимание на толстой жене французского чиновника. Лишь после этого он смог пошевелить языком и выразить благодарность своей даме, как того требовал этикет.

Проводив Тесс до места, Гриф оставил ее с подругой, молодой миссис Фрейзер. Обе женщины тотчас принялись хихикать и болтать по-таитянски. При этом миссис Фрейзер удостоила Грифа лукавым взглядом и представила другой молодой местной светской даме, которая увлекла его на веранду весьма деликатным образом и предприняла попытку завязать с ним отношения, которые вполне бы подошли для девиц в порту.

Она была довольно хорошенькой, эта Мамуа, в розовом платье с длинными рукавами, которое скорее походило на ночную рубашку. Глядя на нее, Гриф решил, что ей не больше шестнадцати. Она без умолку болтала по-французски и отпускала непристойные шуточки, однако обходила кульминационные моменты с такой изобретательностью и искренней улыбкой, что Гриф не мог удержаться от смеха. Тем не менее он не испытывал желаний по отношению к ней, и это открытие беспокоило его. Он танцевал с ней, ел вместе с ней, даже целовал ее, когда она не оставляла ему другого выбора, но в конце концов начал подумывать, что, может быть, вообще потерял вкус к женщинам. Пять месяцев в море – пять месяцев воздержания. Потом прибытие к этим легендарным романтическим островам... и вот теперь он не желает того, что ему так милостиво и откровенно предлагают.

Чтобы не разочароваться окончательно, Гриф стал убеждать себя, что, наверное, это связано с юным возрастом девушки и ее невинностью. А может быть, напротив, с отсутствием невинности. Наконец, устав от всевозможных предположений, он решил, что скорее всего сошел с ума, когда впервые увидел пару веселых голубовато-зеленых глаз под намокшей зюйдвесткой.

Владелица этих глаз, Тесс, казалось, была чрезвычайно довольна собой в тот момент, такой оживленной она не выглядела ни на одном балу. Лицо ее покраснелось, глаза блестели. Она танцевала почти все танцы и ослепительно улыбалась британскому военно-морскому капитану, который чаще других приглашал ее. Тесс не обращала внимания на Грифа, тогда как он не мог оторвать глаз от ярко-красного платья, в котором она порхала в центре зала.

Мамуа перехватила его взгляд и утешающе похлопала по руке.

- Пойдем со мной, - сказала она. - Иначе ты окончательно измучишься из-за нее.

После такого бесцеремонного замечания, сделанного таитянской девчонкой, Гриф решил, что

ему действительно пора уходить. Тесс и мистер Сидни собирались гостить у Фрейзеров в течение всего времени пребывания на Таити, поэтому Грифу не нужно было провожать ее домой. Он сомневался даже, что она вообще заметит его отсутствие.

Позволив Мамуа проводить его до входной двери, Гриф раскланялся с Уильямом Стюартом, который в этот момент обнимал мадам де ла Ронсьер, жену комиссара, так что ему было вовсе не до дружеских воспоминаний.

Под конец Гриф снова обратил свое внимание на Мамуа и постарался найти вежливый способ уговорить эту рано развившуюся девицу вернуться в свою детскую комнату. После этого он намеревался забраться на ближайший утес и, бросившись в море, отдать себя на съедение вечно голодным акулам.

Тесс напряженно следила за Грифом поверх плеча с эполетом капитана Буша и заметила, как эта скороспелая маленькая кузина Майны увела его на темную веранду. Она видела также, как они танцуют, как вместе сидят за столом с освежающими напитками и таитянка угощает своего кавалера кусочками ананаса. Когда они вместе направились к двери, настроение Тесс окончательно упало, несмотря на все ее усилия оставаться довольной и веселой.

Она лелеяла слабую надежду, что ошиблась относительно их намерений, но, когда они остановились, чтобы попрощаться с хозяином, ее иллюзия окончательно рассеялась. Все же благодаря выдержке, которую она приобрела в Лондоне, Тесс ухитрилась скрыть свою подавленность до окончания танца, после чего подошла к Майне и сказала, что ужасно устала.

Майна изучающе посмотрела на подругу, затем подошла к мистеру Фрейзеру и предупредила, что гостя отправляется домой.

Тесс была очень рада снова встретиться с Майной после долгих лет разлуки, но ей было странно видеть бывшую сумасбродную и беззаботную девчонку, какой та была десять лет назад, в роли жены английского коммерсанта и матери троих детей. При этом она выглядела ничуть не старше, чем была, и сохранила стройность фигуры и гладкость лица. Майна по-прежнему много смеялась, показывая белые зубы, и ее черные глаза все так же весело блестели.

Мистер Фрейзер, пожилой бородатый мужчина, лишь снисходительно улыбнулся и покачал головой, когда она попыталась вытащить его из общества деловых партнеров, и в результате Тесс и Майна отправились домой одни.

Как только таитянка причмокнула, погоняя лошадь, и они тронулись с места, она повернулась к Тесс и спросила:

- Ты и этот капитан... Вы что, в ссоре?

Тесс удивленно подняла глаза.

- Ты имеешь в виду капитана Буша? Нет, мы не ссорились.

Майна поморщилась, как во времена их детства.

- Капитан Буш, - сказала она презрительно, - ничто. Я не знаю, почему ты танцевала с ним так часто и позволила Мамуа увести другого капитана.

Несмотря на прохладный ночной воздух, Тесс почувствовала жар на щеках.

- Не понимаю, что ты имеешь в виду.

- Да ты нисколько не изменилась! Вспомни, как ты влюбилась в Тави, а Энн Додд увела его у тебя из-под носа. Они поженились после того, как ты и твой отец уехали. Правда, теперь она супруга одного из королевских гвардейцев, потому что Тави развелся с ней. Он говорит, что спать с ней – все равно что спать с боевым петухом: всю ночь летят пух и перья, впиваются когти и раздаются победные кличи.

Этот небольшой экскурс в прошлое живо напомнил Тесс о ее первом романтическом увлечении в четырнадцатилетнем возрасте. Она потерпела тогда неудачу, уступив распутной Энн, потому что в юношеском возрасте любовь на Таити была значительно серьезнее, чем просто тайные поцелуи за амбаром, и ее отец устроил экспедицию на другой остров, прежде чем Тесс узнала о том, чем можно соблазнить юного Тави.

- Этот твой капитан, – глубокомысленно продолжила Майна, – он как раз то, чего хочет Мауа. Она считает его очень красивым и скоро начнет кормить его с рук кусочками папайи и массировать ему спину, а ты не сможешь даже покинуть этот остров, потому что он бросит свой корабль и навсегда останется здесь.

Мысль о том, что кузина Майны считает Грифа очень красивым, не могла утешить Тесс, так же как и картина его идиллического будущего в щедрых объятиях Мауа, поэтому она перестала притворяться равнодушной и тихо сказала:

- Что я могу сделать? Он ненавидит меня.

Майна недоверчиво посмотрела на Тесс.

- Ненавидит? Да он не мог отвести от тебя глаз!

- В самом деле?

- Но почему ты решила, что он тебя ненавидит?

- Ну... – Тесс попыталась найти объяснение. – Он должен мне деньги, это злит его. К тому же... есть еще другие причины.

Майна покачала головой:

- Деньги. Он что, любит выпить?

- Нет.

- У него есть другая женщина?

- Не думаю.

- Тогда для чего ему твои деньги?

- Для ремонта корабля.

- О... Тогда почему бы тебе не сказать ему, чтобы он оставил при себе эти деньги?

- Потому что это будет выглядеть так, будто я сделала ему одолжение, в то время как он ничем не может отплатить мне за это.

- Ясно. - Принцип взаимной щедрости был хорошо понятен таитянской девушке. - Значит, он очень глуп, если просит больше, чем может вернуть.

- Он ничего не просил, - медленно сказала Тесс. - Я вручила ему деньги обманным путем.

- А вот это очень плохо! Неудивительно, что он зол на тебя. Ты сказала, что есть и другие причины? Что еще?

Тесс закусил губу.

- Я говорила, что выйду замуж за него, а потом... изменила свое решение.

Майна неодобрительно причмокнула.

- Чтобы теперь снова изменить его? Ну конечно! Это стало ясно, как только я увидела тебя с ним. К тому же мне показалось, что ты относишься к нему так, будто он человек низкого происхождения. Твой капитан, безусловно, имеет чувство собственного достоинства и потому злится на тебя.

Тесс согласно кивнула:

- Наверное, ты права, но теперь слишком поздно что-либо менять.

Майна печально покачала головой, а потом вдруг рассмеялась:

- Нет, я так не думаю! Возможно, твой капитан злится, и я не виню его за это, но он все-таки желает тебя. Он все время смотрел на тебя, как голодный пес. Бедняга, наверное, поэтому и ушел с Мамуа: он решил показать, что ты можешь остаться с носом!

- Ты правда так думаешь?

- Это вполне возможно. Ты же не хочешь, чтобы Мамуа увела его у тебя, как Энн когда-то увела Тави, верно? Тебе надо вернуть капитана. Если хочешь одолеть Мамуа, старайся мыслить как таитянка, а не как старая миссионерка.

- Пожалуй, - неуверенно кивнула Тесс, - но как именно?

- Не беспокойся, я придумаю план!

Прошла неделя с того дня, как «Арканум» прибыл на Таити, и Майна наконец изложила свой план Тесс. Хотя он базировался в основном на полинезийских представлениях о порядке вещей, Тесс восприняла его как вполне разумный. План состоял из двух этапов: прежде всего надо восстановить «ману» Грифа, то есть некую мистическую комбинацию гордости и энергии, а потом дать ему возможность уплатить долг какой-нибудь эквивалентной ценностью.

Первый этап требовал определенного признания со стороны Тесс, что она уважает и любит его. Сначала Тесс запротестовала, полагая, что она уже все изложила в письме, но Майна посчитала, что его отказ снова сблизиться с Тесс является лишь первым в серии, длина которой будет определяться тем, насколько Гриф способен простить ее.

Второй этап вызвал у Майны некоторое затруднение. Ее глаза расширились, когда Тесс назвала ей сумму, потраченную на ремонт «Арканума» и уплату прочих долгов Грифа. Однако, как истинная подруга, Майна не пала духом и не отказалась помочь Тесс. После долгого

раздумья она решила, что существует единственный возможный способ возврата долга, исключаящий деньги.

Гриф должен спасти ее жизнь.

Услышав такое утверждение, Тесс слегка заколебалась; она приготовилась к длительной осаде, но вовсе не собиралась ставить на карту свою жизнь в расчете на то, что Гриф будет ее спасать. К тому же она была уверена, что он не догадается, какая связь имеется между спасением и его долгом ей. С другой стороны, Тесс хорошо помнила его реакцию, когда Старк уронил остроконечную свайку.

Майна уловила довольную улыбку, промелькнувшую на лице Тесс.

- Ты согласна, что этого будет достаточно? - радостно спросила она, сидя в тени кокосовой пальмы в воскресный полдень и наблюдая за играющими детьми. - Я тоже так считаю. Теперь нам надо реализовать наш план.

- Да, но без смертельного исхода для меня! И вообще, как ты собираешься устроить все это?

- Мы его обманем! - с энтузиазмом воскликнула Майна. - Я думаю, может быть, ты каким-то образом окажешься в бедственном положении на Мити-Попоа, а он найдет тебя там и спасет.

Мити-Попоа был крошечным атоллом в двадцати милях к югу от Таити, где Тесс и ее подруга в юные годы проводили много счастливых дней.

- Как там спасти мою жизнь? - спросила Тесс. - Это совершенно безопасное место.

- Разумеется, и мы это знаем. Но знает ли твой капитан? Предположим, ты оказалась там без еды...

- Тогда я буду ловить рыбу.

- Ну, или у тебя кончился запас пресной воды.

- Я расколю кокосовый орех.

Майна хихикнула:

- Черт, тебя ужасно трудно уморить! Тогда нам надо дожидаться сильного шторма.

- Я хотела бы оказаться в это время в каком-нибудь другом месте, но в конце концов переживу и это. К тому же непонятно, как я вдруг окажусь на Мити-Попоа и как Гриф узнает, что надо отправиться именно туда, чтобы спасти меня?

Майна глубоко задумалась, а затем решительно заявила:

- Сначала нам надо избавиться от мистера Сидни. Ты отправишь его на поиски образцов в центр острова...

- Нет! Его нельзя отпускать одного. Такое путешествие займет целую неделю.

- Я найду кого-нибудь ему в напарники, да и сам он будет рад. В горах есть много интересных растений. В любом случае ты должна собрать необходимые вещи, и я отвезу тебя на Мити-Попоа, где и оставлю, а когда вернусь, пойду к твоему капитану и скажу, что ты потерялась.

Думаю, лучше всего сделать это после шторма. Я позволю ему немного поискать тебя в округе, а потом вспомню, что ты говорила что-то насчет сбора коллекции на Попоа. Остальное он сделает сам.

- А что, если он не станет искать меня?

- Ну, тогда тебе придется попить кокосовое молочко несколько дней! И все-таки, думаю, он отыщет тебя. Я даже уверена в этом.

- Не знаю, не знаю...

- Перестань наконец сомневаться! - строго сказала Майна. - И не забывай про Мамуа!

Тесс искоса взглянула на светлые воды бухты Папееэте, где на якоре стоял «Арканум». По утрам она с тревогой смотрела на месте ли корабль. На палубах каждый день наблюдалась какая-то активность, но, по-видимому, она была связана с наведением порядка на судне и с очередной покраской. Тесс подумала, находится ли сейчас Гриф на борту или подставляет Мамуа свою спину для массажа где-нибудь на берегу. Эта воображаемая картина решила все.

Повернувшись к Майне, Тесс решительно произнесла:

- Хорошо. Полагаю, если попытаться сделать то, что мы задумали, особого вреда не будет.

Подходящий момент для осуществления плана Майны наступил гораздо скорее, чем ожидала Тесс. В течение двух последних недель она редко видела Грифа и в основном проводила время с мистером Сидни, занимаясь систематизацией коллекции растений, произрастающих на побережье. Хотя сезон проливных дождей уже наступил, погода стояла отличная и было гораздо суше обычного.

Рано утром Тесс проснулась в доме Фрейзеров от сильного шума и тотчас подбежала к окну своей спальни, как всегда делала это, чтобы взглянуть на холм, возвышавшийся над крышами домов, и на пыльные улочки, ведущие к бухте Папееэте.

Она устремила взгляд туда, где на голубовато-сером фоне неба выделялся «Арканум», и у нее перехватило дыхание: высокие мачты клипера медленно двигались, перемещаясь между мачтами других стоящих на якоре судов.

Тесс охватил внезапный страх. Он уходит! Она отскочила от окна и схватила пеньюар, собираясь броситься на пристань и попытаться остановить его, когда резкий порыв ветра ворвался в открытое окно и, подняв шторы, опрокинул небольшую вазу.

Только тут Тесс осознала, что это не ветер, дующий с северо-востока, а гораздо более сильный ветер с запада. Она снова подбежала к окну и увидела, что небо потемнело и листья пальм напряженно трепещут на ветру. Тесс была достаточно сведущей в морском деле, чтобы тут же все понять: шторм надвигался как раз с той стороны, где бухта Папееэте была меньше всего защищена.

Теперь она заметила, что и другие корабли пришли в движение. «Арканум» был уже на полпути к проходу между рифами, буксируемый небольшим гребным судном, на котором моряки напряженно орудовали веслами - они явно спешили вывести клипер в открытое море.

С замиранием сердца Тесс наблюдала, как клипер приблизился к проходу между рифами, где вздымающиеся волны начали сводить на нет усилия людей. Когда ей показалось, что

«Арканум» вот-вот налетит на рифы и разобьется, неожиданно раскрылись его кливеры и топсели. Корабль мгновенно развернулся левым бортом на девяносто градусов от прежнего направления и благополучно миновал выступ рифа.

Тесс захлопала в ладоши, отдавая дань уважения искусству мореплавания, затем быстро оделась и помчалась вниз по лестнице на поиски Майны.

Глава 12

«Арканум» вернулся в бухту Папеезе пять дней спустя после шторма. Он мог бы возвратиться раньше, поскольку шторм длился не более двух дней, но Гриф провел еще три дня, бесцельно курсируя среди Подветренных островов, придумывая различные причины, по которым он не хотел возвращаться, и спрашивая себя, какого черта его все-таки тянуло назад. Решение наконец было принято, когда наблюдатель сообщил, что видит на горизонте Таити. Гриф притворился, что продолжает дремать в тени рубки, а когда в конце концов открыл глаза, они уже подошли так близко к острову, что было бы нелепо поворачивать в открытое море.

Едва они встали на якорь, как Гриф услышал пронзительный голос, окликнувший его, и, повернувшись, увидел подругу Тесс Майну Фрейзер, взбирающуюся на борт из каноэ.

- Капитан! - приветствовала она его по-французски. - Вы так долго отсутствовали, что я уже не надеялась когда-либо увидеть вас!

Гриф посмотрел мимо нее, ожидая увидеть Тесс, но, как оказалось, островитянка приплыла одна.

- Вы должны поскорее сойти на берег, - продолжила Майна, не давая ему времени на ответ, - и помочь мне. Тете исчезла!

Гриф, сдвинув брови, посмотрел на нее.

- Тете...

- Ну да, леди Тесс, - сказала Майна нетерпеливо. - Мы называем ее Тете. Капитан, она не вернулась домой после шторма.

Грифу потребовалось некоторое время, чтобы осознать, о чем говорит таитянка, затем он почувствовал, как от страха за Тесс кровь застыла в его жилах.

- Вы искали ее? - спросил он и сразу понял глупость своего вопроса. - Я имею в виду - вы знаете, где она может быть?

- Где угодно! - воскликнула Майна, неопределенно махнув рукой. - Она отправила мистера Сидни в горы, и он тоже пока не вернулся, но с ним два проводника. А Тете ушла одна. О, капитан, вы должны помочь мне найти ее. Я пыталась обратиться в полицию, но они французы и плохо знают остров.

Гриф представил Тесс, одинокую и страдающую, в какой-нибудь забытой Богом долине или хуже того... Подавив волнение, он попытался мыслить здраво.

- Куда предположительно она могла пойти? - настойчиво спросил он. - Кто-нибудь видел ее?

Прошло трое суток, а он продолжал повсюду задавать этот вопрос и получал один и тот же

ответ: молчание или красноречивое пожимание плечами. Как и предсказывала Майна, местные власти проявили к поискам полное равнодушие. Французы считали, что отсутствие Тесс связано с семейной ссорой, и несколько раз спрашивали у Грифа, почему он так бил свою жену, что она сбежала от него. Узнав, что Тесс не является его женой, они вообще потеряли интерес к этому делу и посоветовали ему найти другую любовницу, поскольку на острове есть много девушек, которые с удовольствием составят ему компанию.

В конце концов Гриф отказался от услуг полиции. Они с Майной организовали собственные поиски и, задействовав его немногочисленных людей, разбрелись по острову.

После трех бесплодных дней и ночей Гриф сидел на шершавом пне старой пальмы в деревушке, название которой он не мог выговорить. Напротив него среди буйной зелени белел остроконечный шпиль церкви, а в кустах шуршал и тихо похрюкивал поросенок. Майна находилась рядом, ведя длинную беседу со стариком, чинившим рыболовные сети. Гриф не понимал ни слова из их разговора, однако знал, что все напрасно: члены его команды возвращались один за другим, так ничего и не обнаружив. Нигде не было даже каких-нибудь намеков на присутствие Тесс, а ведь прошло уже восемь дней после ее исчезновения.

Восемь дней.

Гриф мысленно перебирал все возможные варианты того, что могло с ней случиться. В этом тихом раю он повсюду видел опасности. Тесс могла упасть с утеса, утонуть в прибое, подвернуть ногу в каком-нибудь отдаленном месте и теперь медленно умирать от голода. В прибрежных водах рыскали акулы, а на берегу могли встретиться сбежавшие с проходящего корабля люди, которые были не в ладах с законом и не отличались порядочностью: бунтовщики, беглые рабы, убийцы...

Резко поднявшись, Гриф пересек небольшую лужайку и, взбежав по ступенькам крыльца, вошел в церковь. Внутри было прохладно и пахло цветами, оставленными с прошлого воскресенья на алтаре. Он сел на скамью, бесцельно глядя на побеленные стены. В церкви было тихо, если не считать легкого шума ветра и слабого эха от звонкого голоса Майны снаружи.

Через минуту Гриф сполз со скамьи и опустился на колени на грубый дощатый пол. Он уткнулся лицом в ладони и начал делать то, чего не делал пятнадцать лет. Он стал молиться.

Это была необычная молитва. Она не была даже обращена непосредственно к Богу. Гриф возлагал свои надежды на того, кто мог услышать его, кто мог ответить, кто мог взамен его обещаниям вернуть ему Тесс живой. «Я сделаю все, что угодно, – молился он. – Только пусть она вернется. Не дай ей умереть, испытать страдания или мучиться от страха».

Он молился очень долго и страстно и даже не заметил, как Майна вошла в церковь.

– Рифон, – тихо сказала она, дотрагиваясь до его плеча и произнося его имя на свой манер. – Не беспокойся. Ты найдешь ее. – Когда он наконец поднял голову и встал с колен, Майна улыбнулась ему немного странной улыбкой и добавила: – По-моему, Тете должна быть очень счастлива, оттого что ты так заботаешься о ней.

Гриф не знал, что ответить на это.

– Ты узнала что-нибудь? – спросил он.

– Да. – Ее карие глаза неотрывно смотрели на него.

- Ну так говори. - Он не мог понять по выражению ее лица, хорошая это новость или плохая, однако в том, как Майна смотрела на него, было что-то необычное.

- Старик одолжил ей каноэ неделю назад. Он сказал, что она до сих пор не вернула его.

- Неделю назад... - Гриф сжал сиденье скамьи. - После шторма?

Майна немного поколебалась, затем сказала приглушенным голосом:

- Нет, до шторма.

Гриф почувствовал, как кровь отхлынула от его лица.

- Он знает, куда она отправилась?

Майна уставилась в пол, и ее нежелание говорить отозвалось острой болью в сердце Грифа, словно его полоснули ножом.

- Пожалуйста, - произнес он дрожащим голосом, - скажи мне.

Она вздохнула и, откинув назад темные волосы, посмотрела ему в глаза.

- Старик говорит, что она отправилась на Мити-Попоа, это атолл к югу от острова. Он находится не очень далеко, примерно миль двадцать.

- Значит, кто-то поехал туда с ней?

- Нет.

- Нет? Ты хочешь сказать, что она отправилась в двадцатимильное путешествие на весельном каноэ одна перед штормом? Не могу поверить. Вряд ли она смогла бы на такой лодке пересечь даже бухту, не то что двадцать миль в открытом океане.

- Почему нет? - сказала Майна, словно защищаясь. - Например, я могу. А она ведь не знала, что надвигается шторм.

- Не знала? Боже милостивый! - Гриф наконец дал волю своему гневу. - Она может быть безрассудной, но не глупой. Ты уверена, что старик говорит правду?

- Конечно! - воскликнула Майна. - Зачем ему придумывать что-то? Ты не знаешь, Рифон, но Мити-Попоа считается проклятым местом, и если она захотела поехать туда, то могла сделать это только в одиночку. Никто не стал бы сопровождать ее. Должно быть, сейчас она все еще там, без еды и воды!

- Но почему, черт возьми, она отправилась в такое место?

- Наверное, просто хотела собрать редкие образцы растений. Ну да, теперь я вспомнила! Она говорила, что хочет найти там какой-то особый цветок, о котором рассказывал ее отец и который расцветает только после дождей. Вот почему она поехала туда перед штормом. Я уверена, что она все еще там, Рифон!

В энтузиазме Майны было что-то не совсем естественное, и Гриф подумал, что, возможно, она старается поднять его настроение. Это была весьма добросердечная девушка.

- Ты должен поехать туда и забрать ее. - Взяв Грифа за руку, Майна вывела его из церкви. - Старик сказал, что Тете взяла с собой воды и еды всего на несколько дней. Наверное, у нее какие-то проблемы, иначе она давно бы вернулась назад.

- Это мы скоро узнаем; лишь бы она действительно оказалась там, - мрачно заметил Гриф.

С каждой новой подробностью относительно Тесс у него возникало все больше опасений, что она могла погибнуть, а тут еще ужасные мысли об акулах, о жутких волнах во время шторма, которые могли достигать высоты в двадцать футов и более.

- Я соберу команду, и завтра мы отправимся туда на корабле, - решительно сказал он.

- О нет! - воскликнула Майна. - Туда нельзя подойти на корабле. Там нет места для стоянки, и даже на баркасе невозможно проникнуть к атоллу. Говорят, что и на каноэ очень трудно пробраться сквозь рифы. Правда, никто из островитян не захочет поехать туда, но... У этого старика дед был священником на Мити-Попоа. Думаю, если ему предложить немного денег, он сможет доставить тебя туда.

Гриф взглянул на морщинистого таитянина, который продолжал спокойно чинить сети.

- Хорошо, сколько будет достаточно?

- Пять франков.

- Полагаю, ты это уже обсудила с ним?

- О да. Я знала, что ты захочешь поехать.

Гриф заколебался. Он вовсе не хотел появиться на этом чертовом атолле и обнаружить, что Тесс там нет. Однако, так или иначе, выбора у него не было.

Он повернулся к Майне.

- Скажи, что он получит свои пять франков. Скажи также, что я хочу отправиться к этому атоллу немедленно.

Мити-Попоа был хорошо знаком Тесс. Белый песок, тенистые кокосовые рощи, тихие чистые воды лагуны - все это служило своеобразным укрытием для нее и Майны в юные годы. Лагуна казалась достаточно большой, но сам по себе островок был крошечным, так что мало кто из таитян посещал его, предпочитая для отдыха и развлечений более обширную группу атоллов к северу от Таити.

Тесс устроила свое убежище в центре островка, где густой кустарник обеспечивал ей защиту от постоянно дующих ветров. После шторма часто шли дожди, и она дополнительно укрыла свою небольшую парусиновую палатку слоем пальмовых листьев, так что внутри было совершенно сухо. Дождевую воду она собирала в оловянную посудину и имела достаточный запас сушеной рыбы, бананов, плодов хлебного дерева, чтобы благополучно существовать в течение определенного времени. Сначала Тесс вволю ела, ничего не делала и только ждала, бродя по искристому побережью, однако через неделю она уже иначе взглянула на сложившуюся ситуацию и начала более рационально расходовать сушеную рыбу, а также пользоваться сетью и крючками, которые захватила с собой, чтобы пополнить запасы, бродя по мелководью лагуны. Ей помогали навыки, которые она приобрела много лет назад. После

значительных усилий Тесс поймала в сети угря и еще всякую мелочь.

Эта деятельность отвлекала ее от мысли, что, возможно, никто так и не придет за ней. После полудня она, устав от хождения по воде с поднятой до пояса юбкой, укрывалась от солнца в тени кокосовой рощи и тогда начинала осознавать, что эта ее выходка была глупейшей из всего того, что она вытворяла когда-либо. Ей оставалось надеяться только на то, что Майна придет за ней, прежде чем она действительно будет вынуждена утолять жажду кокосовым молочком и питаться мелкой рыбешкой.

Надев чулки и ботинки, Тесс целый час занималась чисткой и разделыванием угря, чтобы замариновать его в винном уксусе, а потом уныло сидела в тени на берегу, чувствуя себя Робинзоном Крузо и размышляя, вернется ли она когда-нибудь опять к цивилизации. Все же Тесс, как могла, старалась сохранять бдительность, но усталость, равномерный шум прибоя в рифах и шелест пальмовых листьев убаюкали ее, и она уснула.

Когда Тесс проснулась, она, испуганно вскочив на ноги, сразу принялась осматривать горизонт и тут же в пятидесяти ярдах от берега заметила парус одинокого каноэ. Двое обнаженных по пояс мужчин спрыгнули в воду и быстро вытащили лодку на песок. Одного из мужчин Тесс не могла распознать, однако другой, с блестящими золотистыми волосами, несомненно, был Грифом.

Тесс замерла. Отчего-то вместо радости ее вдруг охватила паника, и первой ее мыслью было убежать, спрятаться. Но капитан уже заметил ее; он выпрыгнул из каноэ и побежал к ней по пляжу, с трудом вытаскивая ноги из глубокого песка.

Тесс стояла, словно окаменев, не в силах сдвинуться с места.

Приблизившись, Гриф остановился, тяжело дыша и глядя на нее, словно на ожившее привидение.

- Черт возьми, какая же ты ужасная глупышка! - Он грубовато обнял ее.

Гриф так крепко сжимал Тесс, что у нее заныли ребра; тем не менее она смущенно прильнула к нему с чувством радости и вины. Разумеется, ужасно, что она обманула его, и все же...

Она прижалась щекой к его груди, слишком счастливая, чтобы о чем-нибудь думать.

Наконец Гриф ослабил объятия, но не отпустил ее.

- Ты в порядке? - спросил он.

Тесс робко кивнула, не отрывая глаз от его горла, где под загорелой кожей пульсировала жилка. Ей ужасно захотелось коснуться языком прилипших к ней песчинок.

Внезапно Гриф, повернувшись в сторону оставленного каноэ, громко крикнул:

- Эй! Подожди! Какого черта...

Именно таким голосом он часто отдавал команды на борту своего судна. Звук оказался настолько громким, что Тесс непроизвольно попятилась.

Тем временем каноэ направилось к кромке рифов. Легкое суденышко находилось уже почти вне досягаемости, когда сидевший в нем старик махнул рукой и ответил что-то по-таитянски.

- Чертов ублюдок! - с досадой произнес Гриф. - Он таки уплыл!

Тесс негромко кашлянула.

- Он сказал, что вернется.

- Вернется? Тогда куда он поехал?

- Думаю, назад на Таити.

- Что?

- Он сказал, что вернется завтра, - быстро ответила Тесс, стараясь, чтобы волнение не выдало ее.

- Завтра? - Гриф схватил ее за руку. - Но почему, черт возьми, он не забрал нас сегодня?

- М-м... - История о суеверном проклятии, которую придумала Майна, теперь казалась Тесс нелепой. - Может быть, он неправильно понял то, что от него требуется?

- Я не говорил ни слова этому старому колдуну. Твоя подруга Майна разговаривала с ним... - Возбуждение Грифа постепенно улеглось, и он взглянул на Тесс пытливым взглядом. - Как ты добралась сюда?

Тесс вздохнула:

- Разумеется, на каноэ.

- И где оно?

Она махнула рукой вдаль.

- Шторм. Он смыл каноэ и унес в океан. - Тесс явно не умела лгать, ее объяснение показалось неубедительным даже ей самой.

Гриф, очевидно, почувствовал подвох и подозрительно сузил глаза.

- Почему же ты не оттащила его подальше на берег?

- Оно было слишком тяжелым.

Подходящее объяснение, решила Тесс, но, к сожалению, оно прозвучало так же неубедительно, как и предыдущее.

Гриф задумчиво устремил взгляд на горизонт, а затем, после недолгой паузы, небрежно произнес:

- Полагаю, после дождей, редкие цветы наконец распустились.

Тесс сдвинула брови.

- Цветы?

- И много ты их собрала? - Он пристально посмотрел на нее. - Хотелось бы взглянуть.

- Но я не собирала... - Чувствуя, что попалась, Тесс внезапно замолкла.
- Значит, не собирала?
- Дело в том... - поспешно пояснила она, - понимаешь, для сбора цветов не было подходящих условий.
- Странно, но отчего-то я не верю тебе. - Гриф прищурился.

Тесс съежилась.

- Ты и твоя подруга затеяли дурацкую интрижку, - продолжал он, и в его голосе ей почудилась угроза. - Вы все спланировали заранее, не так ли? Майна с самого начала знала, где ты, и заставила меня... Ты представляешь, что я мог подумать? - В его голосе звучал металл. - Ты знаешь, что это такое - провести три дня, точнее, семьдесят два часа, на ногах, занимаясь поисками по всему острову? Боже, Тесс, ты даже не представляешь, что я чувствовал, не найдя тебя!

Тесс, не поднимая глаз, молчала.

- Черт тебя возьми! - наконец крикнул Гриф. - Это что, еще один способ надавить на меня? Думаешь, это принесет тебе дополнительную выгоду? Сколько процентов? - Его голос дрожал от гнева. - Видимо, путешествия, устроенного мистером Сидни, оказалось недостаточно и Майна Фрейзер с твоего согласия решила окончательно добить меня? Что ж, у меня есть новость для тебя, Тесс. Ты получишь все сполна. Ты получишь мой корабль, получишь меня, погрязшего в долгах, из которых мне никогда не выбраться. Боже, я едва не сошел с ума, думая, что тебя сожрали акулы. Сидя на корабле, я думал о тебе день и ночь... - Он осекся и посмотрел на Тесс взглядом, от которого у нее закружилась голова.

Разумеется, Тесс понимала, что заслужила эту головомойку. Она ужасно сожалела... и в то же время была безумно рада. Он думал о ней, он беспокоился за нее...

- Хочешь есть? - тихо спросила она.
- Нет.
- А я только что поймала угря.
- Угря? - Если бы она поймала старый башмак, он, наверное, не проявил бы большего отвращения. - Как, черт возьми, ты ухитрилась сделать это?

Тесс осторожно взглянула на него сквозь полуопущенные ресницы.

- Это было нелегко.
- Я ненавижу рыбу.

Тесс с трудом сдержала улыбку.

- Этого хватит на двоих.

К тому времени, когда Тесс закончила мыть оловянные тарелки, стало уже почти темно. Она хлопотала по хозяйству, стараясь сдержать нервную дрожь.

Когда на раскаленные угли костра с шипением упали первые крупные капли начинающегося дождя, Гриф выругался, а Тесс поблагодарила природу за помощь в осуществлении ее плана. Прихватив кухонную утварь, она нырнула внутрь палатки, предоставив Грифу самому принять неизбежное решение.

Он принял его, когда дождь превратился в ливень. Шуршание капель, падающих на тщательно уложенные ветки пальмы, покрывающие палатку, сменилось грохотом, когда у входа в убежище появилась фигура Грифа. Он опустился на колени и выглядел таким намокшим и сердитым в бледном свете масляной лампы, что Тесс захотелось рассмеяться, но вместо этого она лишь молча протянула ему припасенное заранее полотенце. Энергично вытерев волосы и лицо, Гриф провел полотенцем по обнаженной груди и недовольно посмотрел на лужицу, образовавшуюся под его мокрыми штанами.

Шум дождя был столь сильным, что за ним трудно было что-либо расслышать, поэтому Тесс молча указала на чистое место, застеленное мягким одеялом и потертой парусиной. Укрытие было достаточно большим, и двое могли уместиться в нем, вытянувшись во всю длину.

Когда Гриф сел на парусиновую подстилку, Тесс приступила к осуществлению своего плана. Она тоже села и прикрутила лампу, затем склонилась в полутьме, чтобы развязать шнурки.

Медленно стянув ботинки, она отставила их в сторону; при этом из-под плотного края юбки выглянули ее ступни в белых чулках. Некоторое время она смотрела на них, собираясь с духом. Ее сердце учащенно билось, когда она медленно потянула юбку до подвязки чуть ниже колена. Затем Тесс сняла чулок, и в слабом свете лампы обнажилась гладкая матовая кожа.

Гриф находился достаточно близко и вполне мог прикоснуться к ней, но он, стиснув край мокрой подстилки, лишь с мрачным видом наблюдал, как она снимает другой чулок. Потом Тесс вытянула стройные ноги и тут же поджала их под себя. Края юбки опустились, случайно оставив на обозрение Грифа пару белеющих нежных ступней. Она затаила дыхание.

Разумеется, Гриф ни на йоту не поверил в ее невинную застенчивость, но ему показалось, что Тесс не собирается намеренно мучить его. Однако, когда она вытасила шпильки и тряхнула головой, рассыпав по плечам темные волосы, он не выдержал и отвернулся к стенке палатки. Но и там Тесс продолжала преследовать его, поскольку на полотне четко выделялась ее тень. Она расчесывала волосы ритмичными движениями, и воображение подсказывало ему, что сейчас он сам мог бы поглаживать эти шелковистые локоны.

Внезапно шум дождя стих. Гриф продолжал смотреть на ее тень, которая казалась почти неподвижной, после того как Тесс отложила в сторону щетку для волос. Судя по силуэту, она склонила голову. Дождь прекратился так же быстро, как и начался, и только с листьев еще продолжали со звоном падать капли.

Тесс то сжимала, то разжимала пальцы ступней, и это небольшое бесхитрое движение вызывало у Грифа неистовое желание. Его неумолимо тянуло снова взглянуть на ее обнаженные ноги под юбкой, и он сел, дрожа, тогда как потребность прикоснуться к ней стиснула его горло, словно тисками. Гриф боялся пошевелиться, боялся дышать. Он слышал, как Тесс шуршит своими туалетными принадлежностями. Потом она вздохнула, как ребенок, готовящийся ко сну.

Гриф резко отвернулся и уткнулся лицом в подстилку, моля Бога дать ему силы сохранить самообладание, и его резкое движение напугало Тесс. Она видела, что он наблюдает за ней, опустив веки и стиснув челюсти, и, казалось, ей следовало быть довольной, потому что все шло

так, как она хотела. Но вместо этого ее охватил страх. Она забыла, что должно последовать дальше в соответствии с их планом. Все, о чем говорила ей Майна, внезапно вылетело у нее из головы. Она предполагала, что капитан должен поцеловать ее, а потом... что потом?

- Гриф, - тихо произнесла она охрипшим от волнения голосом, - ты собираешься спать?

Он проворчал что-то, но не повернулся к ней; Тесс увидела лишь, как дернулось его плечо. Хотя Гриф лежал спокойно, во всем его теле чувствовалось напряжение, как будто он мог в любое мгновение вскочить и выйти из палатки.

- Пожалуйста. - Пальцы Тесс коснулись его плеча. - Мы можем поговорить?

- Убирайся к дьяволу, - хрипло произнес он.

Тесс облизнула пересохшие губы. Ее попытка воспользоваться представившейся возможностью сближения потерпела неудачу с самого начала. Может быть, ей не хватает смелости? Будучи крайне раздраженным, оттого что оказался в трудном положении на этом островке, Гриф мог не почувствовать ее попыток снова завязать с ним близкие отношения. Очевидно, ситуация требовала более решительных действий.

Тесс провела рукой по его влажному гладкому плечу, потом осторожно притронулась ладонью к спине.

Гриф снова дернулся, и она инстинктивно прижалась к нему, чтобы удержать; однако в этом не было необходимости. Гриф перевернулся на спину и погрузил пальцы в темные ниспадающие волосы Тесс.

- Чего ты хочешь от меня?

Тесс раскрыла губы, не зная, что сказать. Она вдруг смутилась: неужели он действительно не понимает?

- Да говори же!

- Я хочу... - Горло Тесс сжалось, и она почувствовала себя глупой и беспомощной. Однако, когда Гриф собрался снова отвернуться от нее, она взяла его за руку и выпалила, теряя разум:
- Я хочу, чтобы ты любил меня! То есть я хотела сказать...

Гриф долго молчал, и Тесс, ожидая ответа, слушала глухие удары своего сердца.

- Чтобы я любил тебя?.. - повторил он, и в его голосе почудилось недоумение, как будто раньше он никогда не слышал таких слов.

Щеки Тесс пылали. Какая глупость! Как она могла обратиться к нему с таким желанием? Опустив голову, Тесс безрассудно переплела пальцы с пальцами Грифа.

- Пожалуйста, - прошептала она и провела пальцем по его мозолистой ладони.

Это легкое прикосновение вызвало жар во всем теле Грифа, и одновременно с тем в его душу закралось подозрение.

- Я не верю тебе, - хрипло произнес он, моля Бога лишь об одном - чтобы она оставила его в покое. Его напряжение достигло предела, и казалось, что он вот-вот разорвется на тысячи кусочков. - И потом, как же Элиот?

По ее лицу пробежала тень боли, и Тесс попыталась высвободить руку. Однако в этот момент Гриф сомкнул пальцы так сильно, что у нее перехватило дыхание.

- Стивен и я...

- Нет, не продолжай. - Гриф приподнялся и взял ее за плечи. Внезапно его охватила паника в связи с тем, что она может сказать. - Я ничего не хочу знать. - Он зарылся лицом в густую массу черных волос. - Забудь о Стивене. Забудь о нем, - прохрипел он, целуя ее в шею. Он ощущал податливую гибкость ее сильного тела и все больше терял голову. - Я буду любить тебя, Тесс. О Боже... да, я буду любить тебя, если ты хочешь этого.

Он отыскал ее губы и прильнул к ним долгим неистовым поцелуем, потом прижался к ней всем телом, не веря, что все это происходит на самом деле, а все, о чем он мечтал долгими ночами, наконец сбывается.

Его руки скользили по ее рукам, грудям и лицу, ощупывая знакомые черты, и Тесс задвигалась под ним, то ли сопротивляясь, то ли молчаливо соглашаясь, но теперь ему было все равно. Снова начался дождь, и его шум смешался с шумом в ушах Грифа. Он был оглушен и забыл обо всякой осторожности.

Тесс лежала под ним, податливая и изумленная, не понимая, почему так внезапно изменились обстоятельства. Ее дрожащие руки отыскивали его твердые мускулистые предплечья и сомкнулись вокруг них. Неожиданно поцелуй причинил ей боль, хотя она помнила, что и прежде Гриф целовал ее так же неистово. Однако это была приятная боль. Тесс с радостью задышалась в крепких объятиях.

Наконец Гриф оторвался от ее губ, и Тесс, жадно глотнув воздуха, облизнула припухшую нижнюю губу. Его теплое дыхание коснулось чувствительной кожи на ее шее, затем переместилось ниже. Она не сопротивлялась.

Когда его ищущие губы отыскивали сосок на ее груди, Тесс шумно втянула воздух, потрясенная этим неожиданным и пугающе интимным прикосновением. В ее плане не был предусмотрен такой внезапный поворот событий, и она уже не могла контролировать дальнейшее. Гриф посасывал ее сосок сквозь грубый материал блузки, нежно оттягивая его, а затем впился поцелуем в нижнюю часть груди, которую тут же сжал рукой.

Тесс уперлась ладонью в его грудь, ощутив влажные завитки волос и горячую кожу, так и не решив, намерена она остановить или поощрить его. Руки Грифа скользнули вниз, лаская ее бедра сквозь плотную юбку, а потом поднялись выше и нащупали нижнюю пуговку блузки.

Охваченная страстным желанием, Тесс вдруг почувствовала слабость. Сейчас, когда его пальцы продвигались вверх, расстегивая блузку, слишком трудно было прислушиваться к предупреждающему внутреннему голосу и слишком легко поддаться искушению. Его губы прижались к обнаженной коже, и Тесс почувствовала влажные прикосновения его языка. При этом его руки начали расстегивать ее юбку.

Внезапно Гриф сел на колени, и Тесс содрогнулась от прикосновения холодного ночного воздуха к ее грудям. Она хотела соединить края расстегнутой блузки, но он остановил ее, сомкнув пальцы на ее запястьях. Шум дождя заполнил все вокруг, и им приходилось обходиться без слов.

Тесс расслабила руки, и Гриф медленно отпустил ее. На лице его не было ни улыбки, ни выражения любви. В слабом свете лампы в пахнувшей дождем палатке он внезапно показался

Тесс мрачным видением.

Взяв за руки, Гриф приподнял ее, как будто у нее уже не осталось сил. Он не ошибся: силы действительно оставили Тесс, когда она осознала, что дело не обойдется простым флиртом. Он прикасался теперь к ней так, словно она принадлежала ему.

Когда Гриф приложил руки к ее талии под блузкой, а потом Переместил их вверх, Тесс откинула голову назад. Его ладони обхватили ее округлости, и Гриф, склонившись к ним, начал ласкать языком возбужденные соски. Тесс застонала, но ее стон заглушил шум дождя, а блузка, соскользнув с ее плеч, повисла на руках. Все это было похоже на сон, на языческий ритуал. Гриф молча ласкал ее медленными движениями. Тесс чувствовала его мужскую твердость, его напряжение, его желание, которое явно проявлялось в оттопырившихся штанах. Ее собственная страсть ощущалась по тому, как горячо и влажно стало у нее между бедер.

Сжав голову Грифа, Тесс притянула ее к себе, целуя с ответным неистовым желанием. Она охотно приняла его язык, лаская своим языком, пока он вдруг с диким рычанием не опрокинул ее навзничь.

Сам Гриф при этом повалился рядом на спину и начал поспешно стягивать штаны. Тесс с удивлением наблюдала за ним.

Загорелый, с золотистой, как у льва, гривой, Гриф вытянулся рядом с ней во весь рост, упершись своим напряженным древком в ее бедро. Он поцеловал груди Тесс, затем высвободил ее руки из блузки, окончательно расстегнул юбку и встал на колени, чтобы приподнять Тесс и избавить ее от мешающей одежды. Его движения были очень нежными. Тесс ощущала себя юной, доверчивой и смиренной, желающей, чтобы ею руководили. Ее охватило радостное чувство, когда Гриф продолжил ласки; она поняла, что должна принадлежать ему сейчас и навсегда.

О, как невыносимо долго она ждала этого момента! Закрыв глаза, она сдерживала слезы, чтобы Гриф не увидел их. Обхватив ладонями ее ягодицы, Гриф привлек ее к себе, соединив их тела. Когда же он навис над ней, ноги Тесс легко раздвинулись и она выгнулась навстречу ему.

Ощувив боль, Тесс закусил губу и закрыла глаза, стойко держась при первом болезненном толчке. Гриф без колебаний преодолел преграду, и Тесс была рада, ощутив, помимо боли, что он заполнил ее и слился с ней, глубоко проникая при каждом толчке. Гриф тяжело дышал возле ее уха, и его дыхание заглушало даже шум дождя. Слегка приподнявшись над ней, он оперся на локти, и Тесс захотелось поцеловать его. Она приподняла голову и коснулась губами его горла – единственное, до чего смогла дотянуться.

Сжав ее плечи, Гриф начал проникать в нее судорожными толчками все сильнее и глубже., грубо вживаясь пальцами в кожу. Внезапно его тело напряглось, содрогнулось... один раз, второй... Затем из груди вырвался вздох облегчения.

Тесс долго лежала под ним, не шевелясь и прислушиваясь к тому, как его дыхание приходит в норму. Свет лампы почти погас, и их окружила тьма. Сердце Тесс продолжало учащенно биться, наполняя радостью тело.

Она подняла руку, коснулась его волос и улыбнулась, почувствовав, что Гриф повернул голову, открывая ей доступ к теплой влажной коже за ухом. Тесс испытывала необычайное удовлетворение, и даже болезненное ощущение между ног не могло умалить ее радости. Гриф давил на нее своим весом, но ей это было приятно. Она могла держать его на себе сколь угодно долго, если бы он захотел...

Как бы в ответ на ее мысли Гриф пошевелился, соскользнул на бок и перевернулся на спину, продолжая обнимать ее, а Тесс положила голову ему на плечо. Шум дождя делал бессмысленной попытку заговорить – да и о чем можно было говорить сейчас? Она принадлежала ему, любила его, и это главное. Для Тесс сейчас не существовало ничего, кроме этого дождя и теплого тела Грифа, прижимающегося к ней во влажной темноте.

Глава 13

Впервые за долгое время Грифу снились хорошие сны, а не ночные кошмары. Он снова был окружен теплом и заботой. Мать бранила его за детские проделки, потом прощала и целовала в лоб, младшая сестра плакала, ободрив колени на грязной улице, а затем, широко улыбаясь сквозь слезы, убегала со смехом, держа в руке дикий цветок, который Гриф сорвал для нее в утешение. А еще он видел во сне отца с серьезным лицом. Отец говорил о чести. «Никогда не забывай о ней. Если лишишься чести, все остальное теряет смысл...»

Внезапно Гриф проснулся. Вокруг было темно, но ощущение тепла не покидало его; при этом он чувствовал прикосновение гладкой кожи к своей коже. Дождь прекратился, и в тишине он мог слышать ровное дыхание Тесс, ощущать ее груди, прижимающиеся к его боку. Все это казалось ему даже более удивительным, чем сны.

Когда Гриф осторожно погладил Тесс по волосам, стараясь не разбудить ее, она вздохнула и прижалась к нему. Внезапно он вспомнил об Элиоте и о том, кем была Тесс, но тут же попытался изгнать эти мысли. Не сейчас... Со всем этим он разберется потом.

Гриф повернулся, притянул Тесс к себе, и она подалась к нему с тихим сонным вздохом. В темноте он ничего не видел, но его тело чувствовало ее. Он провел ладонью по ее округлому бедру, затем его пальцы переместились ниже, нежно касаясь мягкой кожи внутренней стороны бедра, где остались следы их любовного общения. Желание вспыхнуло в нем с новой силой. Пятна засохшей крови убедительно свидетельствовали о потере невинности. Тесс явно хотела отдаться ему, а он в пылу страсти не смог себя остановить.

Опираясь на локоть, Гриф приподнялся, пытаясь найти ее губы, а затем нежно поцеловал Тесс, словно стремясь загладить прежнюю неосторожность. Тесс проснулась, и ее руки потянулись ему навстречу. Он просунул ногу между ее ног и прижался возбужденным древком к восхитительной шелковистости ее кожи.

На этот раз Гриф хотел продлить сладостную пытку и начал медленное изучение ее тела губами, задержавшись в ложбинке между грудями, в то время как его руки скользили вверх. Он прошептал имя Тесс и почувствовал слабое содрогание ее тела, когда она вздохнула в ответ.

Тело Тесс напряглось, ноги переплелись с его ногами. Складки ее кожи, в которые он уперся возбужденной плотью, едва не сломили его выдержку. Гриф замер, стараясь удержаться от того, чтобы не войти в нее немедленно.

Тесс не дала ему времени на то, чтобы восстановить самообладание. Ее руки скользнули по его спине и обхватили крепкие ягодицы. Гриф со стоном опустился на нее, не в силах далее сопротивляться. Медленно, словно помимо воли, его мужская твердость скользнула в теплую соблазнительную нишу. Он задрожал, едва сдерживаясь от дальнейшего проникновения. Дыхание его участилось, а губы жадно прильнули к напряженному соску ее груди, и он начал ласкать его языком, совершая круговые движения.

Из горла Тесс вырвался стон наслаждения, и она широко раздвинула ноги. Гриф продолжал

ласкать ее грудь, жадно посасывая, отчего Тесс начала извиваться под ним. Он весь дрожал от предвкушения, готовый войти в нее, но в последнее мгновение отступил перед соблазном. Ее тихие страстные стоны усилились, а руки сжимали его тело так, что он едва сдерживался в напряженном ожидании. Затем Тесс согнула колени и, обхватив ногами, прижала его к себе.

Тело Грифа немедленно среагировало, и он погрузился в нее. Она вздрогнула, а потом выгнулась под ним, со стоном и мольбой произнося его имя.

Грифа охватила дикая радость, когда он почувствовал ее неопытное стремление испытать высшее наслаждение. Теперь он мог дать ей возможность удовлетворить потребность ее жаждущего тела. Она со стоном отвечала на его поцелуи и с неистовой страстью приподнималась, встречая его толчки. Гриф старался продлить их, глубоко проникая в нее, а она поощряла его руками, задавая желаемый ритм. Он не смог больше выдержать и, вскрикнув в безумном экстазе, с силой прижал ее к себе, а затем они вместе вознеслись к вершинам блаженства.

Все произошло гораздо быстрее, чем он хотел. Когда же Гриф попытался отодвинуться, чтобы освободить ее, она удержала его, заставив остаться на месте, а потом прильнула к нему, словно боясь, что он может исчезнуть.

Гриф уткнулся носом в нежное местечко пониже ее уха и с удовольствием услышал ее чувственный вздох, свидетельствующий о полном удовлетворении. Он еще долго оставался над Тесс, пока ее дыхание не сделалось спокойным и равномерным, затем медленно высвободился и перекатился на бок.

Тесс что-то пробормотала во сне и нащупала его руку, потом повернулась к нему спиной и уютно пристроилась, повторяя изгиб его тела. Такой жест доверия вызвал у Грифа желание крепко прижать ее к себе, но вместо этого он осторожно убрал руку, скользнув по мягкой выпуклости груди, и поцеловал ее в плечо. Тесс опять вздохнула и на мгновение прижалась к нему, прежде чем расслабиться.

Она уже давно уснула, а Гриф все никак не мог заснуть. Он смотрел в темноту и чувствовал, как недолгое счастье покидает его. Даже обладая таким сокровищем, которое ему предоставила жизнь, он не мог не думать о реальном положении вещей. Тесс являлась женой Стивена Элиота, и этим было все сказано.

Гриф вспомнил сон и слова отца относительно чести. Неужели это действительно было? Прошло слишком много времени, и теперь лицо отца представлялось ему весьма смутно, но, несмотря на это, в памяти Грифа отец остался непоколебимым, никогда не изменяющим своим принципам.

Гриф закрыл глаза и ощутил знакомые боль и тоску, которые мучили его много месяцев. Он подумал, что не сможет выдержать новых мучений. В своей жизни он уже пережил потерю семьи, Грейди, Тесс. Из-за того, что он не позволял себе любить близких людей, не давал волю чувствам, ему приходилось страдать и терпеть боль, от которой потом невозможно было избавиться.

Вот и теперь он не мог любить Тесс, зная, что она принадлежит другому. Но даже если бы она была свободной, он не мог рисковать и навлекать на себя новые страдания. Что касается страсти, он знал теперь, что Тесс готова делить ее с ним, однако внушенные отцом понятия о чести не давали ему покоя. Во имя того, кем он был когда-то, он найдет в себе силы уйти, как сделал это в недавнем прошлом, и никогда больше не приблизится к ней, поскольку не

доверяет своей выдержке.

Он постарается восстановить свою честь и завтра же покинет Тесс навсегда.

Постепенно ночная тьма начала рассеиваться, и первые проблески зари коснулись Тесс, сделав видимыми ее очертания.

Веки Тесс дрогнули, и она, проснувшись от незнакомого ощущения холода, не сразу осознала, что лежит обнаженной, что уже наступило утро и она одна в палатке. Мгновение спустя Тесс вспомнила, что было ночью, и, быстро сев, стала искать глазами Грифа.

Движение вызвало у нее приступ боли, и она посмотрела вниз. На ее ногах и на одеяле под ней виднелись темные пятна засохшей крови. Она покраснела, а потом откинула назад волосы и рассмеялась. Значит, все, что случилось, было правдой, а не сном. Гриф лежал с ней и обладал ею. Ее план сработал гораздо лучше, чем она могла представить. Теперь она безвозвратно принадлежит ему.

Тесс робко выглянула из палатки, но Грифа нигде не было. Тогда она потихоньку вышла, наполнила небольшой таз свежей дождевой водой, затем вернулась назад и тщательно вымылась. Начав одеваться, она заметила мокрые штаны Грифа, лежавшие в углу, и снова покраснела, а затем, немного поколебавшись, отбросила блузку в сторону. Они были одни – кто еще увидит ее?

Забыв о правилах приличия, Тесс с радостным смехом выскользнула из палатки. Удивительно приятно было ощущать обнаженным телом легкий утренний ветерок. Она зашагала по протоптанной дорожке к пляжу, где яркое солнце и белый песок заставили ее прищуриться, осматривая лагуну.

Через несколько мгновений она заметила Грифа: он плавал вдалеке на глубокой воде, где возле рифов вздымались большие буруны. В какой-то момент он скрылся под пенистой волной, и Тесс инстинктивно напряглась, зная, какая опасность может подстергать его. Сама она никогда не отваживалась заплывать туда.

Гриф на мгновение появился и снова исчез. Время шло, а Тесс все не видела его. Ноги ее ослабели, и она резко опустилась на теплый песок. Ее охватил гнев. Почему он заплыл так далеко? Она закусила губу и попыталась объяснить себе это обыкновенной глупостью. Уткнувшись лицом в колени, Тесс прошептала молитву, после чего наградила Грифа несколькими нелестными эпитетами. Она ждала столько, сколько могла выдержать, а потом откинула назад волосы и снова попыталась отыскать его взглядом.

Если бы не крутой разворот летящего альбатроса, который привлек ее внимание, она так и не увидела бы Грифа – он плыл вдалеке с подветренной стороны в спокойных водах ближе к острову. С криком облегчения Тесс вскочила и побежала по песку, затем зашлепала по воде и, наконец, нырнула.

Если Гриф и заметил ее, то не подал виду. Тесс плыла плавными, мощными гребками, как научила ее Майна еще в юные годы. Вода была теплой и чистой. Сначала Тесс ощутила болезненное раздражение в интимном месте, но потом все исчезло. Тесс старалась избегать коралловых выступов и не обращала внимания на плещущихся рыб, которые устремлялись прочь от нее.

Она встретилась с Грифом на песчаном мелководье между кораллами. Он встал на дно, где глубина была по пояс, и наблюдал за ее приближением. Тесс вновь охватила робость. Она

замедлила движение и, погрузив обнаженные плечи в воду, затаила дыхание.

- Ты ужасно напугал меня, - сказала она с оттенком беспокойства в голосе. - Ты мог утонуть около этих рифов.

- Это было бы счастливым избавлением, - ответил он неожиданно холодно.

Бесстрастное выражение лица Грифа лишило Тесс надежды на приятное утро, и она, нахмурившись, опустила голову и уныло посмотрела на кристально чистую водную гладь.

- Я не понимаю тебя.

- Почему ты не сказала мне сразу?

Она подняла голову.

- Не сказала о чем?

- Что ты была девственницей, черт возьми!

Тесс закусила губу.

- Я говорила, - робко возразила она.

- Нет. Боже, неужели ты думаешь, что я стал бы... - Гриф осекся. - За кого ты меня принимаешь?

Тесс постаралась вспомнить, в каких словах выразила свое признание в письме. Невозможно, чтобы Гриф неправильно интерпретировал смысл сказанного там.

- Я написала тебе письмо, в котором сообщала о Стивене и... о прочих вещах.

Он посмотрел на нее так, будто она говорила нечто странное и на непонятном языке.

- Так ты что, не читал его?

Ответа не последовало, и Тесс вдруг поняла, что если он не читал ее письмо, то еще многого не знает. Теперь она растерянно думала, как рассказать ему обо всем, что с ней случилось.

Пока она колебалась, его взгляд опустился ниже, где прозрачная вода плескалась около ее груди. Хотя хмурое выражение не покидало его лица, Тесс заметила, как на его щеке пульсирует жилка. Потом Гриф быстро отвернулся. Было ясно, что в нем снова проснулось желание, которое он немедленно подавил.

Угроза потерять то, чего она добилась с таким трудом, придала Тесс храбрости. Она встала на твердое песчаное дно, не пытаясь больше скрываться в сомнительном убежище из прозрачной воды.

- Прежде чем судить о том, что произошло этой ночью, - сказала она ровным голосом, - думаю, тебе следует узнать кое-что.

Гриф не отвечал; он не отрываясь смотрел на отдаленный риф.

- Теперь я не замужем, - сказала Тесс.

Он взглянул на нее так, словно она была каким-то чудовищем, мифическим существом, вышедшим из моря.

- Мои и Стивена брачные обязательства аннулированы. Он ни разу не прикасался ко мне... - Она сделала паузу. - Никоим образом.

Тесс ожидала, что Гриф обрадуется, по крайней мере почувствует облегчение. Ее не удивило ошеломленное выражение его лица, однако она не предполагала, что потрясение сменится неистовой яростью.

- Нет! - произнес он низким дрожащим голосом. - Этот номер у тебя не пройдет. Я не поддамся на очередной дьявольский обман.

- Это не обман. Это правда.

- Тогда почему ты сбежала от Элиота, если ваш брак был аннулирован?

- Я не убегала от него, - просто ответила она. - Я хотела найти тебя.

- Зачем, черт возьми? Чтобы завладеть моим потрепанным клипером?

Тесс взглянула на горизонт, где голубое небо сливалось с голубой водой, потом смело посмотрела в лицо Грифу.

- Я люблю тебя, - тихо сказала она.

Для нее это объясняло все.

- Ради Бога... - пробормотал Гриф и вдруг замолчал, не зная, что сказать.

- Ты злишься на меня, - быстро заговорила Тесс, - и имеешь на это право. Я не планировала то, что произошло прошлой ночью, но рада, что так случилось, потому что теперь...

- Потому что теперь я привязался к тебе, как любимая комнатная собачка? Нет, Тесс, я не настолько одурманен твоими чарами и не хочу быть твоим постоянным кавалером.

- Но я не имела в виду ничего подобного, - запротестовала она. - Я люблю тебя, и думала, что после минувшей ночи...

- После минувшей ночи... что?

- Разве ты не женишься на мне? - прошептала она, испуганная его замешательством.

Выражение лица Грифа изменилось: на смену гневу пришло оцепенение. Казалось, он был окончательно сбит с толку этой идеей. Тесс стояла в ожидании, но постепенно ей становилось ясно, что сейчас он ничего не скажет. Она почувствовала ужасное разочарование; руки ее похолодели, грудь болезненно сжалась. Не в силах больше выдержать его молчания, она повернулась и поплыла к берегу. К тому времени, когда она достигла пляжа, на ее губах ощущалась соль, то ли от слез, то ли от морской воды - она не знала точно.

Майна никак не желала признавать, что их план провалился.

- Он любит тебя, Тете, - повторила она в десятый раз и ухватилась за юбку, которую Тесс

собиралась упаковать. – Я видела выражение его лица, когда он думал, что ты погибла.

– Ничего подобного. – Тесс вытянула юбку из рук подруги и бросила ее в чемодан. – Он сто раз мог сказать мне об этом... А теперь с меня довольно – я устала навязываться ему.

Вернувшись на Таити, Тесс провела долгую бессонную ночь. Утром она первым делом отправилась в порт, чтобы узнать, какой корабль отплывает в ближайшее время. Оказалось, что в течение трех дней ничего подходящего не предвиделось, зато на четвертый день оснащенный парусами французский пароходе грузом хлопка должен отправиться в Кале. Это было не совсем то место, куда Тесс хотела бы поехать, но какое «то», она и сама не знала, поэтому заказала билет, лишь бы уехать отсюда да подальше.

– Тете, – взмолилась Майна, – не уезжай! Подумай о мистере Сидни. Он будет очень опечален!

– Я уже поговорила с ним. Он собирается остаться еще на некоторое время, а потом отправит коллекцию домой.

Прежде чем Майна успела возобновить настойчивые просьбы, послышались шаги маленьких ножек на лестнице.

– Мама! – крикнула ясноглазая пятилетняя дочка Майны. – Моана говорит, что к нам пришел мужчина. Он хочет видеть Тете.

Сердце Тесс сжалось. Неужели это...

Майна повернулась к ней с победным видом.

– Должно быть, это Рифон. Кто еще может искать тебя?

Тесс продолжала укладывать блузку, которую только что держала в руках.

– Наверное, это сообщение от французского капитана – я просила прислать мне подтверждение о выполнении заказа.

Фыркнув, Майна взяла розу из небольшой вазочки у окна и воткнула ее за ухо Тесс, а затем подтолкнула подругу к двери.

Гриф стоял у входа в холл, одетый в темный утренний сюртук с аккуратным галстуком, и выглядел так, будто только что вышел из лондонской кареты; в руке он держал огромный букет цветов.

Увидев Тесс, он даже не улыбнулся.

Тесс остановилась у подножия лестницы, а Майна бросилась вперед мимо нее, обняла Грифа и поцеловала в щеку.

– Я знала, что ты придешь! – воскликнула она.

Он мужественно выдержал объятие, после которого Майна отступила назад, забрала дочку и незаметно удалилась. Тесс со страхом и надеждой смотрела на цветы.

– Сидни сообщил, что ты уезжаешь, – сказал Гриф.

Она кивнула.

- Я пришел... - Он откашлялся, затем протянул ей цветы.

Все это выглядело довольно неуклюже, и все же это мгновение Тесс была готова упасть на колени и умолять, чтобы он попросил ее остаться. Затем к ней вернулась гордость.

- Благодарю. - Тесс взяла цветы, и когда нечаянно коснулась его руки, Гриф задержал ее руку.

- Выходи за меня замуж, - просто сказал он.

Тесс замерла. Его теплые пальцы продолжали удерживать ее руку.

Не от этого ли она лишилась дара речи? Или, может быть, у нее перехватило дыхание от радости?

Цветы выскользнули у нее из рук, но Гриф поймал их ловким движением.

Не поднимая головы, Тесс с трудом произнесла одно-единственное слово:

- Да.

Они обручились в соответствии с английским обрядом в таитянской церкви. Можно было выбрать другой вариант но Тесс предпочла небольшую часовню с простым убранством.

Церковь была полна людей. Сюда пришли не только Майна с семьей, мистер Сидни и команда «Арканума», но и многочисленные островитяне, которые очень хотели принять участие в торжестве. Тесс стояла перед ними в белом пышном одеянии из тафты, взятом у Майны, и нисколько не сожалела об отсутствии элегантного атласного платья с длинным шлейфом, которое было на ней во время прошлой злосчастной церемонии.

Главное, это была настоящая свадьба, а не страшный сон, как когда-то.

Слушая речь пастора, Тесс была крайне удивлена, когда тот произнес, возвысив голос:

- Повторяй за мной, сын мой: «Я, Грифон Артур Меридон...»

Гриф без малейших колебаний повторил это имя, и Тесс взглянула на него с любопытством, удивляясь, что видит его здесь дающим клятву любить ее и заботиться о ней всю оставшуюся жизнь. Впрочем, имя было не важно для нее; она была готова любить его под любым именем.

Слова своей клятвы Тесс произносила с беззаветной искренностью.

Однако вопрос об имени снова возник вечером, когда гости разошлись, отведав жареного поросенка и джина Фрейзеров. Майна заблаговременно договорилась о поездке вместе с детьми и мистером Сидни на остров Moorea с целью навестить родственников, а мистер Фрейзер отсутствовал уже семь дней, как обычно, занимаясь своим бизнесом. Двухэтажный дом с соломенной крышей в Папеезе оказался в распоряжении Грифа и Тесс.

Когда, проводив гостей, они поднялись по ступенькам крыльца, Тесс нерешительно спросила:

- Значит, теперь я миссис Меритон?

Гриф как-то странно взглянул на нее.

- Не Меритон, а Меридон, - поправил он ее и открыл дверь.

Тесс не хотела упоминать о Стивене и о том, что было связано с ним, однако ее насторожило некое совпадение. Она попыталась придумать, как исподволь подойти к интересующему ее вопросу, и наконец робко произнесла:

- Тебе известно, что это фамилия маркизов Ашлендов?

- Да.

Краткость ответа предупреждала ее, что не стоит касаться этой темы, однако, войдя в дом, Тесс повернулась и быстро спросила:

- Но ты, конечно, не имеешь отношения к этому семейству?

В наступивших сумерках выражение лица Грифа казалось непроницаемым.

- До некоторой степени имею.

- Теперь понятно. - Тесс полагала, что ей наконец открылась истина. Побочный сын... Этим многое объясняется.

Гриф не шевелясь стоял рядом с ней, и она взяла его руку.

- Я люблю тебя, - тихо сказала она.

Однако он высвободил руку.

- Надеюсь, тебе одной будет хорошо здесь?

- Почему одной?

- Я уйду.

- Уходишь? Куда?

- Тесс, - решительно сказал Гриф, - сегодня был тяжелый день. Мы поговорим об этом завтра.

- Но...

- Спокойной ночи. - Он вышел за дверь и повернулся, прежде чем закрыть ее. - Я вернусь до наступления утра, обещаю.

Потрясенная Тесс некоторое время стояла в холле, а потом, придя в себя, выскочила наружу, но Гриф уже исчез в сгущающихся сумерках. На пыльной улице не было никого, кроме детей, играющих во французские шары, да собаки, весело бегавшей среди деревьев.

Не зная, что делать дальше, Тесс вернулась в дом и закрыла за собой дверь. Как он мог уйти в такой день и куда отправился? Обещание вернуться до утра было скорее тревожащим, чем успокаивающим. Почему Гриф оставил ее одну?

Тесс медленно поднялась наверх, чтобы переодеться в легкую ночную рубашку - подарок Майны. Она не думала, что Гриф ушел надолго, поэтому села в кресло у окна и открыла томик французской любовной поэзии, специально приготовленный для Грифа. Она не стала распускать волосы и оставила в них белые цветы. Перечитав каждую поэму и дойдя до конца, Тесс прикрутила лампу и, подойдя к окну, стала вглядываться в тропическую ночь.

Часы пробили полночь, затем час ночи. Встав, Тесс начала ходить по комнате, спрашивая себя снова и снова, куда Гриф мог уйти и почему, а также как он мог так бессердечно оставить ее в такую ночь. В течение двух дней после того, как он сделал ей предложение, она почти не видела его, но знала, что он получил специальное разрешение на брак и был очень озабочен тем, чтобы церемония состоялась как можно скорее. Такое нетерпение чрезвычайно льстило ей. Так почему же теперь он пожелал ей спокойной ночи и оставил ее в холле, словно они были чужими?

Все больше злясь, Тесс представляла, что скажет ему, когда он вернется и начнет извиняться. Да, ему придется долго просить прощения!

Когда время подошло к двум часам, она уже не сомневалась, что Грифа пырнули ножом и ограбили где-нибудь в районе порта. Она была крайне взволнована и безостановочно металась по комнате, как вдруг заметила в темноте под окном слабый огонек. Огонек засветился ярче, потом свечение ослабло, а через мгновение он вспыхнул с новой силой, осветив бледные губы и бородатый подбородок.

Руки Тесс стиснули подоконник. Ей показалось, что кто-то наблюдает за ней. Но может быть, это просто жандарм, совершающий обход, или матрос, остановившийся покурить и сделать последний глоток из бутылки, прежде чем пойти к берегу?

Прошла минута, затем другая. Тишину нарушали только шелест листьев и отдаленный шум прибоя. От напряжения перед глазами Тесс поплыли белые круги. Она почти уверила себя, что подозрительная личность удалилась, и, продолжая стоять у окна, сокрушалась, что Гриф оставил ее здесь одну.

Часы внизу пробили половину третьего, и Тесс вздрогнула. Где же Гриф? Она плотнее запахнула халат и тихонько подошла к лестнице, но на верхней площадке остановилась. Внизу было очень темно. Тесс хотела вернуться за лампой, но раздумала и осторожно шагнула на верхнюю ступеньку лестницы, стараясь избежать скрипучего места, которое, как она знала, находилось в середине.

Сделав шаг, затем другой, Тесс стала тихо спускаться вниз. Казалось, ее ноги сами знали, как надо действовать, в отличие от мозга, который отказывался воспринимать опасность. Она была не одна в этом доме, и чувствовала это.

У подножия лестницы Тесс, почти не дыша, свернула в сторону кухни, остановившись около двери, осторожно заглянула внутрь... и едва удержалась от крика.

Дрожащее пламя внезапно вспыхнувшей спички осветило мужской силуэт, от которого по полу протянулась длинная тень. Стоя спиной к Тесс, мужчина склонился над кухонным буфетом. Когда он достал что-то из выдвижного ящика, Тесс увидела металлический блеск. Для нее этого было достаточно. Она даже не попыталась рассмотреть, что оказалось в руке у этого человека, и стремглав бросилась к входной двери.

Тесс бежала не останавливаясь, пока не спустилась с холма к пустым улицам в районе порта и не увидела «Арканум», покачивающийся на воде в нескольких сотнях футов от берега.

Тесс могла разглядеть его темный силуэт на фоне освещенной звездами воды. Несколько раз пройдя по холодному песку вдоль берега в поисках средства, с помощью которого можно было бы добраться до корабля, Тесс так и не нашла ничего подходящего и беспечно посмотрела через плечо на город. Внезапно ей показалось, что из-за ближайшего склада появилась темная фигура. Это подстегнуло ее: она скинула туфли, сняла халат и свернула его в узел.

Держа одежду над головой, Тесс вошла в воду, которая оказалась теплее свежего ночного воздуха. Рубашка, намокнув, обвила ее ноги, и Тесс стянула ее, оставив колыхаться светлым пятном на легких волнах, равномерно набегающих на берег. Обнаженная, держа халат над головой, она погрузилась в воду и поплыла к кораблю.

К тому времени, когда Тесс достигла корабля, ее руки сильно устали, и она решила немного передохнуть, а затем, со страхом глядя на высокий борт, позвала на помощь, сначала тихо, потом громче. Ей никто не ответил, и тогда она медленно двинулась вдоль борта.

Ухватившись за канат под бушпритом, Тесс немного отдохнула и продолжила движение вокруг корабля. С противоположной стороны она с облегчением обнаружила шлюпку, привязанную к лестнице, ведущей на палубу. Тесс из последних сил подплыла к шлюпке и бросила в нее халат, потом, тяжело дыша, ухватилась за планшир.

Забраться в шлюпку, не перевернув ее, было не так-то просто. После нескольких неудачных попыток, сопровождаемых плеском, который, казалось, мог разбудить весь французский гарнизон, Тесс навалилась на борт шлюпки, и та накренилась. При этом планшир уперся в лестницу, и Тесс подтянулась на дрожащих руках и перевалилась в лодку.

Еще раз передохнув, она надела халат. Шлюпка представляла собой хорошую площадку, с которой можно было легко подняться по лестнице, и через мгновение Тесс была уже на палубе. Она повернулась и попыталась поднять лестницу наверх, а когда ей не удалось сделать это, опасаясь, что незваный гость может каким-то образом последовать за ней, бросила лестницу за борт, и та сначала с громким всплеском погрузилась в воду, а затем всплыла на поверхность и начала медленно удаляться от корабля.

Глава 14

На палубе стояла тишина, вахтенного нигде не было видно. Тесс поднялась по ступенькам на ют и тут заметила слабый свет внизу.

Спустившись по трапу, она убедилась, что свет исходит из апартаментов капитана, и осторожно заглянула в полуоткрытую дверь.

Гриф лежал на кушетке, его светловолосая голова покоилась на ящике, который служил подлокотником. Масляная лампа на стене светила слабым ровным светом. Капитан спал. Тесс окликнула его, но он так и не проснулся, продолжая глубоко и ровно дышать. Тогда она проскользнула в каюту и коснулась его загорелой руки.

- Гриф, - прошептала Тесс, опускаясь на край кушетки. Она не могла злиться на него, лежащего вот так, в расстегнутой белой рубашке и с голыми ногами, выглядывающими из нарядных брюк.

Гриф глубоко вздохнул и открыл глаза. Тесс ощутила запах рома, и ей стало понятно, почему ему потребовалось немало времени, чтобы узнать ее.

Неожиданно для Тесс его лицо расплылось в улыбке, и она слегка улыбнулась ему в ответ. Счастье еще, что ей удалось убежать от непрошеного гостя, потому что Гриф в таком состоянии едва ли смог бы ей помочь.

Приподняв голову, Гриф тут же опустил ее на ящик, но, по-видимому, теперь к нему вернулось сознание, так как он широко раскрыл глаза и уже сердито посмотрел на Тесс, словно она была в чем-то виновата.

- Как ты оказалась здесь? - Гриф приподнялся на локтях.

- Сначала скажи, почему ты оставил меня?

Гриф попытался сесть, но это ему не удалось.

- Боже, я ужасно пьян. - Он покачал головой и снова уставился на Тесс. - Тебя не должно быть здесь.

- Так же, как и тебя.

Он задумался на мгновение, затем спросил:

- Почему ты мокрая?

- Я не смогла найти лодку.

Он застонал и снова опустил голову.

- А по-моему, ты сошла с ума.

- Может быть. Хотя я не оставляла тебя в брачную ночь.

- Но ты ведь сейчас уйдешь, не так ли? - сказал он приглушенным голосом.

Тесс поджала губы.

- Нет. Меня снова попытаются убить.

- Убить тебя? - повторил он, не поднимая головы.

- В дом Фрейзеров проник какой-то мужчина; я обнаружила его на кухне. Кажется, он искал нож. Должно быть, вор.

- Вор решил украсть нож?

Находясь на корабле, в безопасности, ощущая теплое бедро Грифа, Тесс воспринимала этот эпизод уже не так остро.

- Ну, во всяком случае, он искал что-то в ящике кухонного буфета, - сказала она, как бы оправдываясь.

- Скорее, он хотел украсть ложки, - предположил Гриф, с трудом ворочая языком.

Тесс нахмурилась:

- Возможно, это был Моана - он живет поблизости. Ему потребовалось что-то, и он решил не беспокоить нас... - Она робко взглянула на Грифа и тут обнаружила, что ее пеньюар распахнулся, обнажив колено.

- Думаю, тебе все-таки лучше уйти, - пробормотал Гриф.

Тесс упрямо сжала челюсти.

- Почему, не понимаю.

- Не хочу, чтобы ты оставалась здесь.
- Но я твоя жена...
- Ну да, жена. Ты ведь этого хотела, не так ли? А теперь уходи.

Тесс в замешательстве посмотрела на него, потом накрыла его руку ладонью.

- Мне не нужно твое имя.

Гриф тут же убрал руку.

- Это все, что я могу дать тебе.

В голосе Грифа чувствовалась обида на допущенную кем-то когда-то несправедливость. Тесс хотела обнять его, успокоить, сказать, что для нее это не имеет значения, однако она знала, что он был слишком гордым и именно эта гордость разлучила их когда-то. Ее деньги, положение в обществе и прочие достоинства не могли сгладить существующие между ними разногласия. Одних слов здесь было недостаточно, но зато теперь Тесс были известны его слабости. За месяц, проведенный на островах, Тесс усвоила, как женщина может привязать к себе мужчину.

Надо мыслить как таитянка, говорила ей Майна.

Тесс встала и, не заботясь о том, насколько приоткрылся ее пеньюар, подняла руки, якобы для того, чтобы поправить прическу. При этом влажный шелк прилип к ее телу, подчеркивая выпуклости груди. Взгляд Грифа тут же устремился на них; затем он взглянул ей в лицо. Тесс улыбнулась и вытащила гребень из волос, отчего мягкие спутанные локоны упали на плечи.

- Тесс...

Некоторое время она стояла перед ним, приглаживая волосы, потом поднесла локон к носу и глубоко вдохнула приятный аромат.

- Ты действительно хочешь, чтобы я ушла?

Гриф молчал, и Тесс снова присела на кушетку рядом с ним, приняв его молчание за разрешение. Склонившись над ним, она провела пальцами по ложбинке на его спине, а затем, приблизив губы к его уху, прошептала:

- Я хочу остаться.

Запустив руку под полы его рубашки, Тесс проделала пальцами обратный путь вверх по его мышцам. Гриф медленно повернул голову, и его дыхание опалило ее плечо. Тесс снова ощутила хмельной запах рома. Его веки были опущены, и он смотрел туда, где пеньюар раскрылся между ее грудями.

Тесс провела пальцем по его щеке и очертила контуры губ.

- Ты хочешь, чтобы я ушла? - снова спросила она, не пряча улыбки, и он подался навстречу ей.
- Я готова подчиниться.

Неожиданно Гриф поднял руку, и Тесс ощутила его горячие пальцы на своем горле. Потом они скользнули вниз, к краю халата...

- Нет, - хрипло сказал он. - Я хочу, чтобы ты сняла это.

Его низкий голос вызвал у Тесс дрожь возбуждения. Она опустила плечо, и халат сполз вниз под тяжестью его руки, а когда Гриф провел пальцами по другому плечу, она оказалась абсолютно обнаженной.

Он прижался губами к ее горячей коже.

- Ты очень красивая, - пробормотал он. - Очень.

- И вся твоя, - тихо откликнулась Тесс. - Хочешь, я помассирую тебе спину?

Гриф улыбнулся такой же медленной ленивой улыбкой, как в тот момент, когда впервые открыл глаза и увидел ее.

- Нет. - Его рука обхватила ее грудь. - Отойди так, чтобы я мог видеть тебя всю.

- А я-то думала, ты не хочешь видеть меня здесь, - сказала Тесс, поддразнивая его.

- Неужели я говорил это? Значит, я лгал. Конечно... лгал. - Последние слова прозвучали глухо, так как он прижался губами к ее горлу. Тесс задрожала, ощутив прикосновение его языка к нежной ложбинке. Она почти бессознательно согнула ноги и переместила их на кушетку; и тут же Гриф поймал ее руки и, притянув к себе, лег на спину. Щетина на его подбородке оцарапала ее нежную кожу, но это прикосновение вызвало у Тесс лишь радостный смех.

- Почему ты смеешься? - проворчал Гриф, не отрываясь от нее. - На корабле женщинам непозволительно смеяться над капитаном.

Это замечание только усилило ее веселье. Гриф обхватил талию Тесс, и она вскрикнула, почувствовав, что он переворачивает ее. Оказавшись сверху, Гриф начал целовать ее подбородок, плечи и всюду, куда только мог дотянуться, в то время как его руки отыскивали ее груди.

- Похоже, ты решила устроить бунт на корабле, - услышала она между поцелуями. - Знаешь, что тебе грозит за это?

Тесс выгнулась, наслаждаясь его ласками.

- Кажется, бунтовщиков бросают за борт? - сказала она чуть слышно.

Гриф покачал головой:

- Зачем терять хорошую женщину? - Он провел языком по ее приоткрытым губам, оставив на них вкус рома. - К таким, как ты, я применяю более утонченные пытки.

Уткнувшись носом в ее горло, Гриф переместил поцелуй ниже, следуя за руками. Достигнув мягких розовых сосков, он остановился и взглянул на нее.

- Есть только одна проблема, в данном случае муки испытывает капитан. Почему я одет, когда ты... - Он заплунул, ища подходящее слово, и наконец продолжил: - ... в таком восхитительно нескромном виде?

- Потому что ты совершенно пьян. Я сомневаюсь, что ты сможешь расстегнуть хоть одну пуговицу.

Гриф криво усмехнулся:

– Мое дело заниматься парусами, бом-брамселями и тому подобным. А пуговицы... Пусть это остается на ваше усмотрение, мадам. – Он снова начал целовать и покусывать ее, а затем лег на спину и закинул руки за голову, словно паша, обзирающий свой гарем. Его глаза блестели серебром, а гладкие контуры груди и ребер, казалось, призывали Тесс стянуть с него накрахмаленную рубашку. Она не сразу решилась сделать это, руководствуясь запоздалой девичьей скромностью, однако эксцентричная улыбка Грифа позволила ей преодолеть застенчивость. Как-никак он ее муж.

Мысль об этом наполнила Тесс теплым чувством, и она, упершись коленями в кушетку, начала действовать. Проявляя инициативу, Тесс испытывала удивительное возбуждение. Ей было приятно видеть, как Гриф подчиняется ей. Она заставила его сесть, чтобы снять рубашку, потом снова уложила на спину и начала медленно поглаживать загорелые плечи и крепкие мышцы.

Кончик ее языка коснулся соска его груди, и Гриф, застонав, погрузил руку в волосы Тесс, чтобы притянуть ее голову ближе к себе. Затем Тесс обнаружила, что, прикасаясь кончиком языка к ложбинке у основания горла, можно заставить его сердце биться чаще. Она узнала также, что он от наслаждения закрывает глаза, когда она ласкает кончиками пальцев мышцы его груди. А когда она начала расстегивать пуговицы брюк, он задышал часто и прерывисто.

Тесс замерла, не зная, что делать дальше, но Гриф не стал дожидаться ее дальнейших экспериментов: он привлек Тесс к себе и, поцеловав в губы, глубоко проник языком в рот. Он неловко задвигался под ней, а потом ее бедра ощутили его обнаженную кожу, и Гриф, прервав поцелуй, обхватил ее ладонями и притянул к себе.

Его тело было горячим, а атласная кожа влажной. Колени Тесс опирались на гладкую плотную обивку кушетки, когда она возвысилась над ним, накрыв их обоих темным покрывалом своих волос. Потянув ее бедра вниз, Гриф приподнялся, и Тесс закусил нижнюю губу, ощутив его мужскую твердость. Такое положение казалось ей удивительным и пугающим, но зато теперь она могла видеть его лицо.

Когда она опустилась на него, он откинул голову.

– О Боже, Тесс...

Она вобрала его глубже в себя, наслаждаясь проникновением. Теперь ей не было больно, только приятно, и она радостно улыбнулась.

Гриф подтянул ее вперед, согнув колени позади нее. Его губы, найдя ее грудь, начали ласкать сосок, и Тесс выгнулась, продолжая двигаться на нем. Гриф помогал ей руками, а она раскачивалась, тяжело дыша и едва сдерживая стоны. То, что она испытала раньше с ним, ей понравилось, но сейчас все было гораздо лучше. Необычайное удовольствие пронзило все ее существо, проникнув до самой глубины; она вскрикнула и изогнулась, помогая ему. Затем Гриф начал приподниматься, входя в нее мощными толчками, и Тесс почувствовала, что вот-вот наступит разрядка. Неожиданно его пальцы впелись в ее кожу, и он крепче притянул ее к себе. Тесс широко раздвинула ноги, раскрываясь навстречу ему. Ощущение его члена внутри возбудило ее до предела. Гриф не прекращал движения, и Тесс, слившись с ним, уже не могла ни осознавать себя, ни существовать иначе, как только оставаясь частью его существа. Она не могла больше сдерживать крик, который поднимался из глубины ее души и наконец вырвался наружу, заглушая стоны Грифа.

Едва дыша, Тесс долго не могла прийти в себя и перебороть головокружение. Гриф прижался к ней и тут же повалился на нее без сил, но через некоторое время, бессвязно что-то бормоча, приподнялся и перекатился на бок.

Он поцеловал ее в ухо, потом повернул ее голову и поцеловал в губы. А через минуту он уснул, продолжая касаться губами ее кожи.

Тесс улыбнулась и пригладила на его виске локон светлых волос. Она блаженствовала, купаясь в море любви и вдыхая острый возбуждающий запах их тел.

Утром, когда они еще спали, снаружи раздался громкий крик, и Тесс вздрогнула от неожиданности. Ее резкое движение вызвало недовольный стон Грифа. Лишь когда крик повторился, он с трудом открыл глаза, но тут же снова закрыл их.

Тесс села, щурясь от яркого света, проникающего через открытый иллюминатор, и потрясла Грифа за плечо. Потом она склонилась над ним и поцеловала.

- Команда возвращается на борт, капитан.

Энергичные удары по корпусу корабля наконец заставили Грифа принять вертикальное положение, и он, тряхнув взъерошенной головой, приложил ладони к лицу, а потом посмотрел на Тесс сквозь пальцы.

- Ну и ну, черт побери!

Она улыбнулась:

- Доброе утро.

Гриф недовольно проворчал что-то, а затем с трудом поднялся с кушетки. Пытаясь отыскать штаны, он не слишком твердо держался на ногах.

- Тебя проводить? - спросила Тесс, когда он пошатнулся, надевая их.

Гриф насмешливо посмотрел на нее.

- Лучше уж тебе остаться здесь, чем появиться перед командой без одежды.

- Да, сэр! - Тесс смиренно села на кушетку. Ей было приятно смотреть на загорелую мускулистую спину и плечи, когда Гриф одевался.

Не заботясь о рубашке, Гриф босиком двинулся к двери. Тесс с улыбкой отметила, что, захлопнув дверь, он запер ее снаружи на задвижку.

Когда Гриф вернулся, она занималась тем, что обследовала свой ставший жестким от соли пеньюар.

- Кто-то украл нашу лестницу, - сердито сказал он, потом открыл шкафчик и достал чистую рубашку. - Какого черта они не догадались принести другую?

Сев на постель, Тесс приложила халат к губам.

- Кому потребовалась лестница, скажи на милость? - Гриф бросил ей рубашку. - Надень хоть это. Я не понимаю, почему воры не взяли шлюпку и якорный буй. Проклятие, может быть, у

тебя здесь осталась какая-нибудь юбка?

Тесс покачала головой.

- Да что с тобой? - спросил Гриф, бросив взгляд на ее покрасневшее лицо.

- Я выбросила ее за борт, - сказала она упавшим голосом.

- Выбросила юбку?

- Прости, но это была лестница. Мне казалось, что вор гонится за мной и у него нож.

- Послушай, Тесс, лучше тебе прекратить издеваться надо мной! - В голосе Грифа зазвучала угроза. - У меня ужасно болит голова.

- Очень сожалею! Я достану тебе другую лестницу. - Тесс встала и, надев рубашку, убедилась, что длинные полы доходят ей почти до колен. Когда она посмотрела вниз, чтобы застегнуть пуговицы, волосы упали ей на глаза, и она откинула их назад. - Пусть это будет мой свадебный подарок. Ты ушел из дома слишком быстро, и я не успела подарить тебе то, что приготовила.

Лицо Грифа немного смягчилось. Подойдя к Тесс, он протянул руки, чтобы помочь ей закатать рукава рубашки. Прикосновение показалось ей очень нежным.

- Так ты действительно испугалась прошлой ночью?

- Да, и успокоилась, только когда нашла тебя. Я была в страшной панике, когда увидела того человека под окном. Он стоял там и курил. Должно быть, это был какой-нибудь моряк, однако мне показалось...

- Ладно, теперь это неважно. - Он пригладил ее волосы. - Сожалею, что оставил тебя одну, мне не следовало так поступать.

- Да уж, не могу не согласиться, - саркастически заметила Тесс.

Когда Гриф направился к двери, Тесс последовала за ним и, обхватив его за талию, прижалась к нему щекой.

- Я люблю тебя...

Гриф застыл на месте, и Тесс почувствовала, как он глубоко вздохнул.

- Напрасно, Тесс. Это только осложняет ситуацию.

Она поцеловала его напряженную спину.

- Какую ситуацию?

Он осторожно разомкнул ее руки и повернулся к ней.

- Кажется, ты собиралась отплыть отсюда на французском пароходе?

- Да, - сказала она и улыбнулась. - Но то было в прошлом.

- Уезжай на нем.

Улыбка сошла с лица Тесс.

- Что ты имеешь в виду?

- То, что ты слышала. Будет лучше, если ты уедешь домой.

- Но я не понимаю...

- Я не могу жить с тобой, - сказал он, глядя в пол. - И не буду.

Тесс замерла.

- Ты получишь свидетельство о браке и можешь сказать, что овдовела, если тебе так будет угодно. Если появится ребенок, то... - Кажется, Гриф вдруг на что-то решился: быстро подойдя к сейфу, он открыл его. - Я хочу, чтобы ты взяла это. - Он вложил ей в руку нечто маленькое и холодное. - Я знаю, что оно мужское, но это единственное, что у меня есть. Мне больше нечего подарить тебе.

Тесс раскрыла ладонь и увидела изумрудное кольцо с печаткой.

- Значит, ты прогоняешь меня? - спросила она тихим голосом.

- Неужели ты не понимаешь? - с болью произнес он. - Я ничего не могу дать тебе.

- А твоя любовь? Это все, что я хочу и хотела всегда.

Его лицо напряглось. В наступившей тишине Тесс услышала топот ног по палубе и ощутила дуновение ветерка, приподнявшего прядь се волос.

- Или ты не любишь меня? - прошептала она.

Гриф почувствовал, как сжалось его сердце. Боже, как ей ответить на это? Любить ее было бы крайним безрассудством. Он был уверен, что не может, не должен позволить себе любить Тесс. В его жизни любовь всегда сопровождалась горем. Он не вынесет, если на его долю снова выпадут подобные испытания. Ему следует отослать Тесс подальше, а если он оставит ее при себе, то его ждет новая потеря.

- Нет.

Тесс заморгала, пытаясь остановить внезапное головокружение.

- Но почему...

- Я женился на тебе, потому что должен был сделать это.

- Должен? - Тесс сжала кулаки и почувствовала, как кольцо врезалось ей в ладонь. - Значит, должен...

Гриф опустил голову.

- Иного выбора не было. Я сделал это ради тебя.

Тесс вдруг почувствовала, что ноги не держат ее. Она сделала пару шагов к кушетке и, сев, попыталась успокоиться.

- Минувшей ночью ты любил меня...

Он отвернулся, чтобы не смотреть ей в глаза.

- Я не говорю, что... не желаю тебя. Видит Бог... - Гриф откашлялся и сжал кулаки. - Иногда я думал, что умру от желания обладать тобой. Я пытался побороть его, но при виде тебя не мог сдержаться. Вот если бы ты уехала...

- Я не хотела уезжать, а теперь и вовсе никуда не уеду!

- Тогда это сделаю я.

- Но почему? - спросила Тесс упавшим голосом. - Ты ведь любил меня, любил еще до Стивена...

Гриф бросил на нее хмурый взгляд, как будто она нанесла ему запрещенный удар.

- Нет. Я никогда не любил тебя. Просто тогда это было какое-то безумие. Я лишь пытался сделать все возможное, чтобы ты не ушла к Элиоту, но ты была права, когда прогнала меня. Тебе следовало оставаться при своем убеждении.

Пытаясь сдержать рыдания, Тесс прикрыла рот рукой.

- Думаю, твоя обида тогда едва ли составляла десятую долю от той, какую ты нанес мне сейчас.

- Что ж, тебе придется меня простить. Я старался загладить свою вину, как только мог, но, помимо брака, мне нечего предложить тебе.

Тесс посмотрела на него затуманенным взглядом.

- Значит, теперь ты хочешь расторгнуть брак? - спросила она слабым голосом.

Гриф заколебался:

- Я не настаиваю на этом. Это твой выбор...

- Тогда я не хочу разводиться, - быстро сказала она.

- Развод был бы правильным решением. Ты заслуживаешь лучшей участи и сможешь снова выйти замуж. Я не знаю, сколько времени уйдет на доказательство невыполнения супружеских обязательств, но...

- Невыполнение обязательств?

Гриф мрачно посмотрел на нее.

- Да. Это будет достаточным основанием для развода.

Тесс засмеялась истерическим смехом.

- Понятно! Ты бросаешь меня! Это, разумеется, должно загладить мою обиду. - Ее горькие слова отразились эхом в небольшой каюте. - Может быть, лучше тебе уехать первым, чтобы никто не мог сказать, что это я бросила тебя.

Гриф отвернулся, но Тесс успела заметить боль в его глазах. Встав с кушетки, она подошла к нему.

- Ты не можешь поступить так со мной. Пусть ты не любишь меня сейчас; я действительно вела себя глупо, и ты зол на меня. Но я непременно исправлюсь, обещаю. Вдвоем мы будем счастливы, только дай мне время доказать тебе это. Ты сможешь снова полюбить меня. - Она схватила его за руку. - Неужели ты не хочешь даже попытаться?

Гриф высвободил руку и шагнул к двери.

- Я не могу любить тебя и не могу оставаться рядом с тобой. Если тебя это не устраивает, разведись со мной. - Он холодно посмотрел ей в глаза, затем опустил голову. - Я пришлю к тебе Майну с одеждой. Французский пароход отплывает сегодня днем.

Гриф быстро покинул каюту и закрыл за собой дверь, а Тесс, оцепенев, еще долго смотрела туда, где он только что стоял.

Стоя у стойки бара, Гриф бесцельно водил пальцем по запотевшей кружке пива, наблюдая, как Уильям Стюарт, пожелав своим французским друзьям удачного дня, направляется в его сторону.

- Тебя можно поздравить! - воскликнул Стюарт, подходя, и, пригласив Грифа за стол, взял в руку бокал. - За супружество... и за другие не менее благие дела.

Гриф кивнул и выпил. Он не обижался на Стюарта, поскольку рассчитывал на его помощь.

- Кажется, нам есть о чем поговорить, старина? - Стюарт окинул Грифа острым взглядом. - Должен признаться, мне странно слышать о том, что ты нуждаешься в работе. Я думал, что новоявленный муж британской леди не станет интересоваться подобными делишками.

Гриф посмотрел на пиво, потом на открытую дверь, где в солнечном свете плясали тени от кустов олеандра.

- Ты ошибся.

- Значит, она забрала с собой все денежки, когда отплывала вчера, вся в слезах?

Гриф стиснул челюсти и лишь молча посмотрел на собеседника.

Стюарт пожал плечами и улыбнулся:

- Это небольшой остров, и здесь все знают о вашей возвышенной романтической истории. Ты храбро спас леди, когда она чуть не пропала на пустынном атолле. Тогда это у тебя ловко получилось, очень ловко. Не могу только понять, какие проблемы возникли потом.

В городе, где хозяйничал Стюарт, Гриф, угощаясь пивом за его счет, чувствовал, что будет весьма неразумно врезать ему по физиономии, на что тот явно напрашивался, поэтому он лишь сухо сказал:

- У тебя есть подходящая работа для меня?

- О да, конечно. Я только стараюсь понять, насколько ты нуждаешься в ней.

- Нуждаюсь, причем очень.

Стюарт улыбнулся:

- А по-моему, ты не очень стремишься заключить сделку.

- Сначала надо обсудить условия, но, полагаю, для моего корабля здесь нет конкурентов.

- Это верно. Я забыл... кажется, его водоизмещение пятьсот тонн по меньшей мере.

- Пятьсот двадцать семь.

- А какова осадка?

- Сто семьдесят восемь дюймов при полной загрузке.

Стюарт вздохнул:

- Полагаю, твой клипер будет подобен киту среди рыбешек, если использовать его в межостровной торговле. Я привязан к островам Туамоту, и мне приходится конкурировать с мистером Брандером, мистером Хортом и твоим другом мистером Фрейзером.

- Такое использование «Арканума» не окупится, - мягко сказал Гриф, отлично понимая, чем плоха идея включить «Арканум» в конкуренцию с небольшими шхунами, курсирующими между островами. - Мой клипер мог бы совершать рейсы до Сиднея с грузом хлопка за два месяца, а в Сан-Франциско - за четыре.

Стюарт достал из кармана трубку и начал набивать ее табаком.

- Но до Фриско уже существуют регулярные рейсы.

- И какова их стоимость?

- Сто двадцать франков за тонну.

- Я возьму меньше.

Стюарт улыбнулся:

- О, да ты лихой парень! Как мне помнится, ты на многое способен.

- Да, это верно.

- К сожалению, перевозка хлопка пока не является моим бизнесом - здесь очень трудно найти людей, чтобы выращивать и собирать эту чертову вату. - Разжигая трубку, Стюарт сдвинул брови. - Однако мы отслеживаем цены на хлопок и могли бы заняться торговлей этим товаром, по крайней мере пока длится американская война. Здесь превосходное место для выращивания длиноволокнистого сорта, но мои надсмотрщики приходят ко мне каждый день, сообщая, что у них недостаточно людей. Тебя не заинтересует хорошо оплачиваемая доставка чернокожих невольников? Скажем, не отправился бы ты вместе с моим братом Джеймсом на Маркизские острова?

Гриф нахмурился: перевозить невольников у него не было никакого желания.

- Тебя смущает проблема нравственности, старина? - усмехнулся Стюарт. - Ты всегда был правильным парнем, не так ли? Но может быть, ты изменился, потерпев неудачу в браке? Ты допил свое пиво? Тогда пойдём и навестим имперского комиссара - местного аристократа де ла Ронсьера. Уверен, он будет рад познакомиться с новым представителем аристократического класса. - Стюарт подмигнул. - Но прежде всего он будет рад встретиться со мной.

Они вышли на улицу, когда уже начали сгущаться сумерки. Стюарт выбил трубку о поручень крыльца, но не прошли они и пяти ярдов, как Гриф заметил еще один табачный дымок. Он оглядел пустую улицу. В зарослях жасмина и гибискуса щебетала птичка, потом до него донесся также странный щелчок.

Гриф остановился. В следующий момент он уже лежал на земле, прикрывая собой Стюарта.

И в ту же секунду тишину квартала прорезал пистолетный выстрел.

Стюарт выругался и приподнялся, тяжело дыша, а затем они оба, не разговаривая и не задавая вопросов, бросились в кусты. В руке у Стюарта как по волшебству оказался короткоствольный крупнокалиберный пистолет, а Гриф мгновенно выхватил свой револьвер.

Второго выстрела не последовало, зато на улице появилась пара здоровенных мускулистых таитян. Внезапно Стюарт положил руку на предплечье Грифа, когда тот уже готов был нажать на курок, а затем свистнул. Островитяне разом оглянулись и тут же нырнули в заросли кустарника, исчезнув прежде, чем испуганные свидетели события высунули головы из дверей салуна и ближайшего магазина.

Гриф не мог скрыть удивления, когда один из здоровенных таитян внезапно возник из листвы рядом с ним, однако, увидев, что Стюарт и островитянин о чем-то тихо разговаривают, опустил пистолет. Через мгновение таитянин опять исчез, Стюарт взглянул на Грифа и мотнул головой.

Спрятав револьвер, Гриф последовал за Стюартом, удивляясь смелости, с которой тот вышел на улицу.

- Видишь? - сказал Стюарт доверительно, показывая Грифу свой пистолет. - Едва ли он предназначен для охоты на птиц, но с расстояния двух шагов им можно нанести большой ущерб даже нетренированной рукой. На твоём месте, сэр, я на всякий случай снабдил бы прелестную жену такой штукой.

Гриф осмотрел крошечный пистолет с перламутровой рукояткой, затем молча вернул его.

- Если возникнет необходимость, моя жена сумеет постоять за себя; она стреляет даже лучше, чем я.

Ответив на приветствие нескольких любопытных прохожих, Стюарт продолжил неспешное движение по улице.

- Думаю, нам лучше отложить визит во дворец, - тихо сказал он. - Тебя интересуют новости, которые должны принести два моих друга?

- Разумеется, интересуют.

- Хорошо. - Он искоса взглянул на Грифа. - Позволь мне поблагодарить тебя за своевременное содействие. Ты заметил что-нибудь?

Гриф пожал плечами:

- Я услышал щелчок.

- Должно быть, у тебя хорошее чувство самосохранения, мой друг. - Стюарт сделал паузу. - Так, значит, я не убедил тебя относительно поставки людей на Маркизские острова?

Гриф молча покачал головой.

- Я так и думал. - Стюарт внезапно остановился. - Знаешь мой склад «Хлопок и кофе Таити» на пересечении Бреа и Риволи? Жди меня там, я приду через час.

Гриф не стал возражать. Важнее всего для него сейчас было заключить контракт на перевозку хлопка. Пройдя в сгущающихся вечерних сумерках к центру города, он вышел в торговый район на набережной. В этой части города порядок поддерживали французские жандармы, и шум, доносящийся из немногочисленных притонов, посещаемых моряками, не распространялся далее полос света из открытых дверей и окон, а улицы были почти пустыми.

Прислонившись к деревянной стене склада, Гриф посмотрел на свои ладони, оцарапанные крошками кораллов во время падения; но царапины не так беспокоили его, куда в большей степени он был раздражен тем, что ему приходилось все еще оставаться без дела на острове.

Он сам себе осложнил жизнь. Теперь ему оставалось только торговать рабами, скрываясь в просторах Тихого океана. Глядя в темноту, он вспоминал Луизу Грант-Гастингс, обеспеченную и отчаявшуюся, и сознание того, что он довел Тесс до такого же состояния, не давало ему покоя. Правда, он снабдил ее документом, обеспечивающим защиту, и даже собирался оговорить условия их брака, но так и не решился: бездушные слова относительно условий застряли у него в горле. В результате он заставил ее страдать еще больше.

Рано или поздно Тесс поймет, почему он заставил ее уйти. Они слишком отличаются друг от друга. Она полна жизни, готовности любить и быть любимой, тогда как он даже в лучшие дни холоден внутри, а в худшие - готов покончить с собой. И все же он хотел остаться в живых и полагал, что погибнет, если не расстанется с Тесс. Однажды это едва не случилось, и он не желал повторения.

Услышав звук шагов на темной улице, Гриф выпрямился, и тут же из мрака появился Стюарт. Пристально взглянув на Грифа, он молча отпер дверь склада. Позади него двое таитян небрежно поддерживали сильно избитого человека. Гриф не мог распознать лица пленника, но зато мог с уверенностью сказать, что метод допроса, применяемый Стюартом, едва ли украсил физиономию парня.

Войдя внутрь, Стюарт зажег лампу, после чего кивком пригласил Грифа сесть в кресло, сооруженное из тюков хлопка. В помещении пахло перезрелыми бананами и пылью. До сих пор никто не произнес ни слова, и Гриф невольно напрягся, когда таитяне втащили пленника внутрь.

В тусклом свете лампы Гриф наконец разглядел распухшее лицо преступника и, почти сразу узнав в нем Старка, тихо присвистнул.

- Это твой человек?

- Я прогнал его с корабля.

Глаза Стюарта мгновенно потемнели.

- Надеюсь, ты не думаешь, что я как-то причастен к его делишкам?

Стюарт прислонился к письменному столу, на котором были разбросаны учетные книги и счета.

- Боюсь, ты причастен, старина, - спокойно сказал он и, взяв в руку карандаш, начал вертеть его в пальцах. - Похоже, все это из-за твоего брака.

Гриф пристально посмотрел на Стюарта, и тот печально улыбнулся:

- Неприятно сообщать тебе плохие новости, но, кажется, этого парня наняли, чтобы убить твою жену.

Глава 15

За окнами отеля в Дувре стоял густой туман; он оседал каплями на стекле, постепенно стекая вниз тонкими струйками воды. Такая же промозглая погода была и в Кале. Тесс и так уже измучилась, находясь в море: ее пребывание в течение трех месяцев в непрерывно качающейся каюте под конец стало совершенно невыносимым, однако, когда она сошла на берег, ей не стало легче. Суша вызывала у нее неприятное ощущение непривычной неподвижностью, и так же, как на качающейся палубе, ее не покидало впечатление, что кресло, в котором она сидит, вдруг начинает медленно отъезжать от стола.

Через несколько недель после отплытия из Папеэте у нее начались приступы морской болезни, и с тех пор они так и не прекращались всю дорогу. Если бы не симпатичная дружелюбная пассажирка, жена ушедшего на покой капитана китобойного судна, Тесс вряд ли пережила бы это путешествие. Помимо настоятельных советов «съесть кусочек пудинга» или «спуститься вниз отдохнуть», эта почтенная леди оказывала Тесс всяческую помощь, выступая, по ее же собственным словам, а качестве «спасительного якоря в бушующем море».

Даже осознание того, что является истинной причиной ее недомогания, не помогло Тесс выйти из депрессии, однако благодаря заботливой спутнице она хотя бы постепенно начала есть. Новая подруга объяснила ей, что она должна хорошо питаться. Обязанность Тесс перед жизнью, зародившейся внутри, - потреблять как можно больше овощей и фруктов, даже если ее раздражает один только их вид.

В результате Тесс каким-то образом сумела перенести холодные штормы в районе мыса Горн, экваториальную жару, сопровождаемую крайней депрессией, и даже свирепый ураган в Атлантике. Чувствуя себя несчастной, она плакала каждый день, но это не были слезы отчаяния. С каждой пройденной кораблем милей Тесс становилась все более злой и решительной, стремясь выжить назло человеку, который оставил ее одну и тем самым обрек на незаслуженные мучения.

Она хмуро смотрела в окно отеля на мглистую набережную, на которой даже днем горели газовые фонари. Кареты двигались по полутемным улицам крайне медленно. Хотя было уже десять часов, а ее поезд отправлялся в десять тридцать, Тесс все еще сидела в халате, глядя на сосиску и яйцо, которые давно остыли. Жена капитана обещала, что недомогание Тесс в конце концов пройдет, но пока не было никаких признаков того, что этот счастливый день наступил.

Тесс вдруг захотелось свежего кокосового сока, который не шел ни в какое сравнение с прогорклым содержимым орехов, привозимых в Англию издалека. Это желание вызвало в ее

воображении яркую картину жизни на Таити, и она опять заплакала.

Внезапный стук в дверь заставил Тесс вытереть слезы. Она решила не обращать внимания на осуждающий взгляд служанки, когда та увидит нетронутую еду на тарелке, однако девушка, войдя, тихо сказала:

- За вами приехал ваш муж, мэм. Он ждет вас внизу в гостиной.

Тесс вскочила на ноги и, сразу пожалев об этом, быстро села. Приложив руки к животу, она постаралась выровнять дыхание.

- Муж? О Боже... Скажите ему, что я сейчас приду!

Теперь Тесс не могла думать ни о чем другом. Подавив приступ тошноты, она оделась и посмотрела в зеркало. Особых признаков беременности не было видно, но она явно выглядела нездоровой.

Тесс осторожно потрогала кольцо с печаткой, висевшее на цепочке, которую купила для нее жена китобоя в Вальпараисо. Обычно она носила кольцо под платьем, но сейчас с гордостью выставила его наружу, решив, что простит Грифу все только за то, что он приехал за ней.

Спускаясь по лестнице, Тесс услышала в коридоре мужские голоса и среди них решительный голос владелицы отеля. При ее появлении все трое - два констебля и хозяйка - дружно повернули головы и посмотрели на нее.

Тесс смущенно улыбнулась. Хозяйка крайне неодобрительно относилась к тому, что она путешествует одна, но сейчас, казалось, лицо женщины выражало удовлетворение.

- А где же мой муж?.. - Тесс замолчала, не зная, каким именем Гриф пользовался на этот раз.

Хозяйка доброжелательно кивнула:

- Его светлость в гостиной, миледи.

Тесс не ожидала такого официального обращения, однако она была слишком взволнована, чтобы задавать вопросы, и, решительно повернув фарфоровую ручку, вошла в гостиную.

Тесс еще не успела различить что-либо в тусклом свете, как ее окликнули:

- Наконец-то, моя дорогая...

Тесс замерла. Это был вовсе не тот голос, который она ожидала услышать.

- Скажи, почему ты убежала от меня, любовь моя? - вкрадчиво произнес сидевший перед ней мужчина.

- Стивен, - прошептала Тесс. К счастью, она все еще держалась за ручку двери, и это не позволило ей рухнуть на пол от потрясения и страха.

Она инстинктивно прикрыла рукой талию, в то время как Стивен, поднявшись, двинулся к ней.

- Ну вот, дорогая, теперь ты наконец сможешь вернуться домой. - Улыбка Стивена и холодное выражение его глаз заставили Тесс содрогнуться от ужаса, и она инстинктивно отступила назад.

- Оставь меня в покое, пожалуйста.

- Дорогая, ты же знаешь, что я не могу сделать этого. - Он сказал это так, будто она просила о чем-то невозможном. - Ты должна поехать со мной домой. Подумай о наших детях...

- Ты что, с ума сошел? - Больше всего Тесс хотелось сейчас повернуться и убежать. - Не смей прикасаться ко мне. Здесь находятся представители власти.

- Вот именно, дорогая, но тебе нечего бояться. Я попросил их прийти только из соображений предосторожности. - Стивен протянул руку, намереваясь взять ее под локоть. - Они понимают, какой чувствительной может быть женщина, попав в щекотливое положение.

Тесс быстро повернулась, но он успел схватить ее за запястье.

- Отпусти меня!

Стивен, не возражая, выполнил просьбу, и Тесс поспешно обернулась к полицейским.

- Вероятно, он сказал вам, что является моим мужем?

Стражи порядка, казалось, пребывали в некотором замешательстве, и Стивен тут же воспользовался этим.

- Джентльмены, - сказал он тихо, - вы же понимаете, она нездорова. Дорогая... - Он попытался положить руки ей на плечи.

- Нет! - Тесс высвободилась и сделала глубокий вдох, стараясь собраться с мыслями. - Я не твоя жена. Все кончено, Стивен, и никакие уловки ничего не изменят!

На лице хозяйки гостиницы появилась кислая гримаса, и Стивен, видимо, ища поддержки, печально взглянул на нее.

- Прошу прощения, мадам, за то, что здесь происходит, но моя жена и прежде устраивала нечто подобное.

- Ничего, милорд, мы все понимаем. Забирайте ее домой, к малышам, которых она оставила.

- Он все лжет! - выкрикнула Тесс, видя, что присутствующие уже готовы согласиться со Стивеном. - У меня нет никаких детей, и наш брак аннулирован... - Она повернулась к Стивену. - Теперь я состою в браке, но уже не с тобой!

В ответ Стивен лишь покачал головой.

- Любовь моя, почему ты обращаешься так со мной снова и снова? Никакого Грифона Меридона не существует, и ты не миссис Меридон, а миссис Элиот. Эти твои фантазии... Я знаю, ты не можешь сама справиться со своим недугом, и хочу помочь тебе. А теперь пойдём, не будем усложнять ситуацию. - Он внимательно посмотрел на хозяйку гостиницы. - Может быть, вы пошлете кого-нибудь забрать ее вещи?

Тесс охватила паника. Казалось, Стивен знал о ней все.

- Я никуда не пойду с тобой! - Она чувствовала лестницу за своей спиной, однако бежать вверх не было смысла, и когда Стивен со спокойной улыбкой приблизился к ней, она бросилась мимо него к входной двери.

И тут же один из констеблей схватил ее огромной ручищей. Тесс вскрикнула и начала вырываться.

- Он не мой муж, - твердила она. - Отпустите меня. О Боже, пожалуйста!

Полицейский до боли стиснул ее руку, однако в голосе его звучало сочувствие, когда он тихо произнес:

- Ничего, мэм, не беспокойтесь. Никто не причинит вам вреда.

- Он... он причинит! Он опять запрет меня. - Тесс попыталась высвободиться, а потом вдруг повернулась к полицейскому и, упав на колени, прижалась щекой к его грубым шерстяным штанам. - Не верьте ему. Он запрет меня и будет держать в темноте. Пожалуйста. Наш брак аннулирован, и у нас нет и никогда не было детей. Это все ложь!

- О, Тесс, дорогая, пожалуйста, не волнуйся так! - В голосе Стивена звучало столько показного сочувствия, что Тесс поняла - она обречена.

Закрыв лицо руками, она пронзительно взвизгнула:

- Не слушайте его!

- Благослови вас Господь, мэм. - Констебль взял ее за плечи, и в его голосе Тесс услышала отеческую обеспокоенность. На этот раз страх надоумил ее пуститься на хитрость. Она протянула руки, как бы прося защиты, и когда констебль выпустил ее, бросилась к двери. Выскочив на мокрый тротуар, Тесс сломя голову устремилась вперед, при этом сбив с ног какого-то мужчину, оказавшегося на ее пути. Крики, раздававшиеся позади, подстегивали ее, зато тяжелые юбки и мокрый тротуар крайне затрудняли бег. Единственной ее надеждой было скрыться за непроглядной пеленой густого тумана.

Внезапно Тесс споткнулась и упала на одно колено, но тут же снова поднялась и двинулась вперед. Она слышала звук приближающихся шагов, потом мимо прогрохотал кеб.

Тесс выскочила на середину улицы и замахала руками перед испуганной лошадью, а затем вскочила на подножку и постаралась протиснуться в глубь экипажа. Однако когда в ответ на предложение оплатить проезд кондуктор получил в ответ только испуганный взгляд, он сразу сообразил, что женщина скрывается от погони. Омнибус остановился, и Тесс ничего не оставалось, как только спрыгнуть на тротуар.

Прежде чем она успела подняться, ее окружила целая толпа - кондуктор, констебли и несколько пассажиров.

Тесс тяжело дышала, волосы упали ей на лицо, юбка была разорвана. Она стояла с опущенной головой и старалась сдержать позывы к рвоте. Затем она услышала, как Стивен тихо дает указания, и страх придал ей новые силы. Тесс начала пронзительно кричать и сопротивляться. Тогда трое здоровенных мужчин подняли ее и понесли, ругаясь, так как она царапала и колотила их. У открытой дверцы кареты Тесс увидела Стивена с печальным выражением на лице.

- Мерзкий лжец! - крикнула она. - Немедленно отпусти меня! Ты не имеешь права... - Упершись ногами в ступеньки кареты, Тесс продолжала сопротивляться.

В конце концов ее бросили внутрь темного экипажа, как мешок с мукой, и она, ударившись

головой об острый край ручки, ощутила сильную боль. Потом внутрь влез Стивен и дверца захлопнулась.

Тесс лежала на полу у его ног, свернувшись клубочком, и держалась за голову, в то время как карета медленно катилась по мостовой.

Шум собравшейся толпы стих, и лишь уличную мальчишки некоторое время бежали за экипажем, посылая вслед бессвязные оскорбления. Когда же и они отстали, остался только стук колес по камням, сопровождаемый приглушенными рыданиями Тесс.

- Я решил записать имена полицейских и еще нескольких свидетелей, - спокойно произнес Стивен. - Так, на всякий случай, если потребуется доказать, что ты действительно вела себя как сумасшедшая.

Тесс молчала; она и в самом деле была на грани безумия. Ее колени дрожали, и она закрыла лицо руками, сдерживая подступавшую к горлу тошноту.

- Вставай, - брезгливо сказал Стивен. - Ты представляешь собой отвратительное зрелище.

Этот тон был хорошо знаком ей. Неповиновение грозило бедой, и Тесс с трудом приподнялась на дрожащих руках. При этом кольцо, свободно висевшее на цепочке, слегка ударило о ее грудь. Она сжала его, внезапно порадовавшись, что в карете темно, затем с отвращением села на сиденье напротив Стивена. Крошечные золотые звенья цепочки впились ей в кожу; в следующее мгновение щелкнула застежка, и кольцо оказалось в ее ладони.

Держа холодный металл в кулаке, Тесс не представляла, куда спрятать его, и до конца не осознавала, почему это необходимо сделать. Однако потребность сконцентрироваться помогла, ее голова начала проясняться; место, которым она ударилась о ручку дверцы, еще болело, но уже не так сильно. И тут Тесс охватил гнев. Она вспомнила, что больше не находится во власти Стивена, а то, что он совершил, является преступным похищением, и ничем иным.

Стивен уже однажды поразил ее. Его поступки после бракосочетания были неожиданными и даже невероятными, однако она не сразу поняла, что ей срочно надо спастись. Зато теперь она знала, какова его истинная сущность. Главное - не терять головы. Сейчас они не в Ашленде, и, вполне возможно, у нее еще появится шанс сбежать от Стивена.

Продолжая сжимать кольцо, Тесс зажмурилась и перевела дух.

- Надеюсь, ты уже готова мыслить здраво? - донесся до нее сквозь полумрак душной кареты голос Стивена.

Тесс сделала глубокий вдох.

- Да. - Она чувствовала, что он смотрит на нее. - Но почему, Стивен? - Тесс старалась говорить по возможности спокойно.

- Потому что ты своими действиями создала проблему для меня. И ты еще больше осложнишь ситуацию, если я не остановлю тебя. С удовольствием сообщаю тебе, что твои намерения аннулировать брак не увенчались успехом.

- Этого не может быть!

- Дорогая, не обманывай себя, на этом свете все возможно. Инцидент, на который ты

ссылалась, исчерпан и забыт теми, кто знал о нем.

- Но мистер Тейлор...

- Я навещу мистера Тейлора, и он больше не побеспокоит нас.

Это заявление было сделано с таким хладнокровием, словно речь шла об уничтожении крысы, и Тесс снова охватила паника.

- Что ты собираешься сделать?

Стивен не ответил. Случайный луч света, проникший через шторку, осветил его тусклые глаза, и Тесс испугалась еще сильнее, чем прежде. Она не могла собраться с духом, чтобы повторить вопрос. Неясные ответы и намеки относительно того, что попытается сделать Стивен, могли только еще больше подорвать ее надежду на помощь Тейлора.

Все же она, постаравшись придать голосу уверенность, спросила:

- Как ты узнал, где я?

- Телеграмма из Кале. Сообщение прибыло с тем же кораблем, на котором ты путешествовала. Я сразу понял, что оттуда ты отправишься в Дувр, а там местные констебли помогли мне в поисках сбежавшей жены, которая ни у кого не может вызвать сочувствия.

- Сообщение с тем же кораблем... - повторила Тесс, не в силах скрыть удивления. - Но от кого?

- От моего слуги, некоего Роберта Старка.

В первое мгновение это имя показалось Тесс ничем не примечательным, а затем ее внезапно осенило. Она вспомнила огонек сигары в темной галерее Ашленда и такой же огонек под ее окном на Таити. Запах табачного дыма...

- Боже мой, Стивен... - Тесс вдруг вспомнила остроконечную свайку, вонзившуюся в палубу в том месте, где она только что находилась, а еще блеск металла в колеблющемся свете спички на кухне дома Фрейзеров. Выходит, Стивен не зря упомянул о том, что она создает проблему для него. Но в чем эта проблема?

Глаза Тесс увлажнились, и она заморгала.

- Что ты собираешься делать?

- Это зависит от твоего поведения. Я недоволен твоими выходками и хочу пресечь их.

- Ты не сможешь причинить мне вред, Стивен. - Тесс изо всех сил старалась, чтобы ее голос не дрожал. - И не сможешь держать меня взаперти, как раньше. Мой муж...

- Твой муж? - Стивен резко наклонился вперед и схватил ее за локоть. - Старк сообщил мне о твоём так называемом муже. Теперь ты думаешь напугать меня его именем?

Тесс крепче сжала кольцо. Оно давно озадачивало ее: на нем была выгравирована печать Ашленда, и оно не могло быть правомерной собственностью незаконного сына.

- Я ничего не собиралась предпринимать против тебя. - Тесс всхлипнула. - И вообще не хочу больше видеть тебя.

Внезапно Стивен отпустил ее.

- Тогда почему ты вернулась? - прошипел он. - И почему твой муж представляется под именем мальчишки, который погиб шестнадцать лет назад? Этим фарсом ты ничего не добьешься. Мой дорогой кузен Грифон был изрублен на куски вместе с остальными, и все знают об этом.

- Кузен? - невольно вырвалось у Тесс.

История о нападении на корабль и кровавой резне, во время которой погибла семья Меридонов из Ашленда, была известна всем; Тесс узнала об этом событии от Ларисы, со смаком поведавшей ей все подробности. Тогда на корабле погибли дети, но был ли среди них мальчик по имени Грифон Меридон, Тесс не знала.

Крепко сжимая кольцо, она продолжала лихорадочно размышлять, и тут услышала голос Стивена:

- Что ты собиралась делать здесь?

- Я... Ничего, - неопределенно сказала Тесс и тут же быстро добавила: - Думаю, его настоящее имя Фрост.

- Так ты вступила в брак с мошенником? Полагаю, ты спала с ним. - Последние слова были произнесены с явным отвращением.

- Я его жена, и ты ошибаешься, называя его мошенником.

- Жена... - Стивен откинулся на спинку сиденья и вдруг захохотал. - Теперь ты его вдова. У Старка по крайней мере хватило мозгов остаться на острове и позаботиться об этом ради меня.

Сердце Тесс остановилось, но тут же забилось с новой силой.

- Ты лжешь! - выкрикнула она.

В самом деле, Гриф был жив, когда Тесс отплывала, а Стивен мог получить новости только с кораблем, на котором прибыла она. К тому же он вполне мог позаботиться о своей безопасности.

Сжав руку с кольцом, Тесс стала молиться о том, чтобы с ним ничего не случилось.

- Посуди сама, если бы Старк потерпел неудачу - в чем я сомневаюсь, - разве твой драгоценный капитан не прибыл бы сюда за тобой?

- Тебя это не должно беспокоить, - резко сказала Тесс. - Просто он не захотел общаться со мной и потому отправил в Англию.

- Неужели тебе опять не повезло в браке и ты оказалась истинной женой всего на одну ночь? - Стивен холодно рассмеялся. - Впрочем, для меня это не имеет значения. Ты ведь знаешь, мои вкусы лежат в другой сфере.

- Да, и я ненавижу тебя, - прошептала Тесс.

Внезапно Стивен схватил ее и заломил ей руки так, что Тесс вынуждена была опуститься на пол к его ногам.

- Ненавидишь меня? – тихо спросил он и провел пальцами по се горлу, а затем слегка сжал его.
- Что ж, мне это нравится. Теперь я хочу, чтобы ты боялась меня, миссис Элиот. – Он напряг пальцы, перекрывая Тесс дыхание. – А еще хочу, чтобы ты умоляла меня.

Поняв, что сопротивляться бесполезно, Тесс с трудом прохрипела:

- Пожалуйста, отпусти, прошу тебя.

Стивен чуть ослабил хват; ему определенно нравилась эта игра.

- Я не намерен угождать тебе. – Он снова сжал пальцы.

- Пожалуйста... – Тесс едва могла говорить, она задыхалась. – Пожалуйста, не надо...

- Я же сказал, что не намерен угождать тебе!

Тесс почувствовала, что теряет сознание; ее легкие мучительно требовали воздуха, рука онемела, и она была уверена, что выронила кольцо.

- Пожалуйста! – задыхаясь прохрипела Тесс.

И тут он отпустил ее. Тесс упала на бок, жадно глотая воздух, который обжигал ее распухшее горло. Украдкой она ощупала руку другой рукой и с облегчением обнаружила, что ее онемевшие пальцы все еще сжимают кольцо.

Положив голову на мягкое сиденье, Тесс стала молить Бога дать ей силы выдержать весь этот кошмар. Больше всего она боялась за ребенка. Вряд ли Стивен действительно намеревался убить ее, но это могло произойти случайно. К тому же он мог запереть ее и морить голодом, как когда-то...

Стивен молчал, погружившись в свои мысли, и Тесс, получив передышку, закрыла глаза. Она непременно должна освободиться, и как можно скорее, а пока ей надо отдохнуть. Тесс отлично понимала, что, когда появится шанс, ей нельзя будет мешкать ни секунды.

«Арканум» совершил путешествие от Папезте до Кале за восемьдесят семь дней. Французский пароход проделал тот же путь за восемьдесят девять дней, однако он стартовал на четыре дня раньше, и потому Гриф, опоздав на сорок восемь часов, не застал Тесс в Кале.

Проследить ее путь до Дувра было легко, так же как и найти отель, где она останавливалась: там хорошо помнили женщину, которая зарегистрировалась под именем миссис Меридон, и охотно рассказали Грифу историю о том, как Тесс покидала гостиницу.

Теперь он стоял в темноте под дождем у ворот Ашленд-Корта, почти такой же подавленный, как и несчастная флегматичная лошадь, привезшая его сюда и теперь мокнущая рядом с ним.

И тем не менее он должен был действовать как можно быстрее. Старк дал ясно понять, что Элиот намерен избавиться от Тесс, а разговор за обедом с хозяином трактира в небольшой деревушке близ Ашленда убедил Грифа, что для этого есть все основания: здесь каждый был уверен, что молодая госпожа совершенно безумна. Она пыталась поджечь дом, прикидывалась, что отрежет себе пальцы, угрожала слуге мистера Элиота кривым ножом с длинной ручкой, и потому ее долго держали взаперти для безопасности, пока наконец не отправили во Францию в психиатрическую больницу.

Зато никто не знал об аннулировании брака и о том, что женщина, о которой шла речь, уже не является миссис Элиот.

После нескольких вопросов выяснилось, что мистер Элиот вернулся из города день назад. Старый Джек Харпер привез его со станции Алтона. Вопрос только, одного ли? Хозяин трактира был уверен, что одного. Кроме как для Джека и хозяина, в небольшом легком экипаже не было места. Да, Элиот был достаточно хорошим лендлордом, не слишком дружелюбным, но честным. Он уволил большинство слуг, когда его жена заболела, но его агент подыскал им другие подходящие места. И все-таки Элиот был странным типом. Любопыт скажет это, посмотрев ему в глаза. Он слишком холоден. Было бы удивительно, если бы он своим обращением не свел молодую жену с ума. О, эти глаза!.. А она была довольно хорошенькой, хотя арендаторы видели ее только однажды, когда хозяин впервые привез ее сюда.

Гриф слушал сплетни об Элиоте и его жене, сидя среди пивных бочек и бутылок с крепкими напитками, а потом вышел наружу под дождь.

К тому времени, когда Гриф подошел к закрытым воротам Ашленда, дождь начал стихать. Будка привратника оказалась пуста. В лунном свете Гриф мог видеть сквозь металлические прутья только дорогу, вьющуюся между деревьями. Он развернул лошадь, снял с нее узду, завязал узлом поводья и пропустил их под заднюю луку седла так, чтобы животное не могло зацепиться за какой-нибудь куст при возвращении домой. Потом он шлепнул лошадь по крупу, и она, тяжело вздохнув, затрусила по тропинке и вскоре исчезла в темноте.

Мокрая стена, ограждающая поместье, была высотой примерно в десять футов, однако ее гладкая поверхность выглядела предпочтительнее по сравнению с острыми пиками железных ворот. Пройдя немного вдоль нее, Гриф обнаружил подходящее место, где рядом со стеной росло дерево.

Поскольку он полжизни провел, взбираясь на мачты клипера, у него в этом деле был большой опыт.

Узкий сюртук и жилет довольно сильно мешали ему, и, ухватившись за ствол, он услышал, как рукав на плече разорвался по шву. Грубая кора царапала руки, а шляпа, которую Гриф никогда прежде не носил, упала, как только он начал карабкаться вверх. Он сомневался, что ветка, свисающая над стеной, выдержит его, поэтому уперся ногой в ствол и, наклонившись, ухватился за верхнюю часть стены, которая, как тут же выяснилось, была покрыта битым стеклом. Гриф, выругавшись, отдернул руку и приложил ко рту окровавленную ладонь.

Порез оказался довольно глубоким, и Гриф, не дожидаясь, когда остановится кровотечение, поднялся выше по стволу, чтобы дотянуться ногой до верхнего края стены. Его ботинок уперся в усеянную стеклом поверхность. Гриф балансировал какое-то мгновение, чувствуя, как осколки давят на ступню даже сквозь кожаную подметку, потом оттолкнулся от дерева и прыгнул через стену.

Он приземлился и, поскользнувшись, едва удержался на ногах. К счастью, дождь прекратился, хотя вдали все еще слышались глухие раскаты грома. Гриф зажал рану пальцами и некоторое время ждал, когда прекратится кровотечение, после чего вытер руки о траву и направился к дому.

На фоне освещаемых вспышками молнии облаков Ашленд-Корт показался ему таинственным замком. Старинный дом первоначально строился в нормандском стиле: с круглой башней,

которая теперь служила только для соблюдения симметрии. Гриф знал историю этого дома. Одна пристройка напоминала об эпохе Генриха III, другая – время царствования Елизаветы, но основная реставрация была произведена столетие назад. Позже в соответствии с капризом прабабушки Грифа к зданию пристроили еще одно крыло, видимо, желая воспроизвести греческий храм. Все вместе выглядело весьма нелепо, но сейчас дом казался Грифу величественным сооружением, и его раздражало то, что он уже второй раз за свою жизнь стоял у его двери как нищий попрошайка.

С этой мыслью он поправил галстук и позвонил в колокольчик, потом проверил свой револьвер. У него не было определенного плана действий. Как он надеялся, инстинкт подскажет ему, что надо делать.

Его рука опять начала кровоточить, но что-либо делать было уже поздно. Где-то в глубине дома прозвучал звон колокольчика. Огромная резная дверь со скрипом приоткрылась, и в проем высунулся старик. Его слезящиеся глаза беспокойно вглядывались в темноту крыльца. Гриф почувствовал жалость; он помнил этого слугу еще по рассказам отца.

- Бадгер, - тихо окликнул он. - Мистер Бадгер!

Старик вздрогнул и оглянулся с явным смущением. Потом он шире приоткрыл дверь и внимательно посмотрел на Грифа.

Слезящиеся глаза мистера Бадгера расширились.

- Милорд... - Он смотрел на Грифа и ничего не говорил, хотя его губы продолжали беззвучно шевелиться. Затем он приложил руку к груди, и Гриф на мгновение подумал, что старик сейчас рухнет на мраморный пол.

- Простите, - быстро сказал Гриф. - Я не хотел напугать вас. Я знаю, что уже поздно...

- Милорд, - повторил Бадгер, и теперь в его голосе прозвучало удивление. Он продолжал пристально смотреть на Грифа.

- Я могу войти? - спросил Гриф после некоторой паузы.

Старый слуга, казалось, наконец пришел в себя и, кивнув лысой головой, отступил назад:

- Конечно, входите, милорд.

Переступив порог, Гриф почувствовал, что взгляд Бадгера прикован к его мокрому рукаву, и заколебался, внимательно глядя на дворецкого и ища признаки какой-то уловки. Однако перед ним был всего лишь ссутулившийся старик, который уставился в пол, боясь смотреть гостю в глаза.

Гриф закусил губу, сожалея, что напугал его.

- Мистер Бадгер... - тихо сказал он.

- О, сэр, - произнес дворецкий, поднимая голову.

Гриф был потрясен, увидев, что морщинистые щеки старика увлажнились от слез. - Простите меня, милорд. Я не должен был сомневаться. Я старый человек... и когда узнал, что они сделали с вами... Теперь я очень рад, поскольку уже не надеялся увидеть вас по эту сторону

могилы, и, если вы пришли за мной, я готов. Теперь я спокоен. Я с радостью пойду с вами, потому что был одинок все эти годы и мечтал снова увидеть мою добрую госпожу, упокой Господи ее душу.

- Да что вы, Бадгер... - Гриф растерянно взглянул на лестницу, опасаясь, что в любой момент здесь может появиться Элиот или кто-нибудь из челяди. Когда он снова перевел взгляд на сияющее лицо дворецкого, то вдруг вспомнил, что настоящее имя Бадгера - Бриджуотер. По рассказам отца, некий озорной мальчишка окрестил когда-то дворецкого Бадгером.

- Боже, неужели вы думаете... - Гриф замолчал и снова посмотрел на лестницу, потом взглянул на старческие руки дворецкого, которые все еще сжимали его руку. - Я Грифон, - тихо сказал он. - Сын Артура. - Он сжал костлявые пальцы старика. - Я не привидение.

Гриф почувствовал, что руки старика задрожали. Бадгер долго изучающе всматривался в лицо Грифа, потом неожиданно подался вперед.

- Мастер Грифон, - сказал он дрожащим голосом, - добро пожаловать в дом. - Дворецкий отступил назад и достал носовой платок. - Простите, сэр, - пробормотал он извиняющимся тоном и высморкался. - Я старый человек.

- Это не важно. Сейчас мне нужна ваша помощь. - Гриф с надеждой посмотрел на слугу.

Мистер Бадгер наконец немного успокоился.

- Вы действительно неважно выглядите, сэр, - кивнул он. - Я открою для вас комнату и принесу горячей воды.

- Нет, не беспокойтесь об этом. Где Элиот?

Бадгер внезапно смутился.

- Стивен, - добавил Гриф. - Где он?

- Мистер Стивен... - Дворецкий замялся. - Он теперь не хозяин здесь, не так ли? Ведь вы вернулись насовсем, лорд Грифон?

Гриф понял, что его появление здесь может создать новые проблемы.

- Послушайте, Бадгер, - торопливо заговорил он, - я хочу, чтобы вы дали мне слово, вернее, торжественную клятву никому никогда не рассказывать, что видели и слышали здесь.

- Но, милорд...

- Поклянитесь. - Гриф взял руку старика и сжал ее. - И еще я хочу, чтобы вы ушли в свою комнату, заперлись там и не выходили оттуда ни под каким предлогом. Где остальной персонал дома?

- В доме больше никого нет, сэр, за исключением немого мальчика, который ухаживает за гончими собаками, но он спит ночью на конюшне.

Гриф воспринял это сообщение с удовлетворением.

- Так вы идете в свою комнату?

- Конечно, сэр, если вы настаиваете.

- Я прошу вас. Где сейчас Стивен?

- В гобеленовой комнате, милорд.

- Где она находится?

Бадгер удивленно посмотрел на Грифа, и тот покраснел.

- Не забудьте, я никогда не ходил в детстве по дому без сопровождения.

- Гобеленовая комната наверху, милорд. Я могу доложить, что вы здесь, если хотите.

- Нет.

Старый дворецкий поджал губы и уставился в пол.

- Милорд, не считаете ли вы, что вам грозит опасность в собственном доме?

Гриф напрягся, опасаясь, что слуга проявит преданность нынешнему хозяину и поднимет тревогу, однако такая мысль, по-видимому, была чужда мистеру Бадгеру.

- Это нехорошо, - сказал старик. - Это не то, чего хотел ваш дед.

- Так вы клянетесь не сообщать, что видели меня здесь? Что бы ни случилось...

Мистер Бадгер смущенно переминался с ноги на ногу.

- Пожалуйста, - сказал Гриф. - Сделайте это не ради меня - а ради моего отца.

Наверху раздался пронзительный звон колокольчика.

- Это мистер Стивен, сэр. Наверное, он хочет поинтересоваться, кто пришел.

- Я сам сообщу ему. Идите. - Гриф слегка подтолкнул дворецкого в направлении лестницы, ведущей на кухню.

- Но, сэр, это не ваша обязанность. Я...

- Прощу, уходите! - Гриф слегка повысил голос. - И помните, вы не видели меня здесь.

Мистер Бадгер сделал несколько шагов, потом повернулся и посмотрел на Грифа с несчастным выражением лица.

- Клянусь, милорд, раз уж вы просите... но мне все это очень не нравится.

Глава 16

К счастью, найти гобеленовую комнату оказалось довольно легко: она была расположена на втором этаже, и ее дверь выходила на просторную лестничную площадку. Гриф поднимался вверх бок о бок со своей тенью, которую он отбрасывал в свете свечей, помещенных в круглые фонари, установленные через равные интервалы на резных перилах. Его силуэт скользил мимо позолоченных рам, обрамлявших портреты мужчин в париках и женщин с высокими стоячими воротниками платьев.

Один из портретов заставил Грифа остановиться. Это был шедевр Тициана, о котором ему рассказывали, когда он был маленьким. Затем он снова сосредоточился на своей цели и приблизился к двери на верхней площадке лестницы, надеясь, что дворецкий правильно описал местоположение гобеленовой комнаты. Не представляя, как среагирует Стивен, и не зная плана комнаты, Гриф рассчитывал только на неожиданность своего появления. Он взвел курок револьвера, взялся за ручку и не раздумывая толкнул тяжелую дверь, которая распахнулась с глухим стуком.

Эффект был именно таким, на который рассчитывал Гриф. Стивен вскочил с кресла и, повернувшись, крикнул:

- Какого черта?!

Гриф тут же направил на него револьвер.

- А ну отойди от звонка!

Возмущенное выражение мгновенно исчезло с лица хозяина комнаты, и он вновь обрел хладнокровие. Вопросительно вскинув брови, Стивен отошел на пару шагов от стены.

- В чем дело? - спросил он, глядя на револьвер.

- Я хочу видеть Тесс.

Стивен напрягся.

- Вы Эверетт, не так ли? - медленно произнес он. - Кажется, мы уже встречались в Лондоне.

Снаружи донеслись глухие раскаты грома, и порывы ветра начали по очереди приподнимать тусклые гобелены. Гриф чувствовал, что Стивен мысленно перебирает возможные варианты развития событий.

- Значит, вы хотите видеть мою жену, - сказал он. - Боюсь, я не понимаю вас.

Не опуская револьвера, Гриф протянул руку и с громким стуком захлопнул дверь.

- Насколько мне известно, нас здесь никто не побеспокоит, значит, мы сможем поговорить без помех, - неторопливо произнес он.

Стивен презрительно хмыкнул:

- Вы намерены перестрелять весь персонал? Это довольно грязное дело.

Гриф почувствовал невольное восхищение. Спокойствие Стивена было поразительным. Ему самому не мешало бы стать таким же хладнокровным. Его рука оставалась твердой, однако ладонь снова начала кровоточить. К тому же он не мог отделаться от тревожной мысли, что старый дворецкий вел себя довольно странно, и, вполне возможно, скоро сюда придут полицейские, а самообладание Стивена могло свидетельствовать о его уверенности в поддержке властей.

- Итак, Элиот, где она?

- Моя жена? - Стивен удивленно склонил голову набок. - О, кажется, я теперь припоминаю: вы были одним из отвергнутых ею поклонников. Может быть, вам следовало бы составить ей пару?

Похоже, вы оба сумасшедшие.

- О да, - согласился Гриф. - Совершенно безумные.

Он поднял револьвер и выстрелил в зеркало над камином. Стекло расколосось над головой Стивена, и на каминную полку посыпались серебристые осколки.

- А еще мы очень опасны, - добавил он с дьявольской улыбкой.

Когда револьвер выстрелил, Стивен вздрогнул, потом повернулся к разбитому зеркалу.

- Вижу. - Он сочувственно посмотрел на Грифа. - Прежде чем вы отделаете комнату на свой манер, позвольте сказать вам, что моя жена во Франции, в психиатрической больнице.

- Не стоит играть со мной в игры, Элиот. Я знаю, что Тесс не во Франции и к тому же давно не является твоей женой.

Неожиданно Стивен оставил светские манеры, и его лицо побледнело. Заметив это, Гриф снова взвел курок револьвера.

- О Боже, - пробормотал Стивен. - Кажется, теперь я понял, кто ты.

Гриф сделал шаг вперед, и осколки стекла захрустели под его ногами.

- Где она?

- Ты Меридон, - произнес Элиот безжизненным голосом. - Как это я сразу не догадался...

Грифа несколько смутило, что Стивен так быстро узнал его; он надеялся открыть правду в наиболее подходящий момент.

- Кузен! - воскликнул Стивен неожиданно и протянул Грифу руку. - Я страшно рад видеть тебя. Мы все думали...

- Мне отлично известно, что вы думали! - резко произнес Гриф. - Но я здесь не для того, чтобы восстанавливать родственные отношения. Твой наемник Роберт Старк находится в гарнизонной тюрьме на Таити. Это я поместил его туда.

Казалось, Элиот тут же снова обрел хладнокровие.

- Ты? - Он задумчиво кивнул. - И теперь ты приехал сюда за своей женой. Ты любишь ее, кузен, или твой брак был всего лишь частью скрытого плана лишить меня собственности?

Гриф молчал.

- Надеюсь, твои намерения не имеют целью выгнать меня отсюда, - добавил Стивен. - Ты ведь достаточно разумный человек. Если сумеешь доказать, кто ты есть на самом деле, я с радостью уйду сам. Не понимаю только, почему ты ждал так долго.

Гриф нахмурился. Судя по холодной улыбке, промелькнувшей на лице Стивена, он прекрасно знал почему.

- Можно подумать, тебя нисколько не волнует перспектива расстаться с Ашлендом.

- Естественно, волнует, но ты ведь не оставишь мне выбора, не так ли?

- Раз уж ты знаешь, кто я...

Стивен пожал плечами:

- Нельзя не заметить определенного сходства между тобой и лордом Александром. К тому же вас объединяет одинаковая импульсивность в принятии решений. Впрочем, боюсь, мои детские воспоминания едва ли можно представить на рассмотрение в суд. Кроме того, не в моих интересах способствовать установлению твоей личности.

- Может быть, у тебя проявится интерес к этому, если ты узнаешь, что у меня есть серьезное доказательство, которое может существенно осложнить твою жизнь.

- Это шантаж?

- Назовем это торговлей. Мне нужна Тесс.

- Тесс? Я думаю, она сейчас развлекается тем, что ищет пожирающие людей цветы где-нибудь в Экваториальной Африке или в еще каком-либо подобном месте.

- В отеле в Дувре мне сказали другое.

- Ах вот как! - Стивен опустил голову, сцепил руки за спиной и отбросил ногой осколок зеркала. - У тебя большой талант выпытывать всякие скандальные подробности. Предположим, я могу предъявить ее. Тогда что я получу взамен?

Гриф покачал револьвером.

- А ты не боишься в случае отказа получить пулю в лоб?

За окном сверкнула молния, как бы подчеркивая смысл последних слов гостя, затем прогремел гром.

- Это будет неразумным поступком, - спокойно сказал Стивен, когда грохот стих. - Если ты действительно хочешь найти ее.

- Согласен, но у меня есть вариант получше. Я отдам тебе печать Ашленда, а потом исчезну.

Стивен резко поднял голову, и Гриф понял, что на этот раз ему повезло. Судя по непритворному удивлению, отразившемуся на лице Элиота, Тесс не отдала ему кольцо.

- Печать, - повторил Стивен и слегка улыбнулся. - ты знаешь, как торговаться, кузен. Она с тобой?

- А леди Тесс с тобой? - холодно ответил Гриф.

- Она внизу, в подвале.

Сердце Грифа сжалось, но лицо оставалось бесстрастным. Он отступил от двери и качнул головой:

- Тогда пошли.

Стивен двинулся с места, но не к двери, а к небольшому столу, и Гриф моментально шагнул вперед.

Стивен замер.

- Я хочу взять лампу, кузен, - сказал он, искоса взглянув на Грифа. - Нам понадобится свет.

В Ашленде не было газа, старинный дом освещался свечами и масляными лампами, поэтому Гриф коротко кивнул:

- Возьми лампу левой рукой, а правую держи так, чтобы я мог видеть ее.

Стивен подчинился. Он поднял лампу и пошел впереди, игнорируя револьвер с аристократической небрежностью. Этот человек весьма подходит, чтобы быть хозяином Ашленда, подумал Гриф, и это мнение странным образом не обидело его.

Вслед за кузеном Гриф направился вниз по широкой лестнице, затем прошел через комнаты, роскошь которых не смог бы представить даже в самых безумных мечтах. Он не знал, для чего они, эти обнаженные величественные скульптуры и позолоченные лепные украшения, сверкающие в движущемся свете лампы. Его грязные ботинки гроыхали по полу, выложенному цветным мрамором, а когда они вошли в длинную галерею с высокими закрытыми окнами, расположенными по одной стороне, он инстинктивно постарался не наступать на красный с золотом ковер.

Внезапно Стивен остановился и, обернувшись, посмотрел на Грифа.

- Это наши предки, - сказал он, поднимая лампу так, чтобы были видны портреты на обтянутых тканью стенах. - А вот и покойная маркиза, твоя бабушка. - Он указал на один из портретов. - Раньше рядом висел портрет лорда Александра. - Вспышка молнии причудливо осветила стены, и Стивен сделал паузу. - Извини, но я убрал его отсюда.

Оглушительный раскат грома, отразившийся эхом в помещении, заставил Грифа вздрогнуть.

- Кажется, ты боишься грозы? - вкрадчиво спросил Стивен.

- Нет.

- А я боюсь, особенно здесь. Она часто приводила меня сюда и рассказывала истории об этих портретах.

Гриф нахмурился:

- Она?

Стивен бросил на него тусклый взгляд, потом снова повернулся к портретам.

- Неужели ты не помнишь? О... я часто слышал о тебе и о том, что ты находишься в Индии. Я мечтал об этой стране. Там, наверное, всегда тепло. А здесь, в этой галерее, я страдал от холода, а она не позволяла мне согреться у огня и зажечь свечу. Я ненавижу тебя, потому что знал - ты в этот момент пребываешь в тепле.

Чувствуя, как в нем растет раздражение, Гриф переступил с ноги на ногу.

- О чем это ты?

- О детстве, - загадочно ответил Стивен. - О детстве, проведенном в Ашленде. - Он снова посмотрел на портреты, как бы ожидая, что какая-нибудь из этих фигур сойдет с полотна в колеблющемся свете лампы.

- Кто рассказывал тебе истории портретов?

Стивен долго молчал, потом сказал:

- Мэри. Нянька. Она часто запирала меня здесь.

- Запирала... - Гриф содрогнулся. - Но зачем?

- Полагаю, я был плохим мальчиком. - Стивен усмехнулся, однако в его словах чувствовалась горечь. Потом он вытянул руку ладонью вверх, и в свете лампы Гриф увидел старый шрам. - Ей нравилось держать мою руку над пламенем свечи за малейшую провинность.

- Ты шутишь?

Стивен холодно улынулся:

- Нет, кузен. Это не предмет для шуток.

- Не могу поверить, что мой дед...

- Твоему деду было наплевать на какого-то Элиота; он заботился только о лорде Алексе. - Голос Стивена чуть смягчился. - Мы все радовались, когда лорд Алекс появлялся здесь, и пару раз он даже брал меня на прогулку верхом на лошади.

Внезапно Гриф ясно представил картину, изображенную Стивеном, и понял, каково было одинокому мальчику в этом огромном доме, но возникшее сочувствие только разозлило его, потому что он всегда считал Стивена Элиота своим врагом. Этот человек владел тем, что должно было по праву принадлежать Грифу. И все же - промелькнула в голове Грифа безумная мысль - они могли бы быть друзьями, но по какой-то нелепой ошибке стали врагами.

- Ладно, пошли дальше, Элиот, - наконец сказал он, - а то мы никогда не дойдем до подвала.

Стивен снова двинулся вперед; при этом он выглядел так, будто совершал экскурсию по дому с одним из гостей.

В конце галереи обозначилась дверь; Стивен открыл ее и вошел через узкую арку в холл с мраморным полом, а затем вдруг резко повернулся. Лампа выпала у него из рук и ударилась об пол, а вытекшее из нее масло тут же вспыхнуло.

Пламя от горящего масла поднялось стеной высотой в ярд, и Гриф, оказавшись перед этой преградой, злобно выругался, а Элиот тем временем исчез.

Горящее масло растеклось по каменному полу и стало подбираться к обитой материей скамье. Гриф скинул сюртук и набросил его на огонь, туда же последовал жилет. Когда последние языки пламени были подавлены, внезапно наступила полная тьма.

Он снова взял в руку револьвер и, затаив дыхание, стал прислушиваться, но глухие раскаты грома заглушали все остальные звуки. Отступив назад, Гриф ухватился рукой за стену; он не отваживался преследовать Стивена в темноте и не представлял, где находится. В этом проклятом Ашленде с его многочисленными комнатами и коридорами, можно было легко

заблудиться. Сейчас он даже не мог найти дорогу назад.

К счастью, в окна время от времени проникал свет от вспышек молнии, и, пользуясь этим, Гриф начал медленно продвигаться вдоль стены, пока не достиг ниши. Однако вместо двери в ней оказалась статуя, и он едва не лишился глаза, наткнувшись на вытянутую мраморную руку. Скользя ладонью вдоль стены, он двинулся дальше и наконец нащупал ручку двери. Это удивило и одновременно воодушевило его. Когда они шли сюда, Гриф успел заметить, что в Ашленде каждый вход в жилые комнаты был довольно просторным, с резной широкой дверью; этот же, узкий и низкий, вероятно, являлся служебным и вел на кухню или к погребам.

Дверь бесшумно открылась, и из тьмы на Грифа пахнуло холодом и затхлостью. Дождавшись очередной вспышки молнии, он увидел грубую каменную стену, а рядом с дверью небольшое деревянное возвышение, на котором лежали свечи, потемневшие бронзовые щипцы для снятия нагара и жестяная коробочка, служившая для хранения спичек. Молча благословляя запасливых фонариков Ашленда, Гриф чиркнул спичкой по камню и зажег свечу, а затем, запихнув за пояс еще две про запас, двинулся по коридору, который был чуть шире его плеч и длиной с комнату, в которой он только что находился. Коридор заканчивался просторным холлом, и Гриф наугад свернул влево, где сразу увидел лестницу. Однако, поскольку она вела вверх, он не стал интересоваться ею и попытался предугадать поведение Стивена, но затем пришел к выводу, что надо прежде всего найти Тесс, после чего лучше убраться отсюда как можно скорее.

В очередном каменном коридоре вспышек молнии уже не было видно, зато стоял непрерывный гул от раскатов грома. В какой-то момент Грифу показалось, что рядом хлопнула дверь, и он остановился. Свеча в его руке брызнула воском и погасла от внезапного движения воздуха. Гриф прижался к холодной каменной стене. Через мгновение послышался звук шагов, но направление их движения трудно было определить; казалось, этот звук доносился со всех сторон.

Гриф замер, напряженно прислушиваясь, в то время как шаги приближались и становились все громче.

- Элиот! - громко крикнул он, надеясь, что звук голоса, отражаясь от стен, не позволит определить его местонахождение. В ответ грянул выстрел, грохот которого смешался с эхом и оттого многократно усилился в узком пространстве.

Гриф плотнее прижался к стене. Итак, теперь Стивен вооружен и готов убить его.

Шагнув назад, Гриф вытянул руку, чтобы нащупать другой конец коридора, а затем бросился вверх по лестнице. Ударившись коленом о каменную ступеньку как раз в тот момент, когда прогремел второй выстрел, он невольно вскрикнул, потер ушибленное колено и стал прислушиваться.

Ждать пришлось довольно долго, и Гриф начал стонать. Это было вполне похоже на стон раненого человека, и эхо только помогало создавать нужный эффект.

Перестав стонать, Гриф прислушался, затем продолжил свои усилия и тут среди стонов услышал тихий звук приближающихся шагов. Он медленно взвел курок револьвера. Еще один осторожный шаг, другой... Гриф перестал стонать и напрягся, тяжело и прерывисто дыша. Шаги стихли, и тогда Гриф стал имитировать бульканье в горле, словно в предсмертной агонии.

Издав последний хриплый вздох, он затих.

Прошло примерно полминуты, и ему стало ясно, что Стивен клюнул на приманку. Гриф отсчитывал шаги... семь, восемь, девять... уже совсем рядом.

Он не целясь выстрелил куда-то во тьму... и промахнулся.

Бросившись вверх по лестнице, Гриф успел заметить, как поблизости метнулась расплывчатая тень, и выстрелил еще раз, чем, судя по эху шагов, обратил Стивена в бегство. Сам он устремился в противоположную сторону, но почти тут же ударился лицом о каменную стену.

Отшатнувшись назад, он почти ничего не соображал от удара. Слава Богу, его палец не нажал при этом на спусковой крючок, иначе он мог бы поразить сам себя.

Гриф осторожно ощупал лицо; все было цело, только челюсть пронзила боль, когда он сдвинул ее в сторону.

В коридоре опять воцарилась тишина. Должно быть, он все-таки ранил Стивена последним выстрелом. Вероятность попадания в таком замкнутом пространстве была довольно большой, однако Гриф не собирался возвращаться и искать противника, поскольку тот втюлне мог устроить ему такую же ловушку, в какую попался сам. Ощупывая стены, Гриф стал искать выход из коридора.

- Меридон... - Эхо придало голосу Элиота какой-то шипящий оттенок, и Гриф, резко обернувшись, прижался к стене. - Не туда идешь...

Снова грянул оглушительный выстрел, и Гриф пригнулся к полу. Когда грохот стих, он начал как можно тише отползать на животе, стараясь, чтобы ботинки не ударялись о каменный пол. До лестницы, которую он только что оставил, было недалеко, и он решил не стрелять, опасаясь обнаружить себя. Внезапно ему пришло в голову, что вся эта ситуация напоминает истории, описываемые в низкопробных приключенческих романах, публикуемых в еженедельных журналах. Он перевернулся на бок, безмолвно сотрясаясь от смеха; при этом его каблук цапнул пол...

Этого оказалось достаточно. В холле снова прогремел выстрел, и Гриф увидел голубоватую белую искру в том месте, где пуля ударилась об пол, в шаге от его лица. Мелкие осколки камня впились в его грудь и шею, подобно многочисленным горячим булавочным уколам.

Стивен слишком расточительно расходовал патроны. Что ж, ему виднее...

- Меридон... - Элиот снова выстрелил. Гриф не заметил, куда на этот раз угодила пуля; он съежился и закрыл голову руками, защищаясь от рикошета, а затем, стараясь держаться ближе к стене, пополз дальше в поисках лестницы.

Очередной выстрел наполнил коридор грохотом, и Гриф инстинктивно замер. Наконец его рука нащупала грубо высеченное ребро ступеньки. Он привстал на колени и начал считать про себя. Сколько уже было произведено выстрелов? Пять? Шесть? Кажется, шесть. Это предельное количество для револьвера без перезарядки, однако Гриф не хотел рисковать и поднялся на нижнюю ступеньку...

Но как только он двинулся, появившийся невесть откуда свет осветил коридор.

Вспышка показалась ему невероятно яркой, и тут же в коридоре снова стало темно как в гробу. Затем новая вспышка.

Через мгновение Гриф понял, в чем дело – этот сукин сын жег спички!

Однако теперь Стивен мог обозревать лишь пустой холл. Если бы он осветил его секундой раньше, то легко увидел бы свою мишень.

Гриф прижал кулак ко рту, заглушая вздох облегчения. Как только он оказался в боковом проходе, его положение существенно улучшилось. Однако теперь ему снова надо было выбирать: идти ли наверх или подождать на лестнице? Он не хотел убивать Стивена, но тот, к несчастью, не проявлял никаких колебаний в своем стремлении убить Грифа, и, видимо, имел на то свои причины.

После продолжительной паузы тишина начала действовать Грифу на нервы. Он подумал о сотне возможных уловок со стороны Стивена, и одна из них могла заключаться в том, чтобы выбраться из лабиринта коридоров и запереть все двери снаружи.

Гриф начал осторожно подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке и прислушиваясь. Когда он достиг верхней площадки, ему пришла в голову новая мысль: Элиот хорошо знает дом и, стало быть, догадывается, по какой лестнице он сейчас идет. Возможно, Стивен уже ждет, когда он откроет дверь...

Гриф прижался спиной к стене и, вытянув руку, приоткрыл дверь. В комнате за ней также было темно, лишь время от времени ее освещала молния, свет которой проникал сквозь плотно зашторенные окна. Осторожно заглянув за угол, Гриф с трудом различил огромную пустую кровать и овальное зеркало над туалетным столиком.

Достав из-за пояса одну из свечей, он бросил ее в комнату, и она с глухим стуком упала на ковер. Затем снова стало тихо.

Гриф осторожно вошел внутрь, и тут очередная вспышка молнии заставила его вздрогнуть. На мгновение он стал отличной мишенью, однако выстрела не последовало.

Удовлетворенный тем, что находится здесь один, Гриф подошел к следующей двери и открыл ее.

Круглые фонари ярко освещали лестницу, являющуюся почти точной копией той, по которой он поднимался в гобеленовую комнату, вот только портреты здесь были другие. Гриф скользнул в тень бронзового бюста и постоял там немного, размышляя, как безопаснее миновать освещенный участок.

Пока он раздумывал, рядом раздался щелчок. Гриф прижался к стене с гулко бьющимся сердцем... и тут же улыбнулся про себя.

Невероятная удача: из открывшейся неподалеку двери в холл тихо вышел Стивен Элиот. Гриф наблюдал за ним, скрываясь за бюстом, в то время как Стивен, не видя его, подозрительно окинул взглядом широкую лестничную площадку.

Когда Элиот подошел к верхней ступеньке лестницы, Гриф взвел курок револьвера.

- Эй, приятель!

Стивен резко обернулся. Гриф ожидал, что он замрет на месте, как сделал бы любой разумный человек, но его противник вскинул оружие, не оставляя капитану выбора. Револьвер дернулся в его руке; круглый фонарь в верхней части лестницы лопнул, осыпая осколками Стивена,

который, споткнувшись, упал на перила, увлекая за собой еще один фонарь. Наверху стало темно, но Гриф слышал глухой стук покотившегося по лестнице тела. Затем раздался звон разбитого стекла, и последний фонарь тоже погас.

Стоя в темноте, Гриф проклинал себя, проклинал Стивена, проклинал Тесс и все на свете. Через некоторое время он подошел к верхней площадке лестницы и, дождавшись очередной вспышки молнии, попытался понять, чем же закончилась их дуэль.

Когда молния осветила скрюченное тело Стивена, его револьвер зловеще блеснул на ступеньке в нескольких футах от него, и Гриф понял, что теперь может, не опасаясь, спуститься к кузену.

Оказавшись рядом с телом. Гриф нащупал пульс на руке Элиота и обнаружил слабое неравномерное биение.

Рану он не нашел, зато, притронувшись к лицу кузена, ощутил на нем липкую влагу. Кровь.

- Ну вот и все, - тихо произнес Гриф. - Черт бы побрал тебя, дурака...

Не дожидаясь ответа, Гриф поднялся на ноги. С такой раной, когда кровь идет изо рта, ничего нельзя поделать. Теперь ему оставалось только поскорее найти Тесс и убраться отсюда подобра-поздорову.

На ощупь обогнув лестницу, Гриф прошел вдоль стены и только тогда вспомнил о последней свечке и спичках.

Но даже со свечой ему потребовалось довольно много времени, чтобы найти вход в подвал. Спустившись вниз по одной из лестниц, он приблизился к служебным помещениям, а определить назначение комнат ему помогли аккуратно сделанные надписи на медных колокольчиках: кухня, прачечная, мойка...

Миновав комнаты экономки и дворецкого. Гриф наконец отыскал кладовую, деревянная дверь которой не имела маркировки. К счастью, она оказалась незапертой и открылась с громким скрипом. Войдя внутрь, Гриф закрыл за собой дверь и высоко поднял свечу. Впереди он увидел небольшой, выложенный кирпичом пыльный туннель, который заканчивался темным поперечным проходом, уходящим в обе стороны.

Остановившись на пересечении туннелей, Гриф тихо позвал Тесс, но в ответ услышал только слабый шорох, а затем увидел впереди красные глаза крысы. Тогда он позвал громче и прислушался к эху, которое было глуше и тише, чем в каменных коридорах наверху.

В конце концов, еще немного постояв, прислушиваясь, он двинулся по туннелю в том направлении, куда исчезла крыса, останавливаясь перед каждым низким арочным проемом и осматривая крошечные кладовки. В итоге ему удалось обнаружить лишь ящики с луком и репой да круглые сыры, а в одной из комнат - два застекленных шкафчика со столовым серебром, призывно блеснувшим в свете его свечи.

Дойдя до конца туннеля, Гриф вернулся к короткому проходу назад в дом, а затем двинулся в другую сторону поперечного прохода. Перед его глазами вдруг возник образ Стивена, лежащего у подножия лестницы, и к его горлу подступил удушливый ком.

Он снова позвал Тесс по имени и с раздражением воспринял последовавшую в ответ тишину. Ее здесь нет, он чувствовал это сердцем.

В конце прохода все двери в кладовки были закрыты, но в каждой находилось небольшое зарешеченное окошко. Внутри стояли высокие винные стеллажи, отбрасывавшие призрачные тени.

- Тесс! - снова громко позвал Гриф.

Неподалеку послышался какой-то звук, и он, остановившись, прислушался, потом повторил ее имя. Звук тоже повторился.

Выскочив за дверь кладовки, Гриф едва в спешке не уронил свечу. Он свернул налево, туда, где еще не был, и...

Это было похоже на выстрел из пушки, который толкнул Грифа вперед. Он ощутил песок во рту и одновременно услышал грохот. Некоторое время он не мог прийти в себя, не мог дышать, ощущая лишь странное жжение ниже ребер и усиливавшуюся боль в скуле. Перед его глазами встала вертикальная стена, испещренная странными полосками света и тени, и он не сразу осознал, что это пол.

Гриф попытался поднять голову, но мышцы отказывались служить ему, и он снова уткнулся лицом в пыль. Внезапно его рука нащупала что-то твердое. Револьвер! Но что, если не он один здесь вооружен, ведь в него только что стреляли?

Словно в картинке-загадке его оцепеневший мозг начал собирать вместе разрозненные части картины. Стивен. Значит, он не умер и сейчас находится здесь.

Несмотря на головокружение, сознание Грифа начало проясняться, и он понял, что лежит на животе, а над ним стоит Элиот и ожидает, что он покроется потом от страха и будет испуганно молить о пощаде.

Рука Грифа инстинктивно сжала револьвер, и он перекатился на бок прежде, чем Стивен успел выстрелить в него еще раз.

По-видимому, пуля застряла в плече, и Гриф удивлялся лишь одному - как Стивен не попал ему в сердце с такого близкого, расстояния. Теперь он мог достаточно хорошо видеть Элиота, а когда тот вытер лицо рукавом рубашки и на белой материи появилось красное пятно, понял все.

О Боже, всего лишь кровь из носа!

Ему захотелось рассмеяться. Гриф ошибочно посчитал носовое кровотечение следствием смертельной раны. Он и засмеялся бы, если бы не чувствовал, как теплая влага стекает на его живот, как болит челюсть, как онемела левая рука и в подмышке тоже стало влажно от крови. Теперь он уже не так отчетливо различал Стивена, который приблизился к нему и направил дуло револьвера ему в голову.

- Прости! - Казалось, Стивен действительно говорит искренне. - Может быть, это утешит тебя, кузен, но сейчас ты присоединишься к своей жене.

Гриф едва расслышал эти слова, но подсознательно они мгновенно подействовали на него. Он ударил ногой по лодыжке Стивена, и тот покачнулся. Выстрел раздался в тот момент, когда его руки непроизвольно взметнулись вверх, и в ту же секунду Гриф нажал на спусковой крючок...

Услышав глухой стук упавшего тела. Гриф не испытал ожидаемой радости. У него из головы не

выходили последние слова, которые произнес Элиот.

Тесс мертва...

Стивен лежал неподвижно, а Гриф тяжело дышал рядом, ощущая боль, которая словно острыми шипами жгла его плечо. Он дважды пытался подняться, но только на третий раз ему удалось встать сначала на колени, а потом и на ноги. Его рубашка пропиталась кровью, но он отказался от попыток остановить кровотечение и попытался сделать шаг. В то же мгновение его ноги подогнулись и он упал на пыльный пол, не думая больше ни о чем.

Некоторое время Гриф лежал на полу без движения, и его мучила ужасная жажда. Зрение то прояснялось, то пропадало. Иногда в свете лампы, которую зажег Стивен, он видел кирпичи туннеля, потом вдруг перед его глазами возникала безграничная, как океан, синева. Наконец вокруг стало совсем темно, но он все еще слышал свое дыхание. Ему хотелось умереть, но он не умирал... или умирал, но слишком медленно... При этом Гриф никак не мог понять, почему Бог так долго заставляет его страдать...

Глава 17

Услышав стук колес во дворе фермы, Тесс оторвалась от шитья и поднялась на ноги. Ее пока еще не родившийся ребенок зашевелился у нее в животе. Это ощущение стало обычным в последние три месяца, с тех пор как Стивен привез ее сюда. За окном сентябрьское солнце освещало пустынную, поросшую вереском местность, и, насколько хватало глаз, вокруг, кроме отдельных камней, ничего не было видно.

Прежде чем бежавший иноходью осел остановился, с телеги спрыгнула черноволосая девочка, и Тесс улыбнулась. Она постепенно прониклась любовью к своим добрым тюремщикам, а особенно к двенадцатилетней Джейни, которая очень хотела научиться читать. Вот и теперь девочка сжимала в руке сложенную газету. Приподняв юбку так, что были видны ботинки, она бегом бросилась к Тесс.

В течение минувшего лета и наступившей осени Тесс почти смирилась с жизнью на ферме. Она понимала, что ее участь могла оказаться намного хуже, и даже предприняла несколько попыток сбежать от Стивена во время путешествия на север: один раз – когда он сажал ее в железнодорожный вагон, а второй – когда поезд остановился у пересадочного пункта. Но все эти попытки оказались неудачными. В конце концов Стивен привез ее сюда и оставил под надзором фермеров.

С тех пор она больше не видела его.

Тесс имела весьма общее представление о том, где находится. Несомненно только, что она в Шотландии. Ей было нелегко привыкнуть к местному диалекту, но Тесс научилась понимать его в основном благодаря маленькой девочке. Семья фермеров переселилась из крошечного коттеджа в одно из поместий на севере Шотландии, чтобы заниматься там овцеводством. Они были безмерно благодарны Стивену за обильную пищу и просторный фермерский дом, который был предоставлен в полное их распоряжение, – невероятно щедрая плата за небольшие хлопоты, связанные с содержанием пленницы.

Вскоре Тесс обнаружила, что фермеры давно ничего не слышали о своем благодетеле; тем не менее они не спускали с нее глаз. Тесс могла свободно перемещаться по двору фермы, но стоило ей только двинуться дальше, как дорожкой преграждал огромный глава семейства. Он отправлял ее назад извиняющейся улыбкой и обещанием угостить хорошим обедом, как будто она была здесь не пленницей, а желанной гостьей.

Сначала Тесс жила, испытывая ужас от того, что Стивен вот-вот вернется за ней; однако, поскольку он не приезжал, а ее тело становилось все более тяжелым и неповоротливым, неистовое желание сбежать постепенно начало угасать.

Семья фермеров жила в полном достатке. Время от времени Джейни и ее мать вдвоем уезжали на телеге и возвращались с мукой, сыром и медом, а во дворе у них паслись три поросенка и дойная коза. Жена фермера заботилась о Тесс и даже предлагала ей материал и помощь в изготовлении одежды для будущего ребенка. В общем, ее положение под стражей было вполне благоприятным, поскольку фермеры считали, что Тесс приносит им удачу и ее надо лелеять, а не пренебрегать ею. Единственным признаком того, что она находится в заключении, являлись решетки на двери и окнах ее спальни.

Пока Тесс раздумывала над всем этим, девочка успела добежать до дверей, и через некоторое время снаружи раздался вежливый стук. Едва войдя, Джейни, забыв на время правила приличия, с гордостью замахала газетой:

- Посмотри, что бакалейщик дал нам. Давай почитаем!
- Непременно! – Тесс, так же как Джейни, желала поскорее узнать новости из внешнего мира.
- Пойдем вниз, чтобы твои родители тоже могли послушать.

Джейни доверчиво подала руку Тесс и прижалась щекой к ее плечу.

- Я люблю тебя, мисси.

Тесс осторожно сжала маленькую ручку. Как хорошо будет ей, когда у нее появится своя маленькая девочка!

Теперь вся семья собралась на кухне вокруг Тесс. Мать Джейни поспешно закончила убирать товары, привезенные из города, и настояла, чтобы Тесс сначала выпила чашку чая с медом.

Тесс согласилась и, пригубив чай, развернула газету. Почему-то ее внимание первым делом привлекли выделенные черные буквы внизу.

Прочитав несколько строк, она едва не поперхнулась.

- Боже милостивый! – Тесс поставила чашку на стол, боясь выронить ее из дрожащих пальцев.

«Дело Элиота закрыто, – гласил заголовок. – Таинственный убийца приговорен к повешению». Тесс поднесла газету ближе к глазам и стала взволнованно вглядываться в мелкий шрифт.

«Суд присяжных города Винчестера на выездной летней сессии рассмотрел дело о трагическом убийстве мистера Стивена Элиота из Ашленд-Корта, графство Гэмпшир, и вынес вердикт: обвиняемый виновен по всем пунктам. Несмотря на отказ преступника назвать свое имя и сотрудничать с полицией, адвокатом и судом, на основании представленных улик и свидетельских показаний суд присяжных установил, что обвиняемый проник в дом мистера Элиота в отсутствие обслуживающего персонала и, будучи настигнутым при попытке совершить кражу, убил мистера Элиота в ночь на 25 июня».

Взгляд Тесс опустился ниже. «... Жертва и нападавший были обнаружены в подвале... Преступник оставался без сознания в течение четырех дней... Переданный заботам... Значительный опыт позволил ему успешно залечить ранения, несмотря на большую потерю

крови... В процессе лечения и судебного разбирательства преступник не пытался оправдываться, отказывался назвать свое настоящее имя и постоянно молчал... Он сообщил лишь вымышленное имя – Джон Доу...»

Тесс тут же перевела глаза на другую заметку. «Преступник – молодой человек хорошей наружности, его рост шесть футов и два дюйма, с благородными чертами лица, бронзовыми, выгоревшими на солнце волосами, орлиным носом и красивыми серыми глазами. Атлетическая фигура и сильный загар привели полицию к заключению, что профессия убийцы связана с физическим трудом, хотя, с другой стороны, его внешность говорит о том, что он когда-то был джентльменом».

Из горла Тесс вырвался стон, и все же она продолжила читать. «Арестованный оживился только однажды, когда мистер Бриджуотер, дворецкий, был вызван в качестве свидетеля. Его взгляд явно смутил мистера Бриджуотера, и тот начал путаться в показаниях и времени обнаружения трупа. Поскольку его показания не являлись существенными и он в свои девяносто лет был явно утомлен, его больше ни о чем не спрашивали.

Наиболее странным в этом трагическом деле явился и тот факт, что до сих пор неизвестно местопребывание жены мистера Элиота. Местные источники указывают, что миссис Элиот помещена в психиатрическую больницу во Франции, но ее родственники отрицают это, так что полиция пока не может точно определить, где она находится.

Еще более странным является то, что, будучи раненным, преступник в бреду называл миссис Элиот именем, данным ей при крещении, а из его дальнейшего бессвязного бормотания стало ясно, что речь идет о каком-то кольце, возможно, с изумрудом, имеющем значительную денежную ценность. Вероятно, найдутся читатели, которые могут заподозрить, исходя из описанных обстоятельств, что мотив убийства мог быть иным, нежели неожиданная встреча с хозяином дома при попытке кражи, однако забота о добром имени миссис Элиот препятствует всяким измышлениям на эту тему в газете».

В самом низу в черной рамке было напечатано: «Осужденный мужчина будет казнен в восемь часов утра в понедельник, 17 сентября, в тюрьме города Винчестера».

Тесс в отчаянии взглянула на жену фермера.

- Какой сегодня день? – дрожащим голосом спросила она.

- Сегодня базарный день, мисс...

- Я хочу знать число! – Не дождавшись ответа, Тесс взглянула на дату, обозначенную в газете. Базарный день – среда, но если газета действительно недельной давности... Сколько дней она находилась здесь? И что, если сегодня уже девятнадцатое число? Нет, не может быть!

Тесс вскочила на ноги. Встревоженный фермер поднял стул, который она сбила, и с удивлением взглянул на нее, а Джейни взяла ее за руку.

- Плохие новости? – с опаской спросила она.

Тесс облизнула пересохшие губы.

- Стивен умер.

Фермер всплеснул руками:

- Мистер Элиот!

- Произошел несчастный случай. Смотри, Джейни, здесь напечатано его имя. Ты можешь прочитать это?

Джейни повторила буквы и соединила их вместе, как ее шла Тесс.

- Да, мисси, здесь написано «Элиот».

- Не может быть! - Похоже, фермер никак не мог прийти в себя. - Это не о нем, а о ком-то другом.

Тесс молчала. Она отлично понимала, что для приютившей ее семьи новость о смерти Стивена означала крушение их надежд. Однако они должны поверить в то, что случилось, иначе она не обретет свободу, - пока не будут израсходованы все деньги, полученные от Стивена.

Тесс охватила паника, и она указала на газету.

- Джейни, какая здесь дата?

- Двадцать пятый июнь, мисси, - быстро сказала Джейни, гордая тем, как хорошо она выучила все месяцы года.

- Значит, со дня, когда мистер Элиот был убит, прошло уже три месяца. - Тесс посмотрела на хозяина дома. - Вы о нем слышали что-нибудь с тех пор?

Фермер подвинул к себе газету и беспомощно уставился на напечатанный текст, потом поднял голову, и Тесс увидела тревогу в его глазах.

- Нет, я не слышал о нем ни слова, мисс, однако у нас еще достаточно денег...

- Разве он не говорил, что вернется?

Фермер опустил глаза.

- Да, говорил.

- Его светлость был нашим благодетелем, и нам будет тяжело без него, - тихо прибавила мать Джейни.

Тесс быстро повернулась к ней.

- Я знаю. - Она сцепила руки за спиной. - Вы были очень добры ко мне, но теперь для вас нет смысла держать меня здесь, к тому же меня ищет полиция. Пожалуйста, отвезите меня в город, и я сделаю так, что о вас позаботятся, обещаю.

- Не уезжайте от нас, мисси, - захныкала Джейни.

- Детка, я должна! - возбужденно воскликнула Тесс. - Скоро вы потратите имеющиеся у вас деньги и захотите получить еще, но мистер Элиот больше не приедет сюда. Я могу помочь вам, если вы отвезете меня в город. - Она взяла жену фермера за руки. - К тому же у вас нет оснований держать меня здесь против моей воли, и вы отлично знаете это.

Женщина опустила голову, потом подняла глаза и взглянула на мужа:

- Дункан...

- Ничего нехорошего в этом нет, – упрямо сказал хозяин дома. – А что касается денег, мы не будем голодать даже зимой, дорогая.

Однако фермерша неожиданно встала на сторону Тесс.

- Как ты будешь держать ответ перед Богом за то, что насильно удерживаешь эту милую женщину здесь? Неужели это тебя не беспокоит? Думаю, тебе нечего будет сказать в свое оправдание.

Фермер, нахмурившись, посмотрел на газету; при этом он напомнил Тесс ребенка, застигнутого за какой-то проделкой.

- И куда же мы поедем теперь?

- Вы поедете со мной! – уверенно сказала Тесс. – Я позабочусь о вас, обещаю, и куплю для вас ферму там, где вы захотите. Я могу сделать это, потому что очень богата.

Наступила долгая пауза, затем фермер встал.

- Мы не можем принять от вас такую милость, миссис, потому что не заслужили этого, но все равно я отвезу вас в город.

Гриф сидел на жесткой скамье в мрачной часовне винчестерской тюрьмы и тупо смотрел на свои крепко сцепленные руки. Вскоре служба прекратилась, послышалось шарканье ног, и стоящий рядом тюремщик, положив руку на плечо арестанта, грубо встряхнул его.

Сжав челюсти, Гриф неловко опустил на колени: чувствовать себя свободно ему мешали наручники на запястьях и еще не зажившие раны. Он склонил голову, но не в молитве, а потому, что этого от него ожидали, тогда как ему было безразлично все, что его заставляли делать.

Другие заключенные, находясь за ограждением, вторили монотонному бормотанию капеллана, а когда Гриф поднял голову, все посмотрели на него, поскольку он находился на видном месте под аналоем. Однако выражение его лица оставалось бесстрастным – он не испытывал ни страха, ни каких-либо других чувств в процессе церковной службы, по сути, отпевавшей его.

Когда на следующее утро в его камеру явился палач, с ним вошла целая толпа газетных репортеров. Все они смотрели на Грифа так, будто ожидали чего-то необыкновенного.

- Вы раскаиваетесь? Вы готовы к встрече с Богом? Вы будете исповедоваться?

Гриф молча посмотрел на молодого репортера, покрасневшего, видимо, по неопытности. Град вопросов, остававшихся без ответа, постепенно стих, и тут внезапно один из пожилых газетчиков подтолкнул неопытного юнца вперед.

- Ты пользуешься его вниманием, парень. Спроси у него что-нибудь.

Юноша стоял перед Грифом, дрожа так, будто это он совершил ужасное преступление. Когда он поднял голову, лицо его было белым как мел.

- Вы боитесь, сэр? – спросил он упавшим голосом.

В это время Гриф думал о Тесс, о своих погибших родных, о Грейди и о Стивене. Его губы тронула печальная улыбка.

- Нет.

Юноша выглядел так, словно вот-вот упадет в обморок, и впервые за многие дни в душе Грифа что-то шевельнулось. Возможно, сожаление о потерянном будущем?

- А вот вы боитесь, - тихо сказал он.

Молодой человек склонил голову:

- Простите, сэр. - Он повернулся и тут же затерялся среди других репортеров.

Палач взял Грифа за плечо и умело связал ему руки. Репортеры покорно отступили. Гриф и палач двинулись вперед и не спеша вышли наружу.

На площади собралась огромная серая толпа, и когда появился преступник, гул голосов превратился в рев. Гриф медленно поднялся на эшафот и остановился перед ожидавшим его гробом. У себя под ногами он увидел очертания квадратного люка с опускающейся крышкой; рядом болталась грубая веревка.

Взгляд Грифа устремился вверх моря ликующих лиц. В это прекрасное утро деревья, небо, шпиль собора были лишь слегка затянуты белой дымкой. Прохладный осенний воздух охлаждал его щеки. Он окинул взглядом толпу и мысленно поблагодарил Бадгера за то, что тот сохранил тайну во время дознания и судебного разбирательства, чем уберег от позора имя отца и деда. Все остальное его не волновало.

Однако Гриф солгал юному репортеру. Он понял это, когда вышел из камеры на солнечный свет. В глубине его души таился страх. Он не раз подвергался смертельной опасности и хотел бы погибнуть во время шторма или в жарком сражении, когда не было времени размышлять о смерти. Теперь же он испытывал болезненное ощущение в сердце, такое же, как от незаживших ран на теле.

Перед ним возникло лицо Тесс, светлое и красивое, как этот день. Когда на голову ему надели черный шелковый колпак, лишив возможности видеть солнечный свет, ее образ все еще оставался с ним.

Затем ему на шею накинули петлю, и толпа замерла. В наступившей тишине палач тихо произнес:

- Моя веревка хорошо смазана, сынок, ты не будешь мучиться. Благослови тебя Господь.

Палач отошел от Грифа, оставив его в темноте, и тут же в напряженной тишине раздался свист. За ним последовал другой.

Гриф ждал, но пауза явно затягивалась. В последние мгновения жизни все его чувства обострились до предела: он видел крошечные точки света, проникающего сквозь черный шелк, чувствовал резкий запах анилиновой краски, прикосновение веревки. Кожа на его руках также приобрела необычайную чувствительность, и пальцы покалывало от туго затянутой веревки. При каждом звуке рядом с эшафотом он ожидал, что сейчас все кончится...

Разумеется, он мог бы уберечься от всего этого. Стоило только рассказать приставленному к

нему за десять гиней адвокату, кто он такой и что на самом деле произошло, и ужасное обвинение в попытке ограбления было бы мгновенно снято. А вот убийство, совершенное при попытке ограбления, каралось смертью. В глазах закона не имело значения, подвергся ли вор нападению и стрелял ли он в ответ. Если даже вор совершил убийство защищаясь, все равно это рассматривалось как преступное намерение.

Но Гриф не пытался ограбить Стивена; и все-таки он был убийцей. Убийцей Тесс. Он прогнал ее, и теперь она погибла, и Стивен погиб, и Грейди – все они мертвы, а он до сих пор жив. Сейчас наконец и он умрет, а значит, присоединится к остальным членам своей семьи в этот ясный солнечный день.

Время шло, и в толпе начал подниматься недовольный ропот. Гриф почувствовал легкое головокружение. Его сердце гулко билось в предчувствии конца... Но не слишком ли затянулась пауза?

Черный колпак затруднял дыхание, давая наглядное представление о том, каким будет удушение при повешении, однако вокруг ничего не происходило, и Гриф чувствовал, что теряет самообладание от этой неестественной задержки. Он попытался считать удары своего сердца, досчитал до семидесяти и сбился. Ему вдруг показалось, что его ослабевшие колени вот-вот подогнутся и он упадет. Ну скорее же, ради Бога, скорее...

Вдруг толпа оживилась, и Гриф услышал звук шагов, гулко отдававшихся на настиле эшафота. Наконец-то...

Затем на его плечо опустилась тяжелая рука, и он затаился, не в силах удержать равновесие. Петля на его горле затянулась, но под ногами все еще была опора.

– Спокойно, сынок, – тихо сказал палач, и его крепкие пальцы больно стиснули предплечье осужденного. – Тебя освобождают.

Слова палача не сразу дошли до Грифа, зато он отлично слышал, как в толпе поднялся неистовый шум, который распространился вокруг и стал почти осязаемым, достигнув своего пика, когда палач снял с него петлю, а затем и черный колпак.

Яркий свет ударил ему в глаза, и тогда палач улыбнулся и кивнул в сторону беснующейся толпы.

– Не обращай на них внимания! – весело крикнул он и, оттащив Грифа от люка, подвел его к человеку, которого Гриф раньше не видел. Повернувшись к толпе, человек стоял молча, видимо, ожидая, когда стихнет шум.

Толпа постепенно успокоилась, и вновь прибывший громогласно провозгласил:

– Ее величество, пользуясь своим королевским правом, настоящим повелением смягчает приговор осужденному и заменяет казнь пожизненным заключением.

Толпа яростно взревела. Палач и несколько стражников выдвинулись вперед и, окружив Грифа, поспешно увели его обратно в тюрьму. Гриф слышал крики позади себя, и продолжал слышать их, даже когда палач, весело попрощавшись с ним, с лязгом закрыл дверь его камеры.

Гриф остался один.

Еще не веря до конца, что по-прежнему жив, он оглядел мрачные камни стен и только тут

понял, что всю оставшуюся жизнь ему придется смотреть на эти стены.

Сев на табурет, он уткнул лицо в ладони. Если бы у него сейчас был нож, он перерезал бы себе горло.

По прошествии долгого времени – Гриф не замечал ни часов, ни дней – за ним пришли, вывели из темной, поросшей по углам мхом камеры и поместили в более просторную, длинную и узкую, с маленьким зарешеченным окошком в одном конце и ящиком с каким-то механизмом на небольшом возвышении – в другом. Обстановку дополняли гладкий деревянный стол и газовая лампа. Больше в камере не было ничего.

Грифу сказали, что ему придется вращать ручку железного барабана со скоростью двенадцать сотен оборотов в час, по девять часов в день, шесть дней в неделю. Когда его выводили из камеры в часовню, ему закрывали лицо маской с крошечными прорезями для глаз и надевали короткую куртку с номером на спине. При этом он ни с кем не виделся и не разговаривал. Предполагалось, он должен каяться в совершенном преступлении до конца своих дней.

Таковой была королевская милость, которую ему оказали.

Его пища имела некоторое разнообразие. Он питался не только одним бульоном, но иногда ел мясо и овощи, которые приносила представительница благотворительного протестантского общества со строгим лицом – единственная, кому в виде исключения позволяли нарушать правила содержания опасного преступника в полном одиночестве. Женщина призывала Грифа к раскаянию и не покидала его, пока он не съедал то, что было принесено ею. Затем она вставала на колени и молилась вслух о его грешной душе, а уходя, оставляла небольшую религиозную брошюру.

Так и тянулись дни и месяцы. Стопка брошюр росла, в то время как сквозь зарешеченное окошко стал проникать зимний холод. Потом зима уступила место ранней весне. Гриф старался не думать ни о будущем, ни о прошлом. Он вообще старался ни о чем не думать и был полностью поглощен вращением скрипучего механизма. Движения его были равномерными и бездумными, как дыхание.

Однажды утром, еще до наступления рассвета, когда Гриф лежал без сна, глядя в темноту и опираясь спиной о жесткую стену, из коридора донеслись грохочущие шаги охранника. Проклиная непокорный замок, охранник с силой распахнул железную дверь и впустил в камеру юношу с ведерком воды и бритвой.

- Эй, ты, вставай! - Охранник ткнул Грифа огромным ключом, который держал в руке. - Этот парень побреет тебя перед судом.

Гриф поднялся. Сначала он подумал, что это ошибка, однако к тому времени, когда на него надели наручники и вывели в холодную предрассветную тьму, а потом провели через невесть откуда взявшуюся толпу и втолкнули в полицейский фургон, у него появилось странное подозрение. Ему казалось, что он уже умер и попал в ад. Теперь, подобно Сизифу, он обречен на вечные муки, только вместо валуна, который тот должен заталкивать на вершину горы, он вынужден терпеть вечное восхождение на эшафот и бесконечное ожидание, когда веревка сдавит ему шею. А потом его снова уведут в камеру, где он будет вращать механизм и время от времени терпеть женщину с ее молитвами.

На этот раз мрачный фургон остановился совсем не в том месте, где прежде осуществлялось судебное разбирательство, и Гриф не сразу понял, что они находятся на железнодорожной станции. Здесь их также встретила толпа, еще большая, чем прежде; ее крики смешались со

скрежетом медленно останавливающихся вагонов. Поднимаясь в вагон, Гриф споткнулся, и охранники, поспешно подхватив под локти, запахнули его внутрь и усадили на скамью.

Мгновение спустя поезд тронулся и отошел от станции.

Сначала Гриф только прислушивался к стуку колес и с любопытством наблюдал, как восходит солнце – эту картину он уже почти забыл. Потом его сознание начало постепенно пробуждаться, вызывая боль в душе, подобно тому как яркий утренний свет вызывает боль в привыкших к темноте глазах. Они путешествовали в пустом вагоне, и два охранника беседовали между собой так, словно были здесь одни.

Минут через двадцать поезд сбавил ход, и Гриф услышал, как чей-то голос, заглушая шум колес, объявил: «Базингстоук!»

– Куда вы меня везете? – спросил Гриф хриплым от долгого молчания голосом.

Охранники, прервав беседу, с удивлением посмотрели на него; затем после небольшой паузы один из них сказал:

– В Лондон. Так что ты уж постарайся вести себя прилично.

Гриф слегка пошевелился, чтобы немного облегчить боль от наручников, и больше ни о чем не стал спрашивать.

Мимо проплывали серые поля и деревья, чуть тронутые зеленью, потом начали появляться ряды пригородных домов, которые сменились серыми очертаниями Лондона с его остроконечными готическими шпилями и дымом из сотен тысяч труб.

Толпа, встретившая их на вокзале Ватерлоо, оказалась неизмеримо большей, чем предыдущие. Как только паровоз остановился, на платформу устремились люди, и полицейские тут же вступили с ними в борьбу у двери вагона Грифа.

Беспокойно посмотрев в окно, охранники подняли Грифа на ноги, но едва он появился в дверях вагона, шум толпы перерос в рев. Теперь ему стало видно, что все пространство перрона было заполнено возбужденными людьми и лишь посередине оставался узкий проход, охраняемый полицейскими.

Конвоиры подтолкнули арестованного вперед, видимо, намереваясь поскорее миновать толпу, но что-то заставило Грифа оставаться на месте. Ему не хотелось показывать свой страх, поэтому он заставил себя медленно спуститься на платформу, бестрепетно глядя в глаза людям, находящимся за спинами полицейских. Пальцы охранников впились в его руки, и внезапно это вызвало у него странное удовольствие от сознания, что они напуганы так же, как и он.

Теперь толпа возбудилась еще больше, и сквозь ряды полицейских к нему потянулось сразу несколько рук. Гриф чувствовал их прикосновения и ожидал, что его попытаются ударить, но неожиданно понял, что люди приветствуют его. Тогда он остановился и удивленно посмотрел по сторонам.

Конвоиры, явно нервничая, подтолкнули его вперед, туда, где стоял экипаж без окон, прозванный «Черной Марией» и предназначенный для доставки заключенных из тюрьмы в суд. Едва Гриф оказался внутри, они, забравшись следом, проворно захлопнули тяжелую дверь и задвинули засов.

Фургон, качнувшись, двинулся вперед.

Они долго продвигались по каким-то ухабам, и несколько раз у Грифа возникало ощущение, что фургон вот-вот перевернется, зато, когда кучер постучал сверху, давая сигнал, что они прибыли к месту назначения, между Грифом и его сопровождающими невольно возник дух товарищества. Сидеть в темноте, слышать шум и чувствовать, как трясется экипаж, было не очень-то приятно, и в конце концов все это довело их до крайнего раздражения.

Подойдя к двери фургона, один из конвоиров остановился в нерешительности и, лишь когда напарник кивнул ему, отодвинул засов, и дверь широко распахнулась.

Оказавшись в небольшом пространстве, окруженном полицейскими, Гриф изумленно огляделся.

Вместо мрачных стен центрального уголовного суда Олд-Бейли над ним возвышались каменные шпили зданий парламента. У Грифа не было даже времени остановиться и поразмыслить, поскольку его тут же окружила еще одна группа полицейских и немедленно препроводила внутрь.

Оказавшись в здании, Гриф немного успокоился, хотя он так и не мог понять, почему его привезли именно сюда. Оба конвоира некоторое время шли позади него, а потом потерялись где-то, когда полицейские провели его через несколько великолепных холлов.

В конце концов Гриф оказался в небольшой комнате, где с него сняли оковы, после чего полицейские удалились.

И почти сразу же в комнату энергичной походкой вошел высокий широкоплечий мужчина с седыми волосами. Осмотрев Грифа критическим взглядом, он задумчиво хмыкнул.

- Здравствуйте, заключенный, - сказал мужчина.

Незнакомец произнес последнее слово так напыщенно, как будто это был знатный титул; по-видимому, его все же достаточно удовлетворило увиденное, поскольку он широко улыбнулся и протянул свою огромную, похожую на львиную лапу, руку.

- Ракстон Вуд, - представился вошедший. - Ваш адвокат.

Имя показалось Грифу знакомым. Дэвид Ракстон Вуд, адвокат высшего разряда, слыл прекрасным защитником.

Кажется, теперь Гриф начал кое-что понимать. По-видимому, его собираются использовать в своего рода рекламной кампании: еще один безнадежный случай, еще одна возможность для великолепного адвоката блеснуть своим красноречием в проигранном ранее деле.

Гриф равнодушно посмотрел на протянутую руку и стиснул челюсти.

- Я не нуждаюсь в вашей защите.

- Ах вот как... - Ничуть не смущаясь, адвокат опустил руку и отвесил легкий поклон. - Возможно, так и есть, - он вздохнул, - однако не думайте, что другим наплевать на это, мой мальчик. Здесь ваш новый камердинер. Даю вам двадцать минут. - Он протянул руку и провел пальцем по скуле Грифа. - Даже тридцать. Побрейтесь хорошенько и приведите себя в порядок.

С этими словами Вуд покинул помещение, и тут же вошедший слуга с явным отвращением снял с Грифа тюремную одежду, а затем усадил его в жестяную ванну с теплой водой, которую внес другой слуга.

После того как Гриф искупался, его побрили и подрезали ему волосы. Затем принесли вещи, в которых Гриф с удивлением узнал свою одежду.

Как только камердинер закончил повязывать Грифу галстук, появился Вуд; на этот раз на нем была черная шелковая мантия королевского адвоката.

- Ну вот и прекрасно! - Он с удовлетворением кивнул. - Можно подумать, что ваши предки были аристократами, мистер Доу...

Гриф исподлобья взглянул на него и нахмурился.

- Не могли бы вы оказать мне любезность и сказать, что все это значит?

- Это всего лишь попытка разобраться в огромной неразберихе, которую вы устроили в своей жизни, - спокойно ответил Вуд. - Полагаю, вы готовы? Боюсь, придется опять надеть на вас наручники... Вы предпочитаете держать руки спереди или сзади?

Выйдя вслед за адвокатом в холл, Гриф снова оказался в окружении полицейских. Он был в Вестминстере лишь однажды, в ту далекую весну, когда бесцельно проводил время в Лондоне; тем не менее, когда один из конвоиров открыл узкую дверь, Гриф вдруг понял, где находится. Украшенное золотом помещение с пустым тронем, высокий потолок и галереи по обеим сторонам, длинные ряды сидений - все это трудно было забыть.

Его доставили в палату лордов.

Глава 18

Тесс взволнованно ходила по небольшому офису, в котором адвокат оставил ее. Предполагалось, что здесь она будет отдыхать. Такая возможность была предоставлена ей с учетом ее физического состояния. Тесс родила хорошенького здорового мальчика уже четыре месяца назад, но адвокаты почему-то считали, что она может в любой момент упасть в обморок.

Но даже если и так, ей сейчас было не до обмороков. Ужас, охвативший Тесс в дни перед предполагаемой казнью, все еще не покидал ее. Она примчалась в столицу, встретила с адвокатом Вудом, потом ждала в течение двух дней аудиенции у королевы, и все это сопровождалось невероятным напряжением. Вуд объяснил ей, что надо говорить во время встречи. Накануне казни Тесс не спала ночь, и лишь утром из секретариата парламента в Винчестер по телеграфу было отправлено срочное сообщение.

Приговор был смягчен, после чего Вуд подключил к работе чуть не все сообщество юристов. Он расспрашивал Тесс до полного изнеможения, заставляя ее вспоминать все, что ей было известно о Грифе, скрупулезно собирал сведения о его прошлом, придавая особое значение кольцу с печаткой и тому факту, что в брачном свидетельстве было указано имя Грифон Меридон. Чем больше Вуд исследовал это дело, тем тверже становилось его убеждение. Он внутренне ликовал, получив убедительные доказательства подлинной личности обвиняемого. К тому времени, когда Грифона Меридона доставили в сентябре в Лондон, Тесс была уверена, что ее сын является следующим наследником Ашленда.

Однако пока его отец все еще обвинялся в убийстве.

Стараясь ослабить головную боль, Тесс приложила руки к вискам. Гриф здесь, и она намеревалась наконец встретиться с ним после стольких месяцев бесплодного ожидания. При этом она не имела ни малейшего представления о его физическом и душевном состоянии. Письма, которые она тайно переправляла в тюрьму, так и остались без ответа. Тесс даже не знала, получал ли их Гриф. Каждое письмо бесследно исчезало в безжалостном аппарате королевской исправительной системы – огромной бесчеловечной машины, которая раз за разом безвозвратно поглощала свои жертвы.

Позади открылась дверь, и Тесс обернулась. Перед ней стоял один из младших помощников Вуда.

– Пойдемте со мной, мэ. – Он вежливо указал на дверь. – Мистер Вуд хочет, чтобы вы присутствовали на процессе.

Тесс послушно последовала за адвокатом и вскоре оказалась в довольно скромном зале суда, где встала, прижавшись спиной к стене. Она старалась не привлекать к себе внимания, полагая, что вообще не имеет права находиться здесь.

Наконец в дальнем конце открылась дверь, и в зале появился Гриф. Он вошел в сопровождении двух конвоиров и двигался уверенно, несмотря на наручники, из-за которых ему приходилось держать руки за спиной. Когда он остановился, то сразу опустил глаза и стал безучастно смотреть в пол.

Тесс закусила губу. Она долго готовилась к этой встрече и тем не менее была потрясена.

Знакомый загар исчез с лица Грифа, волосы стали темно-золотистыми, а не как прежде – выгоревшими на солнце; скулы, казалось, выступали резче, а строгих линий сюртука не мог скрыть неестественной худобы. Но больше всего Тесс поразило безучастное выражение его лица – казалось, он был не человеком, а восковой фигурой.

Парламентский пристав трижды громко провозгласил: «Слушайте все!», а затем, стукнув жезлом об пол, объявил:

– Ее величество королева повелевает всем строго соблюдать тишину во время заседания суда под страхом заключения в тюрьму!

После этого вперед вышел величественный мужчина в белом парике до плеч и в алой мантии. Это был лорд-канцлер. Стоя перед мягкой скамьей, которая была известна Тесс как официальное место лорд-канцлера в палате лордов, он объявил:

– Прежде всего по поручению ее величества необходимо огласить суть дела. Желательно, чтобы при этом присутствовали члены палаты лордов.

Лорд-канцлер передал документ секретарю, и тот начал читать:

– Виктория Регина, милостью Божьей королева Великобритании, Ирландии и Индии, защитница веры и прав граждан, предоставляет полномочия осуществлять правосудие лорду Челмсфорду, канцлеру Великобритании.

Тесс едва могла следить за сложной речью, изобилующей такими выражениями, как «по причине» и «сказанное выше», а также неоднократными упоминаниями Джона Доу –

вымышленного имени Грифа. Она с тревогой наблюдала за его реакцией, но никакой реакции не последовало. Лицо Грифа по-прежнему казалось высеченным из камня, однако, услышав еще одно имя, он, внезапно поднял голову.

- ... утверждается, что фактически фигурант данного дела является лордом Грифоном Артуром Меридоном, шестым маркизом Ашлендом, - продолжал громко читать секретарь. - Мы считаем, что справедливость является высшей добродетелью. Парламенту предстоит заслушать показания свидетелей, рассмотреть обстоятельства дела, прийти к определенному заключению и вынести приговор. Все это следует исполнить должным образом, как если бы правосудие осуществляла сама королева. Господи, храни королеву, - нараспев закончил он.

В этот момент Гриф неожиданно повернулся и злобно посмотрел на адвоката. Напряженность этого взгляда удивила и встревожила Тесс. Она могла бы понять, если бы на его лице отразились облегчение, надежда, благодарность, но Гриф, похоже, был попросту взбешен.

Тесс в волнении сжала руки. Что все это значит? Неужели он не хочет выйти на свободу? В качестве Джона Доу Гриф уже был признан виновным и осужден, однако провинциальные присяжные в окружном суде не имели полномочий судить маркиза Ашленда, королевского пэра. Только палата лордов обладала правом вынести окончательное решение в отношении равного им по положению, и если Вуд сумеет доказать, что...

Однако Гриф, похоже, не собирался проявлять признательность; напротив, судя по презрительному взгляду и сжатым челюстям, одни лишь оковы удерживали его от попытки вцепиться в горло адвоката.

- Представьте обвиняемого перед палатой. - Лорд-канцлер отступил в сторону, и конвоиры поспешно подвели Грифа к длинному столу.

Балдахин над пустым тронном позади лорд-канцлера сверкал в молчаливом величии, и Гриф устремил на него геподвижный взгляд, плотно сомкнув губы.

- Скажите, вы действительно являетесь Грифоном Артуром Меридоном, настоящим маркизом Ашлендом? - спросил лорд-канцлер.

Голоса членов палаты мгновенно стихли, и в этой тишине Гриф почувствовал скрытую насмешку, самодовольное предвкушение возможности покуражиться над избличенным преступником, который имел дерзость подать апелляцию в высшую судебную инстанцию. Он в очередной раз проклял Ракстона Вуда и всех, кто затеял возбуждение этого процесса. Лучше бы ему снова стоять на эшафоте, чем терпеть такой позор.

Однако как он мог лгать в палате, где его дед, прадед и все двенадцать поколений Меридонов по праву занимали почетные места? В таких условиях отрицать свое настоящее имя из-за боязни быть осмеянным было бы обыкновенной трусостью.

- Ваша светлость, - тихо сказал Гриф, - я действительно являюсь Грифоном Артуром Меридоном.

К его удивлению, никаких насмешек не последовало; в зале слышалось только приглушенное гудение голосов. После небольшой паузы канцлер сказал:

- Я хочу, чтобы мне представили доказательства со стороны защиты, что этот человек фактически является лордом Грифоном Меридоном, достопочтенным маркизом Ашлендом.

Седовласый лорд, поднявшись со своего места, попросил дать слово адвокату, что было тут же сделано.

Выйдя вперед без каких-либо записей в руках, Вуд даже не посмотрел на Грифа; оглядев членов палаты и выдержав длительную паузу, он уверенно начал говорить, и речь его звучала как подлинный образец ораторского искусства.

Постепенно покашливания и шорохи в зале прекратились, и в наступившей тишине Гриф мог слышать биение своего сердца. Ракстон Вуд сумел настолько покорить аудиторию, что, казалось, своей властью мог теперь соперничать даже с позолоченным тронном.

- Уважаемые лорды, - произнес Вуд тихим голосом, который тем не менее легко достиг самых отдаленных уголков зала. - Я чувствую большую ответственность, приступая к задаче, выполнение которой считаю своим прямым долгом. В случае неудачи последствия моего провала очевидны - это либо смерть человека, либо - что, возможно, еще хуже - пожизненное заключение в стенах тюрьмы. - Вуд окинул палату внимательным взглядом. - Позвольте рассказать вам одну историю из современной жизни: она всецело основана на сведениях, полученных из внешних источников, и в ней нет ничего, что было бы рассказано мне непосредственно обвиняемым. Это весьма примечательная, невероятная и... трагическая история, но я верю, что, когда вы услышите ее и она будет подтверждена доказательствами, у вас не останется более достойного выбора, кроме как согласиться со мной в том, что осуждение и заключение в тюрьму этого человека сталр одной из самых ужасных ошибок правосудия.

Вуд едва заметно повернул голову, и его помощник, вскочив, подал ему толстый том. Адвокат положил книгу на стол, открыл ее в том месте, где была закладка, и снова поднял взгляд.

- Позвольте зачитать вам выдержку из «Военно-морской хроники» за 1851 год. Это копия письма капитана Натаниела Элиота вице-адмиралу сэру Колину Ши, посланного с борта британского военного корабля «Мистраль» и датированного 17 декабря 1850 года.

Гриф мог по памяти процитировать письмо, о котором говорил Вуд. Официальная версия истории нападения пиратов на «Арктур» представляла Натаниела Элиота героем, а лорда Александра - высокомерным, не желающим сотрудничать с военными моряками штатским, который намеренно отказался от защиты корабля ее величества и тем самым допустил грубую ошибку, приведшую к непоправимой беде. Элиот сообщал, что «Арктур» был виден ему некоторое время: лишенный мачт, с охваченными огнем палубами, без признаков жизни на борту. Затем, преследуя пиратов, он храбро вступил в сражение с ними и уничтожил всех до единого человека.

Дочитав донесение Элиота до конца, Вуд закрыл книгу, осторожно положил ее на стол и в первый раз за все время судебного заседания взглянул на Грифа.

Тот ответил ему мрачным взглядом. Все, что прозвучало здесь, было ложью, но Ракстон Вуд ошибался, если думал, что Гриф сейчас же встанет и расскажет всю правду. Лорд Грифон Меридон, маркиз Ашленд, не собирался просить милости у этих напудренных властолюбцев в мантиях. Он не желал их милости, как не хотел вообще ничего, кроме конца своим страданиям. Пусть лучше они повесят его! Не дождавшись от Грифа никакой реакции, Вуд повернулся к галерее:

- К сожалению, капитан Элиот, который писал с такой трогательной жалостью о гибели своих родственников, окончил свои дни дома в своей постели четыре года назад и потому не может

быть опрошен по поводу данного донесения; однако у меня имеется свидетель событий, происходивших с 8 по 16 декабря 1850 года на борту британского военного корабля «Мистраль». Это некто полковник Малколм Джонс – в то время лейтенант королевского флота. Члены палаты могут убедиться, что страшная история тех дней трактуется им совсем по-иному. С вашего разрешения...

Малколм Джонс, слегка прихрамывая, вышел вперед и сразу стал теревить глянцевитые рыжие бачки с проседью. Тесс внимательно наблюдала за ним из своего угла, зная, что адвокат Вуд употребил все свое влияние, чтобы убедить застенчивого моряка выступить в парламенте. В палате лордов Джонс чувствовал себя весьма неловко и выглядел так, будто ему предстояло вновь штурмовать высоты Севастополя.

- Друг мой, не могли бы вы рассказать нам, что произошло на борту «Мистраля» 15 декабря 1850 года? – Вуд ободряюще посмотрел на свидетеля.

- Да, сэр, – взволнованно откликнулся Джонс. – Хотя рассказывать-то особенно нечего. Утром офицеры в основном находились в каютах. Днем всю команду вызвали наверх, а примерно через час капитан отдал приказ офицерам также подняться на палубу. Когда я вышел наверх, неподалеку находился другой корабль, он лежал в дрейфе. На его палубе я увидел мертвые тела. Капитан велел первому помощнику и мне подняться на борт этого корабля, чтобы поискать оставшихся в живых.

Тут Джонс сделал паузу, чтобы вытереть вспотевшее лицо платком.

- И что вы обнаружили там? – мягко спросил Вуд.

- Мы обнаружили... – Полковник слегка замялся; казалось, ему трудно было продолжать. – Мы обнаружили результаты кровавой резни, сэр. Все были убиты, даже маленькие девочки.

Тесс увидела, как Гриф закрыл глаза, и сердце ее сжалось от острой боли. Она впервые представила весь ужас того, что испытал этот человек. Ей было удивительно, как он смог, будучи мальчиком, пережить все это. На его глазах убили всех близких ему людей, и он остался один...

Тесс чувствовала, что никакие страдания в ее жизни не могли сравниться с мучительным желанием броситься к нему и разгладить горестные линии на его лице.

- Все были мертвы? – спросил адвокат. – Вы не нашли ни одного живого человека?

- Мы насчитали тридцать тел, сэр.

- Имелись ли там признаки начавшегося пожара?

- Нет, сэр.

- Было ли у вас время проверить каждое из тел?

- Почти нет, сэр. Я хотел сделать это, но лейтенант приказал мне покинуть корабль вместе с ним. Покончив с пиратами, мы вернулись назад к месту происшествия и потратили два дня на поиски корабля, но так и не нашли его.

- Не нашли? Он что, утонул?

- Не знаю, сэр.

- Вы помните название пропавшего корабля, полковник Джонс? Вы видели это название, когда вас направили на поиски живых?

- О да, сэр. Это был «Арктур», сэр.

Вуд кивнул:

- Благодарю вас, полковник.

В качестве свидетелей были опрошены еще четыре человека, и еще четыре раза Гриф был вынужден выслушивать одну и ту же историю, мысленно отмечая детали, которые были упущены. Из дальних уголков его памяти постепенно всплывали все события того страшного дня. В его ушах снова стояли крики жертв, а его мальчишеское сердце трепетало от ужаса, который сейчас казался реальнее, чем полированный стол, находившийся прямо перед ним.

Когда Вуд объявил, что вызывает в качестве свидетеля первого помощника капитана «Мистраля», Гриф отвернулся, не желая слушать повторение ужасной истории, но уже в следующий момент поднял голову и удивленно нахмурился. Ему вдруг начало казаться, что он спит и видит абсолютно невероятный сон, потому что в этот момент в зал вошел... Роберт Старк. На этот раз он был чисто выбрит и аккуратно одет, признаки синяков на его лице отсутствовали.

Старк сообщил под присягой, что семнадцать лет назад являлся первым помощником капитана британского военного корабля «Мистраль».

- Тогда у меня были большие долги, - признался Старк. - Капитан Элиот уплатил их и взял с меня расписку... вот почему я не возражал против фальшивых записей в судовом журнале «Мистраля».

В остальном Старк ссылался на приказы капитана. По приказу Натаниела Элиота он не изменил курс корабля, когда был замечен дым на неизвестном судне и капитан Элиот отказался выйти на палубу, затем, также по его приказу, прибыв на терпящее бедствие судно, поджег две банки лака в трюме «Арктура» и, прихватив с собой лейтенанта, поспешил назад на «Мистраль».

- Скажите суду, на что вы рассчитывали, поджигая банки с лаком? - спросил адвокат Вуд.

- Я полагал, что это вызовет пожар на корабле. Так я понял отданный мне приказ.

- И это сработало?

Старк пожал плечами.

- Означает это «да» или «нет», мистер Старк?

- Как сказать... - неуверенно пробормотал Старк и вдруг замолчал.

- Так вы видели дым?

- Нет. Было уже довольно темно.

- В таком случае был ли виден свет от пожара?

- Нет, - снова сказал Старк. - Мы очень быстро удалились от этого места.

- Как далеко вы ушли?

- О, не меньше чем на десять лиг.

- То есть около тридцати миль?

- Да, около того.

- Вы видели когда-нибудь ночной пожар, мистер Старк?

Старк откашлялся.

- Нет.

- А знаете ли вы, что, когда вышедший из Блэкула фрегат загорелся несколько лет назад, зарево заметили даже с острова Мэн на расстоянии около шестидесяти миль?

- Нет, сэр, - произнес Старк и закашлялся.

- Возможно, корабль не загорелся?

- Я не знаю. Но можно предположить, что не загорелся, если банки не упали.

- Могло ли быть такое, учитывая волнение моря, о котором вы упомянули?

- В этой жизни все возможно.

- То есть вы допускаете, что ни одна из банок с горящим лаком не перевернулась на неуправляемом корабле во время волнения на море?

- Нет, это невероятно.

- Что еще, по-вашему, могло послужить причиной тому, что на корабле не вспыхнул пожар от банок с горящим лаком?

Старк надолго задумался, потом тихо произнес:

- Не могу ничего предположить.

- Ничего, мистер Старк? У вас нет ни единой версии?

Старк был явно обескуражен. Он огляделся вокруг, затем снова посмотрел на Вуда.

- Возможно, кто-то погасил огонь.

Присутствующие начали перешептываться.

«Это сделал Грейди», - с болью подумал Гриф.

- Считаете ли вы, что существует другая причина, почему качающийся корабль не подвергся пожару из-за открытых банок с горящим лаком?

Этот вопрос снова заставил Старка глубоко задуматься..

- Нет, - сказал он наконец почти шепотом.
- Громче, мистер Старк. Члены палаты, возможно, заинтересуются вашим ответом.
- Нет, - повторил Старк. - Я так не думаю.
- Значит, если корабль, который вы пытались поджечь семнадцать лет назад, все-таки уцелел и сейчас находится в хорошем состоянии, то, должно быть, кто-то на нем остался в живых?
- Да, вероятно, так все и было, - согласился Старк.

Допрос свидетелей продолжился. В ходе его «Арканум» был безусловно опознан как «Арктур» по первоначальным чертежам, и сделали это люди, которые строили его. Следователи обнаружили также первоначальное носовое украшение и доски с названием корабля, спрятанные в фальшперегородке. Написанное от руки завещание с подписью Александра Меридона, в котором Гриф объявлялся наследником, было признано подлинным не менее чем пятью уважаемыми графологами. Даже Мазу, щеголяя кошачьей походкой и татуировками, пришел дать показания. Он рассказал, как присоединился к команде «Арктур», состоящей в двух человек - мужчины и двенадцатилетнего мальчика, на западном побережье Африки в начале 1851 года.

Наконец в зал суда в сопровождении чиновника вошел шаркающей походкой старик Бадгер. Принеся присягу, Бадгер, сдвинув подрагивающие брови, решительно посмотрел на Грифа, и тот отвернулся, понимая, что на этот раз когда-то верный ему слуга будет говорить правду.

Казалось, лорд-канцлер был немало удивлен, услышав, что старик, который на первом допросе выглядел крайне подавленным и бормотал нечто непонятное, сейчас твердо заявил, что сам пригласил обвиняемого в дом.

- Мистер Бриджуотер, ваши показания существенно отличаются от тех, которые вы давали ранее.

Губы Бадгера дрогнули, но он так ничего и не сказал.

- Соответственно я должен напомнить вам, что вы находитесь под присягой.

- Да, ваша светлость, - наконец отозвался Бадгер. - Сейчас я говорю правду, а тогда... лгал.

- Мистер Бриджуотер, - немедленно обратился к нему Вуд, - вы говорите, что ранее лгали, давая свидетельские показания. Что именно из ваших прежних показаний не соответствует действительности?

- Раньше я говорил, что впервые обнаружил его светлость в погребке утром. Это была ложь. Накануне вечером, когда он позвонил у входа, я открыл дверь и впустил его в дом.

- Вы не сказали об этом полиции?

- Нет, сэр.

- А почему вы скрыли от полиции этот факт?

- Потому что... Видите ли, войдя в дом, его светлость попросил меня поклясться, что я никому не скажу о его появлении.

- Обвиняемый просил вас поклясться в этом?

- Да, сэр. - Бадгер посмотрел на своего господина с мольбой в глазах, и Гриф слегка качнул головой, прощая его. Теперь любое лжесвидетельство Бадгера уже не имело смысла.

- Мистер Бриджуотер, - продолжил Вуд, - когда вы открыли дверь и увидели обвиняемого, вы узнали его?

- Сперва я подумал, что да, сэр.

- И кто, по-вашему, это был?

- Лорд Александр, сэр.

В зале загудели.

- Но ведь лорд Александр умер семнадцать лет назад, разве не так?

- Именно так, сэр.

- Как долго вы оставались в этом заблуждении?

- Пока его светлость не сказал мне, что не является лордом Александром.

- Там, где вы встретились, было достаточно света, чтобы разглядеть его?

- Да, сэр.

- Пока он не сказал вам, что не является лордом Александром, как вы могли принять его за человека, который, как вам было известно, умер семнадцать лет назад?

Бадгер поджал губы.

- Вы сочтете меня старым дураком, сэр...

Лицо адвоката смягчилось.

- Конечно, нет, мистер Бриджуотер. Я только хочу, чтобы вы рассказали, что подумали тогда. Никто здесь не будет смеяться над вами, если вы скажете правду.

- Ну, я подумал, что это привидение, сэр.

- Почему вы пришли к такому заключению?

- Он выглядел, как лорд Александр, сэр, и его галстук был в крови. В свое время говорили, что пираты перерезали лорду Александру горло, сэр.

- По вашим словам, обвиняемый сказал вам, что не является лордом Александром. И кем же он представился?

- Сказал, что его зовут Грифон и он - сын Артура.

- Вы поверили ему?

- О да, сэр.

- Значит, все это время, когда никто не мог определить, кем является обвиняемый, вы знали, кто он на самом деле, но не сообщали полиции?

- Нет, я никому не говорил, сэр. Я ведь дал клятву. - Неожиданно Бадгер разразился слезами. - Я не думал, что его приговорят к повешению.

Выждав несколько минут и дав Бадгеру немного успокоиться, Вуд спросил:

- Вы и сейчас верите, что обвиняемый действительно является Грифоном Меридоном, внуком покойного маркиза?

- О да, сэр, разумеется!

- Мистер Бриджуотер, я правильно полагаю, что в Ашленд-Корте имеется портрет лорда Александра?

- Да, сэр, это так.

- И где он висит?

- В гобеленовой комнате, сэр, на северной стене, около двери. Обычно он висел в галерее, но мистер Элиот перенес его наверх после смерти отца.

- Ваша светлость, - обратился Вуд к лорд-канцлеру, - я прошу позволения представить здесь упомянутый свидетелем портрет. Это работа сэра Джорджа Ричмонда. Лорд Александр позировал художнику в декабре 1849 года, когда ему было тридцать лет.

Когда портрет внесли, Вуд дал указание расположить его рядом с Грифом так, чтобы лорд-канцлер мог одновременно видеть и картину, и обвиняемого.

Гриф хорошо видел, как изменилось лицо канцлера. Его седые брови взметнулись вверх, и он медленно кивнул:

- Ваш аргумент весьма убедителен, адвокат. Поверните портрет так, чтобы его могли видеть лорды.

Помощники судебного пристава поставили портрет на ступеньки перед пустым тронем и повернули его. По залу тут же пронесся гул голосов.

На картине был изображен молодой человек, позади которого вместо традиционной собаки и греческого храма виднелся штурвал корабля; в правой руке моряк держал секстант. Он слегка прислонился к коробке рулевого управления, его светлые волосы развевались по ветру, а на лице сияла смелая улыбка.

- Не этот ли портрет вы упоминали, мистер Бриджуотер? Это он висел в гобеленовой комнате в Ашленд-Корте?

- Да, сэр. - Бадгер кивнул. - Он и есть.

В этот момент Тесс подумала, что если бы Гриф, стоя у штурвала «Арканума», мог посмотреть на себя в зеркало, он увидел бы именно эту картину.

Тесс так и не смогла заставить себя остаться в зале во время голосования. Когда Грифа увели, она выскользнула наружу, надеясь, что ей удастся поговорить с ним, но к тому моменту, когда

она вышла в холл, он уже исчез.

После этого ей оставалось только ждать, сидя в офисе Вуда. Адвокат все не появлялся, и это ее ужасно расстраивало. Она его жена, и Гриф нуждается в ней. Разве она не имеет права быть с ним, когда их будущее висит на волоске? И почему он не попросил встречи с ней?

Впрочем, Тесс знала почему. Гриф расстался с ней, потому что не любил ее, и у нее не было оснований думать, что он изменил свое отношение к ней. Правда, он пытался спасти ее от Стивена, и это тоже кое-что значило. Он рисковал жизнью ради нее, и Тесс уцепилась за эту надежду, хотя знала, что она весьма слаба. Чувство вины, долг, гнев и еще множество причин могли заставить его вернуться, чтобы спасти ее, но ни одна из них не имела отношения к любви.

Наконец ее пригласили на оглашение приговора, и она, тихо войдя в зал, остановилась в том же месте, где стояла раньше. Затем ввели Грифа. Выражение его лица было все таким же подавленным.

Остановившись перед ступеньками трона, Гриф так и не поднял глаз.

- Милорд!.. - Лорд-канцлер сделал паузу.

Стоявший рядом со своим подзащитным Вуд многозначительно кашлянул, и Гриф поднял голову.

Канцлер чуть заметно улыбнулся ему странной улыбкой и потом заговорил снова:

- Милорд, присутствующие здесь пэры обсудили представленное им утверждение о том, что вы являетесь Грифоном Артуром Меридоном, маркизом Ашлендом. Принимая во внимание свидетельские показания и все то, что было предъявлено по делу, члены палаты лордов единодушно согласились признать вас Грифоном Артуром Меридоном, почтенным маркизом Ашлендом, с возвращением вам всех соответствующих прав и привилегий.

Тесс проглотила подступивший к горлу ком, но ее радость тут же померкла. Впереди было судебное разбирательство факта убийства, а Грифа, казалось, совершенно не тронуло изменение его статуса, как и то, что он в одно мгновение вошел в число богатейших людей империи.

Заседание продолжилось, и секретарь зачитал обвинительный акт, а затем заключение суда присяжных Винчестера, после чего лорд-канцлер снова обратился к Грифу:

- В данный момент вы присутствуете на судебном разбирательстве в связи с предъявленным вам обвинением в убийстве Стивена Элиота из Гэмпшира. Это обвинение имеет весьма серьезные основания, учитывая приговор, вынесенный судом присяжных.

Тесс крепко сжала руки, а потом заставила себя спрятать их в юбке.

- Тем не менее, милорд, - продолжил лорд-канцлер, строго соблюдая формальности, - вы можете считать этот приговор недействительным, поскольку вам повезло родиться вашей светлостью и, согласно конституции нашей страны, вас могут судить только члены палаты лордов.

Внимательно глядя на Грифа, лорд-канцлер терпеливо ожидал ответа, а когда его не последовало, после небольшой паузы добавил:

- Не знаю, может ли это послужить утешением для человека в вашем положении, но должен напомнить, что вас будут судить люди, чья справедливость не вызывает сомнений. На их решение влияют только ясные и правдивые показания.

Гриф по-прежнему не проявлял никаких эмоций; он выглядел очень усталым, и Тесс надеялась, что ему хотя бы предложат сесть. В зале возникла напряженная тишина, и тут адвокат поднял руку.

- С каким заявлением вы обращаетесь теперь? - спросил у него лорд-канцлер.

Вуд выступил вперед:

- Его светлость заявляет о своей полной невинности, милорд.

Как только прозвучала эта фраза, со своего места поднялся человек, в котором Тесс узнала главного прокурора. Здесь он будет выступать в качестве обвинителя.

- Уважаемые лорды, - важно произнес он, - после тщательного обсуждения столь волнующих обстоятельств дела, которые пролили свет на личность и поступок обвиняемого, мы пришли к заключению, что у нас нет никаких оснований считать подсудимого виновным. Поэтому мы снимаем с него обвинение.

Тесс прижала руки ко рту, чтобы сдержать крик радости, готовый сорваться с ее губ.

В этот момент Гриф поднял голову и увидел ее.

Он был настолько потрясен, что его колени подогнулись и дыхание замерло в груди. В глазах у него потемнело, зал, а вместе с ним лорды и Тесс слились в одну светящуюся точку в конце длинного туннеля.

Тупая боль распространилась по всему его телу, горло душило готовое вырваться рыдание. Его радость была подобна агонии, но он все еще боялся, что мозг сыграл с ним злую шутку и что тонкая фигура, наполовину скрытая в углу помещения, была не более чем плодом его воображения.

Однако цепи у него на руках были вполне реальными, также как и голос лорд-канцлера, произносящий слова, которые Гриф едва улавливал.

- Означает ли это заявление, что дальнейшее рассмотрение дела следует прекратить?

- Ваша светлость, - сказал главный прокурор, - факты, изложенные в этом деле, чрезвычайно противоречивы. Чтобы не испытывать ваше терпение, позвольте мне кратко сообщить следующее: мы уверены, что подсудимый вошел в дом, не имея намерения совершить ограбление или убийство. Мы также уверены, что потерпевший имел достаточные основания напасть на подсудимого, что он и сделал. Подсудимый искренне старался избежать кровопролития. По существу, речь идет о самозащите, и представитель обвинения со стороны Короны не видит оснований для дальнейшего рассмотрения этого дела.

- Вы готовы направить членам палаты лордов письменное обоснование для прекращения дела?

- Разумеется, милорд. Через неделю все будет готово.

Слова звучали, как журчание воды, и почти не доходили до сознания Грифа. Только что он

думал, что Тесс умерла, и сам жаждал смерти, зато теперь, когда оказалось, что она жива, его охватило смятение. Одна часть его существа желала быть вместе с ней, а другая стремилась прочь, страшась новых страданий. Он долго строил вокруг себя крепость, укладывая один камень за другим, а она разрушила все одним взглядом голубовато-зеленых глаз.

Тесс напряженно смотрела на Грифа, и ей вдруг показалось, что она никогда не сможет понять его.

Тем временем лорд-канцлер громко произнес, обращаясь к огромному залу:

- Члены палаты лордов согласились, что в данном деле не имеется оснований для признания подсудимого виновным, а посему я предлагаю утвердить вердикт о невиновности в уголовном преступлении, в котором был обвинен этот человек. Теперь слово за вами. Итак, является ли подсудимый, лорд Ашленд, виновным или невиновным в попытке кражи и убийстве?

Разумеется, это была только формальность. «Невиновен!» - прозвучал в зале дружный хор голосов.

Лорд-канцлер снова повернулся к Грифу.

- Маркиз Ашленд, члены палаты лордов рассмотрели предъявленное вам обвинение в уголовном преступлении и, учитывая заявление главного прокурора, единодушно признали вас невиновным.

Стражник немедленно снял оковы с рук бывшего заключенного, и теперь Гриф стоял неподвижно, с побелевшим лицом, глядя на Тесс. Она тоже смотрела на него и чувствовала, что ее щеки пылают от волнения. Тесс очень хотелось улыбнуться, но она боялась, что в результате слабые надежды, которые она все еще лелеяла, окончательно исчезнут. Определенно Тесс могла сказать только, что, увидев ее, Гриф не проявил даже малейшей радости.

Парламентский пристав трижды прокричал: «Слушайте все!», а затем важно объявил:

- Ее величество королева повелевает всем присутствующим здесь строго соблюдать порядок при выходе из палаты во имя общего спокойствия, поскольку его светлость лорд-канцлер намерен распустить комиссию.

Вернувшись в офис, Тесс села у окна и опустила голову на грудь. Через минуту дверь позади нее открылась, и ее сердце замерло... но это оказался не Гриф, а адвокат.

Войдя, Вуд победно улыбнулся и, скинув парик и мантию, тотчас направился к окну. Распахнув его, он громко воскликнул:

- Хочу воздуха! Капризные клиенты скоро доведут меня до могилы. Боже, я думал, что скончаюсь, когда понял, что ваш лорд даже не собирается защищаться.

Тесс нервно потерла руки.

- Значит, мы все-таки выиграли процесс?

Вуд резко обернулся:

- Выиграли? Конечно, мы выиграли, дорогая девочка! Дело прекращено. Все наши

доказательства приняты: поддельные записи, касающиеся аннулированного брака; арест Старка на Таити и его телеграмма Элиоту; свидетели, которые видели, как Элиот силой захватил вас; тот факт, что Элиот стрелял в спину нашего подзащитного, и так далее. Никакого другого разумного истолкования собранным фактам нет, кроме того, что ваш муж пришел к Элиоту с намерением узнать о вашем местонахождении, а тот попытался избавиться от него и таким образом скрыть свои неблагоприятные поступки. Обвинение резко ослабело, как только лорды признали в моем подзащитном маркиза Ашленда. Должен признать, большую роль здесь сыграли достойные показания мистера Старка, так что, возможно, мы не будем настаивать на его возвращении во французскую тюрьму... – Адвокат подмигнул Тесс, и она нервно улыбнулась, не в силах сосредоточиться на подробностях довольно туманных юридических формулировок.

– А где Гриф? – осторожно спросила Тесс.

– Я попросил Флисмана привести его сюда, а потому надеюсь, что он скоро будет здесь.

– О! – взволнованно произнесла Тесс, медленно разрывая кружева носового платка на мелкие кусочки.

Встав позади нее, Вуд положил руку на ее плечо.

– Боюсь, ему сейчас не до вина и роз.

– Да, разумеется, он, конечно же, очень устал. – Тесс старалась быть рассудительной, однако голос ее слегка дрожал.

– Более того, он ошеломлен, – добавил адвокат, – и вы тоже выглядите утомленной. Если позволите, я на время оставлю вас одну, чтобы вы могли отдохнуть.

Тесс кивнула. После того как адвокат ушел, она долго сидела неподвижно, но вопреки расчетам Вуда тишина и покой постепенно сводили ее с ума.

Гриф к ней так и не пришел.

Глава 19

Лежа за занавесками на кровати с балдахином в господской спальне Ашленда, Гриф закрыл глаза и попытался заснуть. В доме давно существовал традиционный ритуал с участием Бадгера: дворецкий приходил в спальню и стоял в ожидании, пока хозяин уляжется в постель, а потом задвигал занавески. Предложение отказаться от этой традиции не имело успеха – по видимому, Бадгер не мог даже представить возможность такого чудовищного изменения освященных веками обычаев.

В итоге ради того, чтобы старик тоже мог отдохнуть, Грифу приходилось отправляться в постель с заходом солнца и лежать некоторое время без сна в душной темноте. Затем он вставал, раздвигал занавески и одевался.

Только вне дома, на свежем воздухе, Гриф не чувствовал себя одиноким и опустошенным. Он совершал прогулку к небольшому озеру и, поднявшись на окружающие его холмы, наблюдал восход луны, после чего садился на траву, ощущая подсобой непривычную мягкость после долгих месяцев, проведенных на холодных камнях. Это ощущение было даже более ошеломляющим, чем богатство и статус, внезапно свалившиеся на него.

Судьба сыграла с ним слишком злую шутку, предоставив ему все, о чем только может мечтать человек, когда для того, чтобы радоваться, у него не осталось никаких сил. Ему надо было как-то встряхнуть себя, а он по-прежнему оставался холодным и неестественно спокойным, как эта тихая блестящая поверхность озера. Конечно, он знал, что в глубине его души таится нечто темное и пугающее, но ему не хотелось думать об этом. Пока он не задавал себе вопросов, его рассудок был в безопасности.

Тем не менее Гриф пытался поставить перед собой цель на будущее, наметить план и направление действий, заглянуть немного вперед. Он мог теперь поехать куда угодно, делать все, что угодно, купить все, что только захочет.

Беда заключалась в том, что не хотелось ничего.

За время своих ночных прогулок к озеру Гриф окончательно убедился в этом. Все его мечты и надежды растаяли в воздухе. Взять, к примеру, корабль. Какой смысл снаряжать его и мотаться по океанам, занимаясь перевозкой грузов, когда заработанные при этом деньги – лишь ничтожная малость по сравнению с богатством, которое он унаследовал...

Ирония заключалась в том, что жизнь потеряла для Грифа смысл именно тогда, когда ему ее вернули. Это выглядело довольно смешно, но иногда внутри у него все сжималось от боли, и в такие минуты его видимое спокойствие нарушалось, подобно тому как на гладкой блестящей поверхности озера появляется рябь, если бросить в него камушек. Но даже в такие моменты Гриф не хотел знать, какие монстры скрывались в глубине его души.

Увы, с каждым днем они шевелились все сильнее, угрожали ему, требовали выпустить их. В такие моменты Грифу хотелось убежать от этих темных сил, пока они не выбрались наружу и не поглотили его. Куда бежать – для него не имело значения. Он знал только, что не сможет вечно оставаться здесь. По существу, Ашленд никогда не был его домом, и он не хотел владеть им. Долгие годы он злился и страдал от того, что потерял наследство, не понимая, что оно влечет за собой, не понимая, что невозможно вернуть детство, семью, другие незаменимые вещи.

Однако отказаться от состояния и вернуться к прежней жизни оказалось не так-то просто. Надо было что-то делать с поместьем. Как только Гриф приходил к этой мысли, монстры внутри начинали проявлять себя, и тогда он осторожно подавлял их. Состояние можно было бы потратить на благотворительные заведения, школы, частично передать государству, но... Обдумывая все это в течение долгих бессонных ночей, Гриф пришел к выводу, что не имеет ни законного, ни морального права передавать Ашленд кому-либо постороннему, поскольку, помимо имущества, у него были еще жена и сын.

Резко вскочив на ноги, Гриф начал беспокойно ходить по берегу. Мысль о Тесс жгла его, подобно незаживающей ране, и он поспешно отбросил ее.

Думать о сыне было куда приятнее, поскольку эти размышления имели абстрактный характер. В данный момент ребенок был для него не более чем именем на листке бумаги. Когда Вуд сказал ему, что он стал отцом, Гриф равнодушно посмотрел на адвоката, словно речь шла о появлении на кухне новой судомойки. Ребенок... Это понятие казалось ему почти нереальным, а потому безопасным, и он спокойно рассуждал о ребенке во время продолжительных бесед со своими адвокатами.

Гриф с иронией подумал о том, как удобно иметь помощников, которые являются словно по мановению руки. Они никогда не возражали ему и только слушали с серьезным видом, когда

он излагал свои планы, а потом советовали проконсультироваться с матерью мальчика, прежде чем взвалить на нее заботу сразу о сыне и поместье, не назначив опекуна.

Однако такой шаг предполагал встречу с Тесс, а этого он хотел избежать любой ценой. Позволить себе снова любить человеческое существо, связь с которым может прерваться в любой момент, он просто не мог. Вот почему Гриф не хотел ни видеть Тесс, ни говорить с ней. Больше всего он боялся, что, если увидится с ней, вся созданная им защита мгновенно рухнет.

К его величайшей досаде, Абрахам Тейлор сообщил ему в письме, что, вернувшись в Англию после смерти жены, планирует отойти от дел и поэтому хотел бы обсудить с Грифом передачу ему опекуна над леди Тесс. При этом Тейлор настаивал на личной встрече.

Немного поколебавшись, Гриф принял решение. Он поговорит с Тейлором и откажется от опекуна; тогда Тейлор будет вынужден назначить опекуном кого-то другого. После этого останется только передать Ашленд в надежные руки и назначить доверительного собственника. Может быть, ему даже удастся убедить Тейлора взять на себя ответственность за поместье.

И вообще лучше всего было бы послать переговорить с Тесс не адвокатов, а именно Тейлора. Его помощники поняли бы это, учитывая, что речь идет о старом друге семьи и в какой-то степени их коллеге. Адвокаты могли бы подготовить и подписать необходимые документы, после чего Гриф был бы свободен и от этих стен, и от огромной кровати со шторами, а заодно и от ответственности, лежавшей камнем у него на сердце.

Два дня спустя Гриф сидел в кабинете деда, беспокояно постукивая пальцами по черному с золотом письменному столу, подаренному Людовиком XIV первому маркизу Ашленду. Наконец в комнату вошел Бадгер.

- Милорд, - объявил он, - представитель ее величества, генеральный консул провинции Пара, Абрахам Тейлор, эсквайр, просит его принять.

Теперь Гриф отлично знал заведенный порядок, поэтому он встал и сказал:

- Я прошу немедленно провести его ко мне.

- Сюда, милорд?

- Да, сюда.

Когда Тейлор вошел в комнату, он показался Грифу изрядно постаревшим. Лицо его уже не было таким румяным, когда-то черные, усы и бакенбарды изрядно побелели.

Пожав руку Грифу, Тейлор улыбнулся:

- Ваша светлость...

Маркиз покачал головой и тоже улыбнулся:

- Ради Бога, не называйте меня так; мне достаточно словесного почитания со стороны дворецкого. - Он задержал руку консула немного дольше принятого. - Прошу принять мои соболезнования в связи с кончиной миссис Тейлор.

Гость вздохнул и опустил глаза:

- Благодарю. - Казалось, Тейлор собирался сказать еще что-то, но, передумав, отпустил руку Грифа. - Видите ли, для каждого когда-то настает пора изменить образ жизни. У меня есть место в Херефорде, и я намереваюсь обосноваться там, однако сначала мне надо закончить дела с вами. Документы о передаче опекунства в полном порядке, нужна только ваша подпись.

Гриф сделал несколько шагов по направлению к письменному столу. Сейчас, когда пришло время изложить свои намерения, во рту у него отчего-то пересохло.

- Мистер Тейлор... - Он опустил голову, не в силах смотреть консулу в глаза. - Я не хочу брать на себя опекунство.

Тейлор долго молчал, потом осторожно спросил:

- Вы действительно отказываетесь от обязанностей опекуна?

- Да.

- Могу я спросить, почему?

Гриф пожал плечами:

- Ну... У меня нет опыта. Кроме того, я намереваюсь передать имущество доверительному собственнику и хотел просить вас помочь мне выбрать подходящего опекуна.

Тейлор долго молчал, как-то странно глядя на хозяина имения, и в конце концов Гриф, не выдержав, стукнул кулаком по столу. Его нервы напряглись до предела; еще немного, и...

Наконец Тейлор нарушил тишину:

- Если вы не надеетесь на свою проницательность, я могу свести вас с превосходными консультантами, которые помогут решить вашу проблему, хотя и сомневаюсь, что в этом есть необходимость. Разумеется, я не думаю, что кто-то другой, кроме вас, будет подходящим опекуном имущества леди Тесс, и - если позволите совет - вашего тоже. Вы молодой человек с большими способностями, поэтому нет никакой необходимости передавать ваше имущество доверительному собственнику.

- Тем не менее, - Гриф насупил, - именно это я собираюсь сделать.

Похоже, он так и не убедил Тейлора.

- А как же ваши обязанности?..

- К черту обязанности! - Гриф отвернулся. - Мои обязанности и так уже чуть не отправили меня на тот свет.

Гриф услышал, как скрипнул пол под ногой Тейлора, но даже не повернул головы.

- Что ж, я все понимаю. - Тейлор вздохнул.

Неужели? Черта с два он понимает! У Грифа не находилось слов, чтобы объяснить Тейлору свое состояние. Как можно выразить смятение души, боязнь встретиться с женой из страха разрушить тонкую оболочку отчужденности, которую он создал вокруг себя? Да и кто станет доверять человеку, который не доверяет себе...

- Что ж, я ожидал от вас большего. - Тейлор встал.

Гриф продолжал молча смотреть на свое отражение в небольшом зеркале, установленном на полированной поверхности стола.

- Я чувствую, что мое место не здесь, - сказал он наконец. - Поэтому и хочу уехать отсюда.

- Точнее, сбежать.

Гриф вскинул брови.

- Называйте это как хотите, мне все равно.

Гость сцепил руки за спиной и не спеша прошелся по комнате. Гриф ждал.

Наконец Тейлор повернулся и резко остановился перед ним.

- Я был в Уэстпарке эти две недели. - В голосе Тейлора прозвучал вызов.

Гриф хранил напряженное молчание и при этом чувствовал, как учащается его пульс.

- Вас не интересует, кто сейчас находится там? - спросил Тейлор с подчеркнутой учтивостью. - А может быть, вы все же хотите узнать что-нибудь о ваших жене и сыне?

- И что же поделяют моя жена и сын? - Голос Грифа прозвучал как-то безжизненно, словно ответ его не очень интересовал.

- Ваш сын чувствует себя хорошо и делает все, что положено малышу его возраста. - Тейлор прищурился. - А вот ваша жена страдает.

- Тут уж я ничем не могу помочь.

- Вот как? Следует ли передать ей ваши слова?

- Да! - Гриф резко поднял голову. - Передайте ей это. И еще скажите, что я не хочу быть опекуном ее имущества, не хочу видеть ее и меня не волнует, существуют ли она и ее сын или исчезли с лица земли и провалились в преисподнюю. Вы поняли, Тейлор?

Лицо консула покраснело.

- Думаю, да. Но я ничего не скажу ей.

Гриф молчал. Его самообладание дало трещину, в один миг выпустив наружу все, что накопилось внутри.

- Простите, - наконец выдавил он. - Я не хотел...

Его голос дрогнул, и он, отвернувшись от Тейлора, бессмысленным взглядом уставился на шелковую обивку кресла.

Когда Тейлор заговорил снова, его голос звучал уже не так сурово.

- Знаете, когда я впервые услышал, кем вы являетесь на самом деле, мне пришло в голову, что лорд Морроу давно догадывался об этом. Он знал вашего деда и дядю. Теперь и я заметил, что

вы очень похожи на них.

Гриф с подозрением посмотрел на гостя.

- Да, мне говорили об этом, - напряженно сказал он. - И что?

- Люди видят то, что ожидают увидеть. - Тейлор задумчиво почесал голову. - Большинство из них. Однако лорд Морроу был человеком весьма наблюдательным и к тому же обладал феноменальной памятью. Думаю, он в самом деле догадывался.

- Мне кажется, вряд ли.

- Однако в своих последних письмах он очень настаивал, чтобы я вручил его дочь вашим заботам.

- И поступил весьма глупо. - Гриф крепче сжал зубы.

- Вовсе нет. - Консул улыбнулся. - Я бы назвал это эксцентричностью.

- Не понимаю, зачем вы говорите мне все это?

Тейлор пожал плечами:

- Потому что пытаюсь понять, действительно ли Морроу разглядел что-то в вас, или это была ошибка. - Он указал рукой куда-то за окно. - «Честь превыше всего» - не эти ли слова написаны над дверью этого дома?

Гриф сузил глаза.

- По-моему, я всегда следовал этому девизу.

- Неужели?

Тейлор усмехнулся, затем кивнул, явно намереваясь распрощаться.

Подойдя к двери, он остановился:

- Тесс заслуживает более уважительного отношения с вашей стороны, поверьте.

Гриф молчал. Он снова отгородился от мира своим защитным панцирем и не собирался ничего менять.

Детская комната в Уэстпарке выходила окнами в прекрасный сад, заложенный еще в восемнадцатом веке и украшенный широкими аллеями, лабиринтами тропинок среди самшитовых деревьев, а также небольшой застекленной теплицей, которую отец Тесс построил в центре. В целом план сада представлял собой живописно расположенные квадраты и прямоугольники.

Уэстпарк весь был подобен этому саду: безмятежный, опрятный и величественный. Дом также построили с соблюдением строгих пропорций, и каждый камень, окно или дверь занимали свое место с безупречной точностью. В центре дома располагалось просторное круглое помещение под огромным стеклянным куполом, где росли экзотические деревья и цветы, которые отец собирал по всему миру. О них заботился мистер Сидни. Эти растения разрослись в высоту и образовали зеленый навес, на радость попугаю Исидоре.

Подойдя к окну, Тесс могла свободно обозревать то, что находилось как внутри, так и снаружи, и ее взгляд сосредоточился на небольшом отрезке извилистой дорожки, который легко просматривался среди деревьев.

В это утро Тесс поднялась с рассветом и, занявшись своим туалетом, довела до отчаяния не только себя, но и няньку, горничных и личную служанку. Сначала она выбрала розовое платье, потом потребовала серое и наконец остановилась на светло-зеленом, украшенном кисеей с ткаными горошинами, буфами на рукавах и перламутрово-белой лентой на поясе. По ее мнению, этот наряд выглядел особенно женственным, изящным и деликатным. Никто теперь не смог бы узнать в ней ту неухоженную девицу, которая когда-то пробиралась по грязи в делях Амазонки или, стоя по пояс в воде, ловила угрей на Таити. По крайней мере она надеялась на это. Усевшись на подоконник, Тесс инстинктивно сжимала и разжимала руки в ожидании. Прошло уже три недели с тех пор, как мистер Тейлор вернулся из Ашленда с обескураживающим сообщением, и две недели с момента получения официального письма от Грифа, в котором выражалось желание обсудить вопросы, касающиеся опекуна и других вещей.

«И других вещей». Эта фраза пугала ее. Тесс была уверена, что Гриф собирается начать бракоразводный процесс, хотя, по словам мистера Тейлора, у него не было для этого никаких законных оснований. Брак на Таити подтвердила церковь в Англии, а попытка Стивена аннулировать его путем подкупа и убеждения нескольких священнослужителей потерпела крах.

К тому же Тесс была образцовой женой: она постоянно находилась дома, не посещала вечеринки, заботилась о своем ребенке. Она даже перечитала все имеющиеся в доме книги и в конце концов сосредоточилась на «Журнале для английских домохозяек». От ее внимания не ускользала ни одна из заметок, где излагались требования, выполнение которых способствовало ее становлению в качестве добропорядочной жены и матери семейства. Теперь это занимало все ее время.

Когда Тесс впервые обнаружила связь между Грифом, кольцом с печаткой и историей «Арктура», это показалось ей нереальным, однако она решила использовать эти факты как возможный путь спасения Грифа и добилась-таки того, что палата лордов приняла апелляцию. Только когда лорды признали в Грифе равного по положению и вынесли оправдательный приговор, она начала понимать всю значимость происшедшего. В один момент статус Грифа изменился от бродяги-капитана до маркиза Ашленда, и теперь между ними не осталось барьеров ни в общественном положении, ни в богатстве. По титулу и состоянию Гриф даже превосходил ее. Газеты с ликованием печатали удивительные сообщения, не упуская ни одной подробности, касающейся унаследованного им богатства. Сюда входил доход от железных дорог, угольных шахт в Уэльсе, от земельных участков в Мейфэре и Вестминстере, от богатых поместий в Гэмпшире и Дорсете. О таком достатке любой мог только мечтать, и ежедневные издания постоянно подогревали интерес читателей частыми публикациями на эту тему.

Тесс была очень довольна. Каждый фунт ежегодного дохода Грифа, о котором писали газеты, казался ей кирпичиком, извлекаемым из стены гордыни, разделявшей их. Тесс надеялась, что Гриф сам придет к ней, как только осознает устойчивость своего положения.

Но он не приходил, и Тесс расценила это как своеобразный ответ. Видимо, в ней самой был какой-то изъян, заставлявший его отворачиваться от нее.

Когда в полуоткрытую дверь детской постучал мистер Тейлор, Тесс, вздрогнув, подняла голову и, устало улыбнувшись, пригласила его войти.

- Я пришел пожелать доброго утра своему крестнику, - приветливо сказал гость и, наклонившись над колыбелью, пошевелил пальцами, не отрывая при этом глаз от Тесс. - А вы превосходно выглядите, мадам.

- Неужели? - Тесс встала и начала беспокойно ходить по комнате.

- Единственно, вашим щечкам не хватает немного румянца.

Тесс тотчас подошла к зеркалу, и мистер Тейлор с улыбкой покачал головой:

- Нет, нет, не так буквально, дорогая.

- О! - Тесс посмотрела на него и закусил губу. - Вы хотите сказать, что я выгляжу слишком подавленной?

- Скорее, немного взволнованной.

Тесс вздохнула:

- Так и есть. Сейчас я волнуюсь даже больше, чем перед первым балом. - Она выглянула в окно. - Прошло уже пять минут после назначенного времени, а Грифа все нет. Возможно, он просто опаздывает?

Мистер Тейлор развел руками:

- Этого я не могу знать.

- Но... вдруг он вообще не приедет?

- В таком случае я пригоню его сюда палкой.

Тесс неловко улыбнулась:

- Мне кажется, вы уже пытались сделать это...

- О нет. Он еще не видел меня в гневе, но я предоставлю ему такой шанс, если он не исправится.

Опустив глаза, Тесс тихо произнесла:

- Судя по тому, что вы рассказали мне о нем, я не думаю, что Гриф изменит свою точку зрения.

Мистер Тейлор выпрямился.

- Он не сможет развестись с вами, Тесс, и вы не должны сомневаться в этом.

- Какая разница, сможет или нет? Главное, он хочет сделать это.

- Ну, пока нет никаких признаков этого.

- А мне кажется, - голос Тесс задрожал, - что сейчас он особенно сожалеет о своей женитьбе, поскольку перед ним открылся неограниченный выбор.

- Мне так не показалось.

- А что же вам показалось?

Мистер Тейлор слегка сдвинул брови и посмотрел на ребенка, который спокойно лежал в колыбели, широко раскрыв глаза.

- Я бы сказал, - он задумчиво прищурился, - маркиз Ашленд сейчас похож на человека, который долго спал, и вдруг его неожиданно разбудили.

- Я не понимаю.

- Это называется нервным срывом. Если слишком долго держать человека под обстрелом, не продвигаясь ни вперед, ни назад, без всякой надежды на спасение, а потом, когда он уже готов умереть, вывести его из-под огня... - Тейлор покачал головой. - Нечто подобное испытал и ваш муж. Я подозреваю, что он еще не до конца пришел в себя.

- Да, это моя вина. Из-за меня он подвергся таким страданиям.

- Возможно. - Тейлор чуть приподнял брови. - Но сейчас, когда все благополучно закончилось, Гриф выглядел бы неблагодарным ничтожеством, если бы винил вас за то, что вы вернули ему наследство.

- О, если бы я была настоящей леди! - простионала Тесс. - Вероятно, он стыдится иметь такую легкомысленную, склонную бродить по свету женщину в качестве маркизы. Вы знаете, что печатают в газетах?

Тейлор фыркнул:

- Кажется, о том, что вы не носите корсетов, и тому подобное, не так ли? Я готов поклясться, что маркиз не читает этих газет. Он даже не знает, что существует «Женское христианское общество», и, разумеется, его не волнует то, что они отказываются принять вас в свои ряды, потому что вы знакомы с такими книгами, как «Основы геологии».

- А еще труды Дарвина, - напомнила Тесс. - Это им особенно не нравится. - Она поджала губы.
- По их мнению, непристойно считать, что наши предки произошли от обезьян.

Разговор прервал стук в дверь, и дворецкий доложил, что прибыл лорд Ашленд.

Тесс ощутила невероятную слабость. Она надеялась окончательно приготовиться к встрече, когда увидит в окно подъехавшую карету.

Мистер Тейлор взглянул на нее и затем, не сказав ни слова, вежливо удалился.

- Проводите гостя в розовую гостиную, - сказала Тесс слуге. Это была часть апартаментов ее матери: довольно милая, солнечная комната, примыкающая непосредственно к детской. Тесс подсознательно руководствовалась мыслью, что если Гриф увидит или хотя бы услышит своего ребенка, то, возможно, захочет остаться с ней.

Она поцеловала дремлющего малыша и, войдя в гостиную, закрыла за собой дверь детской. Вряд ли ее сын заплачет. Правда, порой он устраивал рев, который долго помнился всем, но это бывало крайне редко. К тому же няньке было приказано проверять состояние младенца каждые пять минут.

Усевшись на диван, Тесс терпеливо ждала, машинально водя пальцем по контуру одной из

больших роз на ситцевой обивке.

Наконец раздался стук в дверь, и она сжала пальцы.

- Войдите.

При виде Грифа ее сердце замерло. Он стоял, не глядя на нее, на том месте, где лакей оставил его. В этой просторной светлой комнате его холодная фигура в черном сюртуке и серых штанах была единственным темным объектом. Ну просто дьявол во плоти, с рыжеватыми волосами и ледяными глазами, невольно подумала Тесс.

- Доброе утро, - сказала она упавшим голосом.

Гриф посмотрел на нее и отвернулся.

- Доброе утро.

Наступила неловкая тишина, и Тесс опять начала водить пальцем по розе, а затем спрятала руку в складки юбки.

- Спасибо за то, что согласилась встретиться со мной. - Гриф тяжело вздохнул. - Я не займу много времени.

Тесс взглянула на него с болью в глазах, затем постаралась взять себя в руки.

- Может быть, ты хотя бы присядешь? - тихо спросила она.

Гриф прошелся по комнате, но так и не сел; остановившись у каминной полки в нескольких ярдах от Тесс, он замер, видимо, собираясь с мыслями. При этом он потирал ладонь пальцами, как будто хотел раздавить что-то в кулаке.

- Я решил поговорить с тобой о своем намерении, - начал он без предисловий, - и об опекунстве, а заодно узнать, одобряешь ли ты мои предложения.

- Я одобряю все, что ты считаешь нужным, - поспешно произнесла Тесс и тут же ощутила гордость, оттого что поступила, как подобает порядочной жене.

Гриф бросил на нее насмешливый взгляд, и Тесс опустила глаза. Он прав, даже при всем своем желании она не могла соответствовать образцовой жене.

- Вот и хорошо, - равнодушно сказал Гриф. - В таком случае, надеюсь, ты не очень огорчишься, если я попрошу мистера Тейлора назначить вместо себя другого опекуна.

Благодаря Тейлору Тесс ожидала этого, однако она не знала, чем ее муж обоснует свое решение.

- Конечно, нет, - смиренно сказала она, хотя это было ложью.

Заложив руки за спину, Гриф сделал несколько нетерпеливых шагов, а Тесс наблюдала за ним уголком глаза. Он вовсе не показался ей тем, кто долго находился в спящем состоянии, и скорее был похож на человека, который давно не спал. Его лицо и движения были крайне напряженными.

- Я также хочу передать Ашленд доверительному собственнику, оставив его в твоём и

мальчика распоряжении. Если ты знаешь человека, которого хотела бы иметь в качестве опекуна, то назови мне его прямо сейчас.

Это уже похоже на сжигание всех мостов, подумала Тесс и молча кивнула.

- Так ты имеешь в виду кого-нибудь?

Наступила продолжительная тишина. Тесс упорно боролась с пеленой, застилавшей ей глаза. Она уже смирилась со своим положением, однако все еще лелеяла слабую надежду, что Гриф изменит свое решение.

- Что ж, это все, что я хотел сказать.

Прозвучавшие слова были лишены каких-либо эмоций, и Тесс поняла, что это конец. Она на мгновение подняла глаза, но Гриф уже отвернулся к открытому окну.

- Впрочем, нет, не все. - Он устремил взгляд на подоконник. - Я хотел поблагодарить тебя за твое...

Голос Грифа внезапно сорвался, и он даже не попытался закончить предложение.

Сердце Тесс мучительно сжалось. Выдержав паузу, она спросила:

- Если я правильно поняла, ты хочешь покинуть Ашленд?

Гриф кивнул.

- И куда ты направляешься?

Он пожал плечами:

- Это не имеет значения. Думаю, вернусь на корабль.

- Тебе не понравилось в Ашленде?

- Нет.

Тесс почувствовала, что ее сердце забило быстрее.

- Может быть, тебе будет лучше здесь?

Плечи маркиза напряглись под черным сюртуком, и он слегка повернул голову.

- Ни в коем случае.

- Неужели ты так сильно ненавидишь меня? - произнесла Тесс почти шепотом.

Гриф резко отвернулся к окну.

- Напротив, я не испытываю ненависти к тебе.

Спасибо хоть за это. Тесс в раздумье посмотрела на прямую линию его спины.

- Ты не думаешь, что мы могли бы стать семьей... когда-нибудь?

Вопрос остался без ответа.

- Понимаю, я ужасно глупая женщина. - Голос Тесс слегка дрожал. - Но я хотела бы знать, как мне следует вести себя, чтобы понравиться тебе.

- Послушай, Тесс...

- И... может быть, ты хочешь увидеть своего сына? - неожиданно сказала она.

Гриф не ответил. Он по-прежнему смотрел в окно, и Тесс не видела его лица. Приняв его молчание за согласие, она встала и, пройдя из гостиной в детскую, закрыла за собой дверь.

Услышав щелчок, Гриф поспешно отвернулся от окна. Небольшая передышка была ниспослана ему Богом: если бы Тесс задержалась здесь еще хоть на мгновение, он, вероятно, бросился бы вниз по лестнице, поскольку дольше оставаться наедине с ней ему казалось невыносимым. Ему и теперь хотелось уйти, но ноги его не слушались, и он стоял как вкопанный, с тоской взирая на дверь. Так умирающий смотрит на храм, добраться до которого не в состоянии...

Семья. Эта мысль постоянно терзала его. Он хорошо выучил урок, преподанный ему жизнью: только в одиночестве его спасение. Любовь подобна пению сирены, манящему в чарующую гладь, под которой скрываются беспощадные рифы. Вот почему он должен уйти...

Однако, когда Тесс появилась в двери с небольшим свертком, у него даже не нашлось сил отвернуться.

Тесс вернулась на кушетку, и Гриф увидел, что она смущена и старается спрятать в белых кружевах две маленькие ручки, которые тянутся к ее лицу. Дешевый трюк, со злостью подумал он. Игра на чувствах - это последнее дело. Он попытался не реагировать на эту сцену и даже почти преуспел в этом.

И тут что-то яркое впорхнуло в открытое окно и стремительно пронеслось мимо его плеча. Маленький попугай, сделав круг по комнате, уселся на голову Тесс, а затем, спрыгнув на ее плечо и наклонив голову, стал разглядывать ребенка.

- О Боже! - Тесс вздрогнула, видимо, напуганная внезапным появлением попугая, и птица, расправив изумрудные крылья, попыталась взлететь. Однако ее коготь запутался в сетке, покрывавшей густые волосы хозяйки. - Исидора! - взмолилась Тесс, когда половина ее прически рассыпалась и волосы упали на плечо. Ребенок тут же поднял крик, и попугай захлопал крыльями, пытаясь вырваться из ловушки.

Поспешно вскочив, Тесс сделала несколько шагов, и Гриф внезапно обнаружил, что ребенок оказался у него на руках. Схватив попугая, Тесс горестно запричитала:

- Глупая птица! Ну как ты могла! Ты испортила всю мою прическу!

Исидора ответила гортанным криком, и Тесс топнула ногой; из глаз ее покатались крупные слезы. Несколько секунд она молча распутывала сетку, и наконец птичка вылетела на свободу.

Снова сделав круг по комнате, попугай опустился на плечо Грифа, а Тесс плюхнулась на кушетку и прижала сжатый кулак ко рту. Ее волосы распустились, губы приоткрылись, как у расстроенного ребенка...

В этой суматохе Гриф, стоя с орущим свертком в руках, растерянно наблюдал за сидевшей

перед ним в крайнем смятении Тесс, а зеленый попугай настойчиво щипал его за ухо.

Наконец он закрыл глаза. Что-то внутри его напряглось до предела, и вдруг он заплакал.

Казалось, слезы появлялись сами собой; они просто текли из невидимого источника накопившихся страданий. Его дыхание участилось и стало прерывистым. Он в отчаянии посмотрел в потолок. Его выбор был сделан, и он ничего больше не просил от жизни, как только позволить ему оставаться в одиночестве. Однако его невольные слезы отчетливо свидетельствовали о безмолвном откровении, которое снизошло на него. Да, так и есть, он поступает неправильно, и от этого все происходит совсем не так, как он рассчитывал.

- Дорогой! - Тесс с тревогой посмотрела на Грифа. - Позволь мне взять у тебя малыша... сейчас, сейчас... Только не надо плакать, пожалуйста, не надо... - Она осторожно взяла ребенка на руки и устремилась с ним в другую комнату, но у двери оглянулась. - Пожалуйста, присядь, не уходи. Я вернусь через секунду...

Оставшись стоять, Гриф смотрел на камин, на окно, на мягкий диван и прислушивался к затихающим крикам ребенка. Его сын. Неужели возможно, что в его безнадежно пустой жизни могут появиться сын, жена... А еще этот назойливый зеленый попугай, который продолжал настойчиво щипать его ухо. Неужели в мире все еще существуют смех, красота и прочие прелести жизни и он может видеть и слышать все это...

Гриф судорожно втянул в себя воздух. Он знал, почему это стало возможным. Все дело в Тесс с ее безумными планами, голубовато-изумрудными глазами, глупыми животными, отчаянной храбростью и произвольной грацией. Это в самом деле была женщина, которую он любил. При виде Тесс все его существо оживало, наполняясь счастьем, обретая жизненные силы.

Когда она вернулась в гостиную, он все еще не осмеливался взглянуть на нее. Попугай снова расправил крылья и вылетел в окно.

Гриф напряженно посмотрел ему вслед, пытаясь восстановить свои оборонительные редуты. Это была последняя линия обороны, за которой следовала полная капитуляция.

Тесс не отходила от двери. Она чувствовала, что ее намерение выглядеть образцовой женой, как и прочие планы, потерпело полный провал, и была готова извиняться, оправдываться, умолять его дать ей время, чтобы научиться быть достойной его. И тут она взглянула на него...

Гриф выглядел так, словно опять стоял на эшафоте и знал, что сейчас он умрет. Это настолько поразило Тесс, что она, отбросив всякие сомнения, подошла к нему, взяла его руку и прижала к своей щеке.

- В чем дело? - прошептала она. - Что-то не так?

Его пальцы сжали ее руку.

- О Боже, - произнес Гриф таким тихим голосом, что она едва могла расслышать его. - Я так боюсь.

Тесс поцеловала его дрожащие пальцы и погладила их, словно успокаивала ребенка.

- Боишься чего?

- Я думал, что ты погибла, - неожиданно сказал он глухим голосом. - Я думал, что Стивен убил

тебя.

Тесс посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

- Тогда я тоже захотел умереть, а потом долго не мог поверить, что меня оставили в живых. - Он попытался сделать так, чтобы его голос не дрожал. - Но даже в тюрьме мне не давали покоя. Какая-то женщина все время приходила и молилась за меня.

- Не думай об этом. Все ужасы остались позади, и теперь мы снова вместе...

- Понимаешь, Тесс... - Его взгляд следовал за пальцами, которые касались ее виска, щеки, губ.
- Я не смогу выдержать такое еще раз.

Она покачала головой:

- Никто никогда не вернет тебя в это ужасное место. Я им не позволю.

Гриф чуть усмехнулся:

- Ах ты, моя защитница. - Он погладил ее распущенные волосы. - Я лишь сказал, что не смогу снова потерять тебя.

- А ведь я... - Тесс с трудом заставила себя продолжить: - Я думала, что ты не желаешь видеть меня.

- Чепуха! Все это время я только и мечтал объяснить... - На мгновение голос подвел его. - Короче, я считал, что погубил тебя. Это была моя ошибка, моя вина. Ничего бы не случилось, если бы я не заставил тебя уехать. Я должен был все понять сразу относительно Старка. Боже, ведь он пытался убить тебя тогда, в нашу брачную ночь, а я оставил тебя одну. - В его голосе зазвучало презрение к самому себе. - Я пытался подавить любовь к тебе, потому что ты могла опять причинить мне боль, прогнав, как когда-то. Вот почему я... О, Тесс, я всегда любил только тебя. Если я потеряю тебя... - Он с тревогой посмотрел на нее. - О Боже... Что, если я опять потеряю тебя?

Тесс долго молчала, а когда заговорила, голос ее был едва слышен.

- Ты не потеряешь меня, обещаю.

Гриф ничего не ответил и лишь беспомощно покачал головой.

Шагнув вперед, Тесс взяла его руки и прижала их к щекам.

- Никогда. Думаешь, я старалась стать образцовой леди только для того, чтобы расстаться с тобой?

Он пристально посмотрел на нее. Тесс ждала, подняв голову и наблюдая затем, как в дымчато-серых глазах попеременно отражаются сомнения, страх и желание. Она понимала, что сейчас решается ее будущее.

Наконец Гриф перевел взгляд на ее изящный кружевной ворот и нежные цветы, украшавшие платье.

- Образцовая леди мне не нужна... - хрипло произнес он. - Я предпочел бы видеть тебя такой, какой ты была прежде.

- О... - Тесс смущенно посмотрела на него. - В таком случае тебе следовало бы увидеть меня сразу после того, как я чудом спаслась от кровожадных пираний на Рио-Негро, - она провела пальцами по отворотам его сюртука, - или когда я стояла перед свирепым диким кабаном и в моем ружье оставался единственный патрон.

Внезапно Гриф притянул ее ближе и поцеловал, а потом прижал к себе так крепко, что у нее перехватило дыхание.

Трепет крыльев возвестил о возвращении Исидоры; усевшись на плечо Тесс, попугай громко свистнул, и Гриф, протянув руку, осторожно смахнул его.

Эпилог

Плывущие облака, слегка окрашенные в розовый цвет клонящимся к закату солнцем, отбрасывали расплывчатые тени на зубчатые скалы, окружавшие небольшой залив, в середине которого стоял на якоре красавец корабль; его тиковые палубы блестели золотом.

В то время как мистер Сидни удерживал шляпку на месте, Тесс, подоткнув юбки, взобралась на палубу, где ее встретил Мазу. В тот же момент раздался радостный визг, и Тесс, обернувшись, улыбнулась сыну, который безуспешно пытался вылезти из люльки, подвешенной на юте. Ее улыбка сделалась еще шире, когда она увидела, что ребенок протягивает к ней ручки.

Услышав шум, Гриф оторвался от снастей, и напряженное выражение его лица сменилось улыбкой. Передав работу матросу, он взял сына на руки, а потом посадил его к себе на плечо.

Малыш взвизгнул от удовольствия и попытался ухватиться за канат, но это ему так и не удалось, потому что Гриф решительно шагал по палубе к трапу.

Тесс протянула руки, чтобы взять ребенка, но ее опередил мистер Сидни, предложив поддержать младенца.

Гриф передал сына ботанику, потом, повернувшись к Тесс, поцеловал ее, и она признательно прильнула к его груди.

- Устала, родная? - прошептал он, поглаживая ее волосы.

- Немного. Мы наконец-то закончили исследования с наветренной стороны. Теперь я должна разобраться в наших записях и систематизировать их.

- Только не сегодня, - тихо сказал Гриф. - Сегодня вечером ты будешь занята.

Тесс подняла голову.

- Да?

- Да. - Он кивнул. - Я планирую сегодня отметить важную годовщину, и у меня для тебя приготовлен сюрприз.

- Но годовщина свадьбы будет только через неделю...

Посмотрев на нее с печальной улыбкой, Гриф провел пальцем по ее виску.

- Как быстро все забывается.

Тесс сдвинула брови, и вдруг глаза ее широко раскрылись.

- О!.. - Она густо покраснела, вспомнив событие, которое он имел в виду - ночь, проведенную на пустынном атолле. Стремясь скрыть стыдливую улыбку, она попыталась опустить голову. Но Гриф не позволил ей этого и, приподняв ее подбородок, поцеловал в губы.

- У тебя только одна минута, чтобы поздороваться с сыном. - Он отпустил Тесс и отошел назад.
- После этого, любовь моя, приготовься к тому, что тебя похитят.

Тесс покорно позволила малышу ущипнуть ее за нос, что, должно быть, означало приветствие, и вскоре оказалась в шлюпке с Грифом. Она с удовольствием наблюдала за тем, как он мощными гребками направляет шлюпку к берегу. Они причалили к пляжу в том месте, где их не было видно с корабля и где кристально чистые волны ласкали серебристый песок. Гриф перелез через борт и, когда Тесс начала снимать ботинки, чтобы последовать за ним, взял ее на руки и понес, шагая по воде, а потом по песку, туда, где росли деревья.

Опустившись на колени под навесом из пальмовых ветвей, Гриф положил Тесс на мягкие одеяла, заранее постеленные в этом убежище, и прильнул к ней жадным поцелуем. Она обняла его и ответила с не меньшей страстью.

Неожиданно он отстранился.

- Шлюпка. Я должен вытащить ее на берег. - Он коснулся лба Тесс губами. - Оставайся тут.

Тесс огляделась. Небольшой шалаш был сделан совсем недавно, и от него исходил аромат свежесрезанных пальмовых ветвей, а также цветов, которые были разбросаны на одеялах. Снаружи вился слабый дымок, а рядом на банановых листьях лежали фрукты и стояла бутылка красного вина.

Тесс откинула голову назад и рассмеялась.

- Что у нас на обед? - насмешливо спросила она, когда Гриф вернулся. - Жареный угорь?

Он опустил на колени рядом с ней.

- Нет! Ты же знаешь, я ненавижу рыбу.

- Верно, как я могла забыть, что ты - удивительный морской капитан, который ненавидит рыбу!

Гриф обхватил ладонями шею Тесс и притянул ее к себе.

- Следите за своим языком, первый помощник, - проворчал он ей на ухо, - или я съем вас на обед.

- Хм! - Тесс улыбнулась и посмотрела в его смеющиеся глаза. - Весьма соблазнительное предложение.

Он прихватил губами мочку ее уха, и Тесс томно откинула голову. Ее пальцы скользнули к пуговицам его штанов...

- Стоп! - Он неохотно йтстранил ее руку. - Сначала ты должна поесть.

Тесс вздохнула, затем удобно устроилась на одеялах и стала наблюдать за тем, как Гриф

извлекает на свет кусочки мяса, завернутые в банановые листья, которые тушились на углях под песком. Бледность давно исчезла с его лица, но важнее всего для Тесс было то, что в его глазах больше не было прежней обреченности. Теперь Гриф часто смеялся, и если иногда Тесс просыпалась ночью оттого, что он слишком крепко сжимал ее в объятиях, она не жаловалась. Она вообще ни на что не жаловалась.

Подкрепившись ароматной свининой и фруктами, Тесс легла на спину и положила под голову удобную подушку, сооруженную из нескольких одеял. Когда Гриф, сев у ее ног, принялся растирать ее ступни, Тесс застонала от удовольствия. Тогда он улыбнулся, провел ладонями по гладким икрам, Сдвигая юбку, а достигнув колен, наклонился и по очереди поцеловал их.

Затем его взгляд переместился на полоску гладкой блестящей кожи. Постоянная жара заставила Тесс отказаться от нижних юбок, она не без удовольствия заметила, как изменилось выражение лица Грифа, когда его ладонь добралась до внутренней поверхности ее бедра.

- Ты прекрасна, - глухо произнес он. - Такая мягкая. - Его руки скользнули выше. - Такая хрупкая...

- Хрупкая? - Тесс поморщилась. - Едва ли!

- Смотри. - Он взял ее руку и, подняв вверх, обхватил загорелыми пальцами запястье. Ее кожа выглядела светлой и полупрозрачной по сравнению с его загорелой кожей, а рука казалась тонкой веточкой, которую можно легко сломать.

Гриф поцеловал ее раскрытую ладонь.

- Вот он, настоящий цветочек.

Тесс попыталась скрыть непроизвольную улыбку.

- Ты выражаешься почти как одурманенный любовью мистер Боттомшоу.

Печально вздохнув, Гриф начал расстегивать ее блузку.

- Это летнее полнолуние так действует на меня. Из-за него я безнадежно очарован твоим прекрасным лицом... - его руки приникли к ее груди, - и прочими прелестями.

Внезапно Тесс смутилась.

- Ты действительно счастлив со мной? - Она замерла в ожидании ответа.

Пальцы, ласкавшие ее грудь, замерли; потом Гриф мягко отстранился от нее и заглянул ей в глаза.

- Неужели может быть иначе?

- У тебя ведь был большой выбор. - Тесс закусил губу. - Ты мог бы найти себе более подходящую жену, которая занималась бы ведением домашнего хозяйства, была бы в курсе современной моды, вела умные беседы, устраивала балы и все такое прочее. И ты мог бы гордиться ею.

Гриф неожиданно серьезно посмотрел на нее.

- Мне никогда не хотелось ничего из того, что ты перечислила, - медленно произнес он, и Тесс

сдвинула брови, перекатывая пальцами маленький нитяной шарик на одеяле.

- Это ты теперь так думаешь. Но ведь у тебя не было возможности пожить такой жизнью, не так ли? Ты пробыл в своем поместье всего несколько месяцев, и я знаю, что ты не проявил к нему никакого интереса. Однако со временем ты освоился бы там и тогда мог бы занять место в парламенте, стать членом клуба твоего деда...

- Чтобы охотиться верхом с собаками, постреливая бедных зверушек? - прервал он.

Тесс кивнула.

- А еще я мог бы пить молоко, - продолжил он бесстрастным голосом, - обсуждать курс акций, устраивать утренние приемы, менять одежду пять раз на день, посещать благотворительные рауты, танцевать на балах с дебютантками, но только один раз с каждой, и вести бесконечные разговоры с их матерями. - Его пальцы снова сжали ее грудь, а взгляд скользнул ниже. - И вот вместо такой раскрепощенной жизни я имею несчастье уединиться в этом раю с самой красивой женщиной на свете, которую обожаю всей душой... а впереди меня ждет ночь любви с ней.

Тесс почувствовала, что краснеет.

- Ты ведь знаешь, что я имела в виду. Твое положение... Ашленд... Ты точно не будешь жалеть, отказавшись от всего этого?

- Нет, - не колеблясь ответил Гриф.

Тесс задумалась на мгновение, а потом озорно улыбнулась ему:

- Тогда, может быть, ты скажешь еще что-нибудь в качестве комплимента?

Гриф не ответил; вместо этого он тут же руками и губами доставил ей такие комплименты, которые она не могла даже вообразить. Тесс откинулась на спину, позволяя Грифу заполнить собой все ее мысли и чувства.

Он закрыл ее глаза поцелуями, в то время как ее пальцы нащупали пуговицы на его штанах, а затем ожидаемую твердость внутри.

Он овладевал ею медленно, зная, что впереди у них еще масса времени: длинная ночь и целая вечность. Песок под одеялом, на котором лежала Тесс, уплотнился от ее движений, и на нем отпечатались форма ее тела. Она тихо постанывала от наслаждения, и Гриф подчинился заданному ей ритму. Его ладони ласкали ее обнаженные бедра и снова поднимались к груди, а она вся пылала под его руками.

- Тесс... - простонал он, напрягшись. - Любовь моя. О Боже, Тесс... - Он вжался в нее, чувствуя ее содрогания, и Тесс вскрикнула, испытывая наивысшее блаженство. Ее дрожь привела и его к бурной разрядке, и Гриф наконец расслабился, тяжело дыша.

Потом он долго лежал неподвижно, обнимая Тесс и думая о будущем. Может быть, у них когда-нибудь появится еще один ребенок. Гриф улыбнулся и прижался лицом к волосам Тесс, вдыхая их пьянящий аромат. Еще один ребенок, чтобы любить его и бояться за него. Слава Богу, теперь у него достаточно сил, и его больше не страшит уязвимость близких ему людей. Теперь он готов с радостью приветствовать появление новой жизни. За прошедшие годы Гриф понял, что любовь связана с риском потери, но жить без любви - все равно что жить в клетке, которая мрачнее тюремной камеры.

Вспомнив недавний вопрос Тесс, Гриф сначала нахмурился, а потом склонился над ней и поцеловал ее в кончик носа.

- Что ты там говорила насчет образцовой жены? Может, хочешь вернуться в Англию?

Она посмотрела на него широко открытыми глазами. В лучах заходящего солнца ее кожа приобрела розовато-золотистый оттенок.

- А ты?

- Пожалуй, теперь мне все равно. - Он поиграл локоном ее темных волос. - Я хочу быть с тобой - и не важно где.

В гаснущем свете дня Тесс с любовью смотрела на овал его щеки, на гибкие мышцы, выделяющиеся под блестящей кожей. Распростершись рядом с ней, Гриф был похож на язычника - дикого сына природы, отлитого в бронзе. Мысль о том, что эта языческая красота может быть спрятана под крахмаленной одеждой, внезапно показалась ей невыносимой.

- Лучше мы будем путешествовать вместе, капитан, - страстно прошептала она, прижимаясь губами к его губам, - ведь нам предстоит исследовать целый мир!